

В СЛУЖЕНИИ
ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЕ
И ПРЕПОДОБНОМУ
СЕРГИЮ

БРАТИЯ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ
XX–XXI ВЕКОВ

Избранные жизнеописания

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА

2025

УДК 271,22-788-055.1(470.311)(092)
ББК 86.372.24-647
В11

Рекомендовано к изданию
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р25-503-3021

Книга удостоена награды XIX Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» в номинации «Лучшее издание по истории Русской Православной Церкви в XX веке и казачеству» и диплома XV Международного Славянского литературного форума «Золотой витязь» в номинации «История славянских народов»

В служении Пресвятой Троице и преподобному Сергию. Братия Троице-Сергиевой Лавры XX–XXI веков. Избранные жизнеописания / Сост. иером. Пафнутий (Фокин). — 2-е изд., испр. и доп. — Сергиев Посад: СТСЛ, 2025. — 128 с.: ил.

В настоящем издании говорится о жизни, судьбе и молитвенном подвиге монахов, подвизавшихся в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре во второй половине XX-го – начале XXI веков. Они не получили широкой известности, но обладали такими свойствами внутренней красоты, которыми, по словам архимандрита Тихона (Агрикова), отличаются истинные рабы Божии. Рассказы о послушниках преподобного Сергия, написанные живым, доступным языком, отражают преемственность лаврских традиций, духовного опыта и молитвенного делания, а также особенный духовный быт лаврской братии. Воспоминания, забавные и трогательные истории, удивительные случаи проявления Промысла Божиего в жизни иноков, которые еще недавно трудились и молились в стенах Троицкой обители, переданы с большой любовью и благоговением. Повествование дополнено редкими иллюстрациями, уникальными архивными данными, а также свидетельствами людей, знавших лаврских отцов лично.

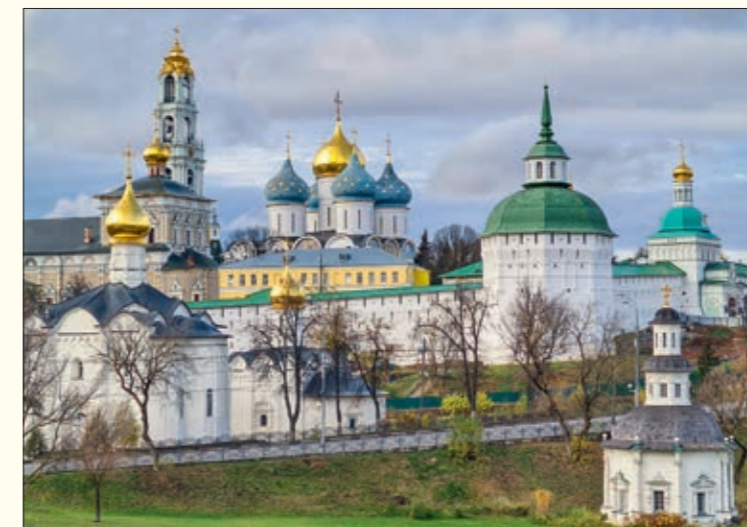
ISBN 978-5-00009-305-4

© Иеромонах Пафнутий (Фокин), 2025
© Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь Русской Православной Церкви невозможно представить без Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Вот уже более шестисот лет устремляются сюда люди из разных уголков мира, чтобы почувствовать близость преподобного Сергия, ощутить его благодатную помощь и поддержку, почувствовать истинный дух русского монашества.

Обитель воспитала множество подвижников благочестия. Рассказы о жизни Лавры сложно представить себе без рассказов о ее насельниках — история монастыря созидалась при живом деятельном участии его подвижников. Преподобному Сергию когда-то было дано обетование: «Имже образом видел еси птицы крилатые, множество их безчисленное, тако умножится стадо инок твоих, и по тебе не оскудеют, аще восхотят стопам твоим последовати». И действительно, за шесть минувших столетий в стенах Лавры возросло огромное количество учеников и последователей Преподобного. Многие были прославлены в лике святых, об их жизни и подвигах составлены жития, написаны

книги. Однако, помимо известных и прославленных старцев, подвизались здесь и простые, незаметные и невидимые для мира монахи, которых при жизни никто особо и не считал подвижниками. «Бывают на свете люди, которых трудно охарактеризовать какими-либо словами, — писал про них архимандрит Тихон (Агриков) в своей книге

“У Троицы окрыленные”. — Они подобны закрытому в ящике сокровищу, недоступному любопытному взору. И даже не предполагаешь, что хранится внутри, какая драгоценность скрывается под внешним убогим видом. Вот такими свойствами внутренней красоты при внешней, может быть, убогости, всегда отличались истинные рабы Божии.

“Человек смотрит на лицо, а Бог смотрит на сердце”, — говорит Слово Божие. И какая в этом мудрость, какая правильная оценка достоинства человеческого!»¹ Именно

¹ Тихон (Агриков), архим. У Троицы окрыленные. Воспоминания. Сергиев Посад: СТСЛ, 2023. С. 73.

о таких «скрытых сокровищах» Троице-Сергиевой Лавры середины XX века, об истинных рабах Божиих и вел свой рассказ отец Тихон. В его книге говорится о жизни, судьбе и молитвенном подвиге насельников, пришедших в монастырь после его открытия в 1946 году, после долгих лет гонений и многочисленных попыток предать забвению монашескую жизнь обители, превращенной в музей. Эту книгу можно назвать одной из лучших книг о жизни Лавры и лаврской братии. Будучи очевидцем возрождения Троицкого монастыря, отец Тихон с любовью и благоговением передал свои воспоминания и свидетельства о почивших иноках, ставших частью истории этого возрождения. Его свидетельства очень важны для нас — ведь в них заключается преемственность духовного опыта, лаврских традиций и молитвенного делания, что является бесценным сокровищем не только для каждого брата обители, но и для всех православных христиан, ищущих спасения.

Архимандрит Тихон говорил о своем труде: «Хочется сказать, что я никакой иной цели не преследую, когда пишу эти воспоминания, кроме одной, самой заветной, самой святой, самой высокой, — сколько-нибудь помочь моим милым и дорогим читателям озариться светлым стремлением к небесной жизни, окрылиться, согреться благодатным теплом от святых людей, которые, как и мы все, совсем еще недавно жили с нами, ходили, страдали, терпели, радовались, унывали, а вот теперь их нет уже среди нас, они ушли, воспарили в иной мир. Хочется, чтобы читатель хорошенько

понял суету этой земной жизни и с большим стремлением и энергией взялся за спасение своей души»². Безусловно, отец Тихон достиг этой цели. Автору удалось показать, какая истинная внутренняя красота, какое духовное благородство может скрываться под, казалось бы, ничем не примечательной внешностью простого монаха.

Желая продолжить благое начинание батюшки, мы решили рассказывать о лаврской братии, об иноках, молившихся и трудившихся в обители относительно недавно — во второй половине XX-го – начале XXI веков, чьи имена не получили широкой известности, но не должны быть забыты. Эту память важно сохранять прежде всего для нас самих, ведь, по словам архимандрита Тихона, старцы-труженики святой Лавры живут на небе также заботой о нашем спасении. И цель настоящих воспоминаний — «духовно связать свою жизнь с жизнью старцев, научиться у них терпению, вере, любви, воздержанию, покорности воле Божией, чистоте молитвы, молчанию, незлобию... Да не умрет светлая память о них в наших сердцах»³.

В 2022 году в Лавре был издан памятный альбом «Братия Троице-Сергиевой Лавры. Годы представления 2020–2021», где говорится о почивших в трагический период губительного поветрия насельниках обители. Этот альбом открыл серию «В служении Пресвятой Троице и преподобному Сергию». Возможно, читатель удивится несколько

² Тихон (Азриков), архим. У Троицы окрыленные... С. 13.

³ Там же. С. 711.

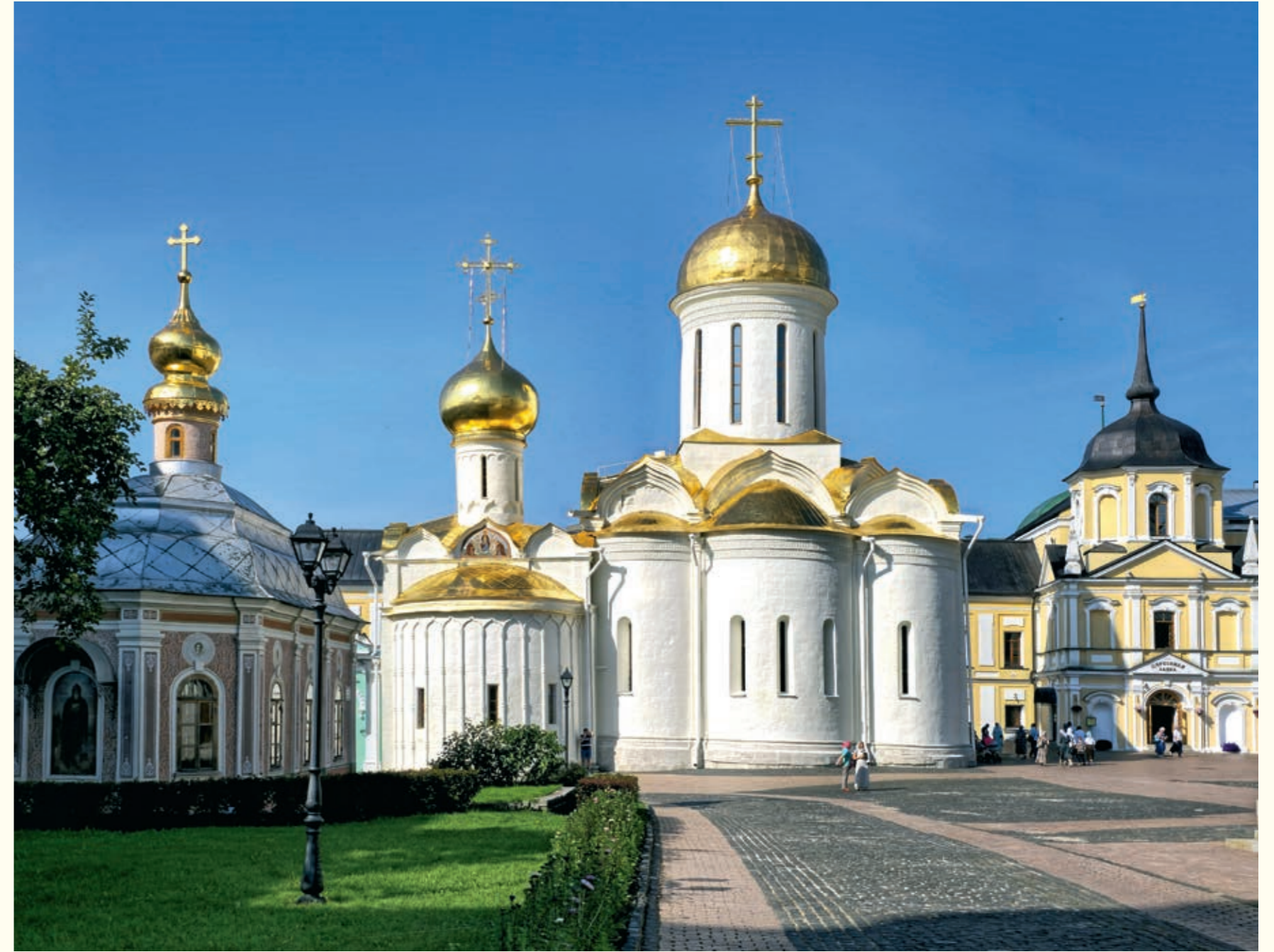
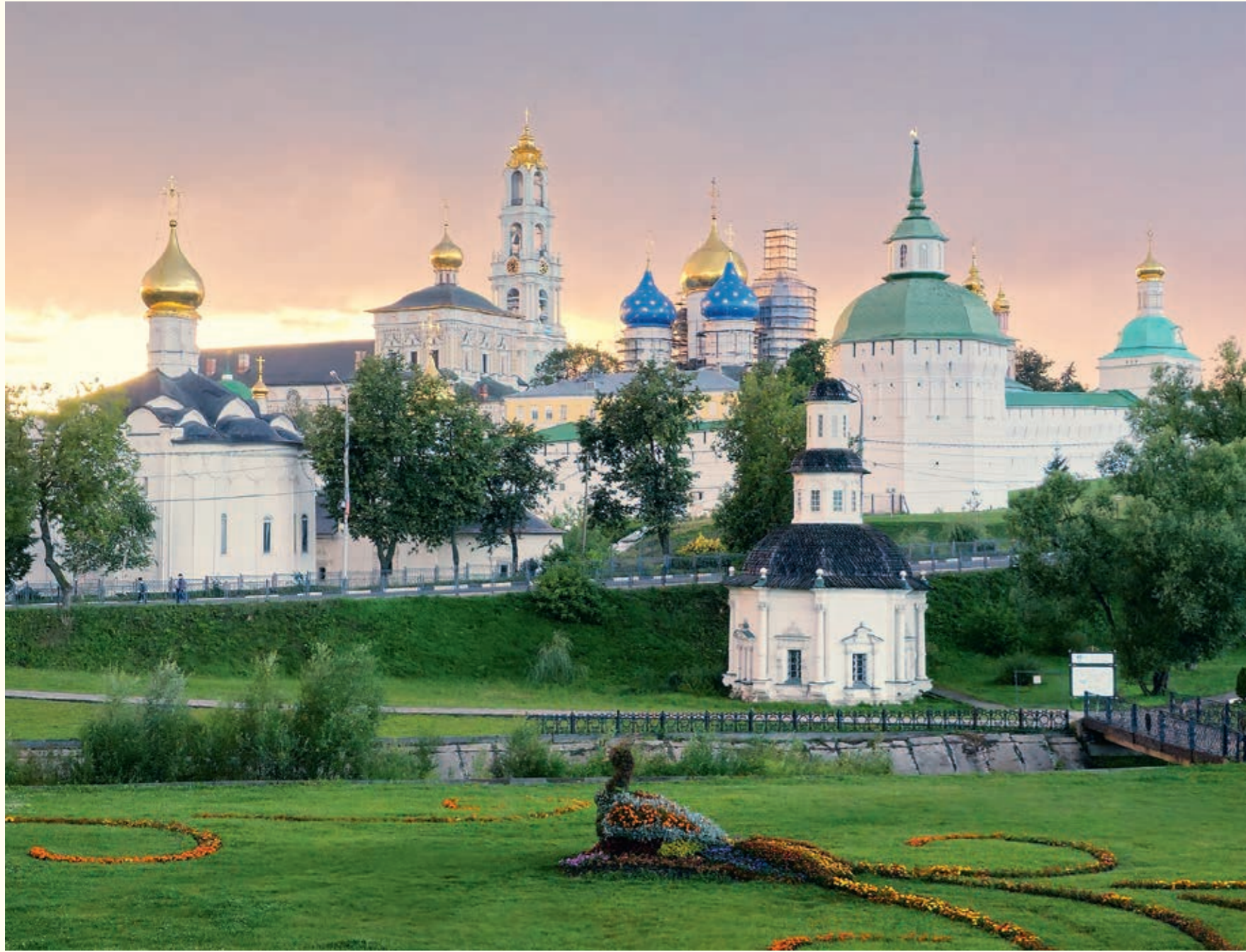
странной хронологии — ведь обычно в подобных изданиях соблюдается определенная временная последовательность... Тем не менее было решено немного отойти от привычной хронологии — от более ранних годов к более поздним, — так как боль утраты почившей в трагический период братии еще не утихла, и в преддверии празднования 600-летия обретения мощей преподобного Сергия захотелось отдать дань памяти досточтимым отцам, соделывая их сопричастниками великого юбилейного торжества не только на Небесах, но и здесь, на земле. Понимая, что нужны годы, чтобы оценить масштаб личности ушедших в вечность отцов, собрать полноценные свидетельства, воспоминания и беспристрастно, детально, последовательно изложить собранный материал в книге, было решено ограничиться выпуском альбома с памятными фотографиями и краткими биографическими справками. Однако сбор информации продолжается, и мы будем признательны за любые воспоминания, письма и документы о почивших насельниках, проливающие свет на их сокровенный монашеский подвиг.

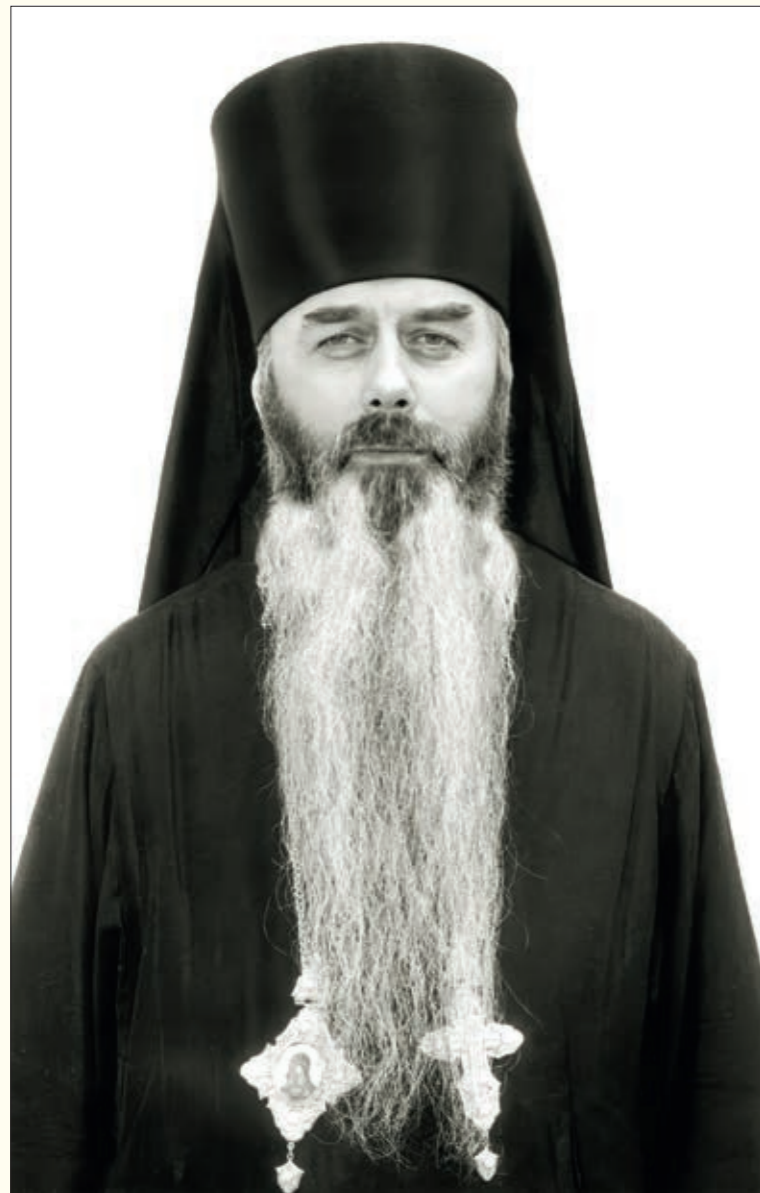
Настоящий труд является продолжением серии «В служении Пресвятой Троице и преподобному Сергию». Здесь рассказывается о монахах, которые подвизались в Лавре в XX–XXI веках. Сборник содержит редкие иллюстрации, уникальные архивные данные, а также свидетельства людей, знавших лаврских отцов лично. Вспоминая иноков обители преподобного Сергия, которые еще недавно трудились и молились здесь, в этих стенах,

ходили по этой земле — такие живые и такие близкие, — начинаешь понимать важнейшие основы духовной жизни: что есть добро и зло, как проявляются в обычной человеческой жизни грех и добродетель, насколько человеку необходимы духовное руководство и молитвы пастырей; начинаешь понимать всю брэнность нашей земной жизни, чувствовать потребность в духовной преемственности и в сохранении памяти подвижников, явивших нам образец истинного монашеского делания.

«...По двору святой Лавры тихо идет согбенный схимничек. Он как-то странно... или идет, или просто плывет над белой дорожкой... Весь он сияет, весь светится... На лаврской колокольне вдруг раздался вечерний благовест... Как хорошо он будит задремавшего инока. Привидится же такое! Да, ходили они здесь, и совсем недавно. Бывают и теперь они среди нас — но как? Невидимо»⁴.

⁴ Тихон (Азриков), архим. У Троицы окрыленные... С. 83.

«ОН НЕС В СЕБЕ ДУХ ЛЮБВИ...» ЕПИСКОП КРОНИД (МИЩЕНКО)

«Он отличался тем, что нес в себе дух любви... Он жил здесь, на земле, как ангел во плоти. Когда ты общался с ним, чувствовал, будто тебя кто-то на руки берет. Какие бы ни были трудности, владыка облегчал твоё состояние, как бы окрылял тебя. Он проводил жизнь подвижника. В то нелегкое время полностью отдавал себя на служение людям. На глазах у нас жил святой человек». Такими словами охарактеризовал владыку Крониду его келейник отец Петр Мостовой⁵. Эти же слова говорят о нем многие, кому посчастливилось общаться с удивительным подвижником нашего времени, прожившим на земле всего 53 года.

Епископ Кронид (в миру Михаил Гаврилович Мищенко) родился 25 августа 1940 года в селе Кучиновка Щорского района Черниговской области в православной семье. Отец Михаила погиб на фронте, матери пришлось растить Михаила, а также его брата Николая и сестру Любу, одной. Было очень трудно: не хватало еды, одежды, обуви... Уже в тринадцатилетнем возрасте Миша решил посвятить свою жизнь Богу. По окончании десятого класса он устроился служить пономарем

⁵ Жил на земле, как ангел во плоти / Сост.: прот. Петр Мостовой, Н. Ефременко. Сергиев Посад: СТСЛ, 2019. С. 49.

в черниговский Спасо-Преображенский собор. Именно в этом храме находились тогда мощи святителя Феодосия Черниговского — святого, которого в Мишиной семье почитали особо. Примечательно, что духовным отцом Михаила в Чернигове стал иеросхимонах, имя которого также было Феодосий. Старец провожал Михаила в армию, где тот нес службу с 1960 по 1963 год.

После службы Михаил вернулся в Чернигов и устроился работать на камвольно-суконный комбинат. Через какое-то время он купил маленький ветхий домик на улице Ватутина. К тому времени мама Михаила уже преставилась, и по благословию иеросхимонаха Феодосия вести хозяйство помогала схимонахиня Модеста (в миру Марина Кирилловна Ветер) — одна из ближайших духовных чад преподобного Лаврентия Черниговского. Преподобный сам постриг ее в рясофор, тайно. Матушка вела подвижническую жизнь, окормляя многих монашествующих и мирян. Помимо нее в домике поселились две послушницы — Надежда и Мария. Надежда (в будущем монахиня Феодосия) работала в родильном отделении Черниговского роддома. Мария ушла в монастырь в одиннадцать лет, а когда монастырь закрыли, стала работать в детской больнице. По воспоминаниям коллег и знакомых матушек, они жили очень скромно, не имели ничего лишнего, при этом всегда старались помочь другим и пользовались уважением больничного персонала.

Спали матушки в отдельной комнатке, Надежде досталось место на полу. Жалея ее, Михаил принес с базара на своих плечах топчанчик, а себе сколотил спальное место из дерева, застелив его тонким одеяльцем. Женщины тоже решили позаботиться о Михаиле и подарили ему на именины матрац. А тот взял матрац и отнес его болящей монахине Евлампии, которая жила по соседству. Так и заботились друг о друге.

Через какое-то время Михаил подал документы в Московскую духовную семинарию в Загорске. Узнав об этом, власти тут же прислали повестку из военкомата, приглашая в армию на переподготовку. Отказаться было невозможно, и время для поступления в семинарию было упущено. Тогда Михаил вместе с матушкой Модестой решили поехать к старцу схиархимандриту Андронику (Лукашу) в Грузию. Перед отъездом они посетили Троице-Сергиеву Лавру. Там Михаил вызвался помочь разгружать машину досок. При этом он поранил ногу гвоздем, в рану попала инфекция, пришлось ложиться в больницу. Матушка Модеста, поехав навещать больного, сама вывихнула ногу. «Да, покрутил сатана им ноги», — сказал по этому поводу схиархимандрит Андроник⁶.

В Грузии Михаил пробыл полгода. Старец Андроник постепенно приобщал его к монашеской жизни. Сам батюшка вставал на молитву в три часа ночи, но не требовал этого от юноши. «Хлопнет меня, бывало, по спине, — рассказывал Михаил

⁶ Жил на земле, как ангел во плоти... С. 22.

Михаил Мищенко

позже, — и скажет: “Рано тебе еще, спи”. Старец требовал, чтобы духовный рост происходил без излишнего напряжения, в меру сил. Считал, что плоды духовные должны созревать постепенно»⁷.

Через полгода отец Андроник благословил юношу снова ехать в Загорск, и в 1967 году Михаил поступил в Московскую духовную семинарию. 23 марта 1970 года он был зачислен в братию Троице-Сергиевой Лавры, 10 мая принял монашеский постриг с именем Кронид, в честь святого мученика Кронида. 28 июня того же года, в неделю Всех святых, в земле Российской просиявших, архиепископ Иркутский и Читинский Вениамин (Новицкий) рукоположил его во иеродиакона. 12 февраля следующего года, в день памяти Трех святителей, тот же владыка рукоположил отца Кронида в сан иеромонаха. После окончания семинарии иеромонах Кронид поступил в Московскую духовную академию, которую окончил в 1975 году со степенью кандидата богословия.

Отец Кронид выполнял в Лавре различные послушания: пел в хоре, исповедовал паломников, нес чреду служения у мощей преподобного Сергия... Через какое-то время иеромонах Кронид был назначен старшим просфорником. Его стараниями помещение просфорни отремонтировали, многие процессы механизировали. Под началом отца Кронида работали два мастера по изготовлению печатей, и печати раздавали во вновь открывающиеся храмы.

⁷ Жил на земле, как ангел во плоти... С. 23.

Многие духовные чада отца Кронида говорят о том, что подмечали за ним прозорливость, что по его молитвам происходили исцеления. Иногда было достаточно просто подойти под благословение, чтобы прекратилась мучившая человека головная боль. Батюшка запрещал рассказывать о таких случаях, и сам их никогда не афишировал. Лаврский насельник схиигумен Онуфрий (Талац) вспоминал удивительный случай, приоткрывающий завесу тайны молитвенного подвига и духовной высоты будущего владыки:

«Это произошло с епископом Зосимой (Давыдовым), когда он еще был послушником Игорем. Как-то его послали с поручением к отцу Крониду. А батюшка Кирилл очень строго учил нас, как нужно входить в монашескую келью: постучать один раз, два, три, и если брат не открывает и не отзывается, — смиренно уйти. Ведь мы не знаем, что в это время происходит за дверью кельи. Послушник Игорь так и сделал: постучал раз, другой, третий. Никто не отозвался, но оказалось, что дверь открыта, и Игорь ее чуть-чуть приоткрыл. И увидел, как архимандрит Кронид молится перед иконами, но молится, стоя не на полу, а оторвавшись от земли... Игорь тут же ушел, а чуть позже пришел к отцу Кириллу и все ему рассказал. И батюшка велел ему молчать до поры до времени. И об этом знали только владыка Зосима, батюшка Кирилл и я — и все молчали, пока были живы участники этого события. Но сейчас, я думаю, уже можно об этом сказать»⁸.

⁸ Преосвященный Зосима, епископ Якутский и Ленский. Книга памяти. М.: Даниловский благовестник, 2011. С. 70–71.

Отец Кронид видел духовную суть человека. Однажды он сказал аппаратчику кислородного завода, что тот будет священником. Сейчас Владимир Дитуна — протоиерей. А в другой раз он увидел, как на клиросе девушка читала кафизму. «Эта девушка будет монахиней», — сказал он находящейся в храме матушке. И действительно, эта девушка, Мария Соломаха, поступила в Кременецкий женский монастырь Святого Богоявления Тернопольской епархии, а через несколько лет приняла монашеский постриг с именем Анастасия. Сейчас она — игуменья.

Святейший Патриарх Алексей II несколько раз предлагал отцу Крониду епископство, а также должность наместника в Оптиной пустыни. Еще раньше отец Кронид мог стать экономом Лавры. Однако каждый раз он смиренно просил не назначать его на высокие должности. Патриарх Алексей долгое время считался с нежеланием отца Кронида покидать Троице-Сергиеву Лавру, но в какой-то момент батюшку все же вызвали в Москву. «Я как раз выходил из монастырского корпуса, — рассказывал отец Петр Мостовой. — И увидел, как отец Кронид торопится куда-то. Спросил, что случилось. Оказывается, в Лавру пришла телеграмма. Его куда-то вызывают. Куда, зачем? Телефоны в этот момент почему-то не работали — ни в Лавре, ни в семинарии. Так он и не смог никуда дозвониться. И тогда пошел к схимнику Михаилу»⁹.

⁹ Жил на земле, как ангел во плоти... С. 40.

На проскомидии в Троице-Сергиевой Лавре. Слева отец Викторин (Ериш; будущий схиигумен Пафнутий), справа отец Кронид

Когда отец Кронид вошел в келью схиархимандрита Михаила (Балаева), тот молился. Повернувшись к посетителю, он взял в руки крест-мощевик и осенил им отца Кронида. «Более не отказывайся. То, что тебе предлагают, принимай как волю Божию», — сказал старец. И добавил: «Кто славы ищет, от того она бежит. А того, кто от нее бежит, она сама находит». Крест, который схимник вручил отцу Крониду в знак своего благословения, благоговейно хранился у владыки до последнего дня.

16 сентября 1992 года по благословению Святейшего Патриарха Алексия II решением Священного Синода Украинской Православной Церкви отцу Крониду определено быть епископом

Днепропетровским и Криворожским. 18 сентября того же года состоялось наречение, а 19 сентября, в день воспоминания Чуда архистратига Михаила, в Крестовоздвиженском храме Киево-Печерской Лавры совершилась архиерейская хиротония, которую возглавил Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины Владимир (Сабодан) в сослужении сонма архиереев.

При своем наречении отец Кронид сказал: «В это тяжелое время, которое испытывает наша Церковь от людей, оскверняющих ее, сеющих смуту в народе Божием, мы должны отстаивать чистоту святого Православия, а для этого, если понадобится, то отдать и самую жизнь, дабы исполнить завет Христов»¹⁰.

За относительно краткий срок своего архиерейского служения Преосвященный епископ Кронид немало сделал для укрепления Православия в Днепропетровской епархии и на Украине. Он принадлежал к тем исключительным людям, в которых гармонично соединились широкие познания, огромное трудолюбие, рассудительность, мудрость и монашеская молитвенная настроенность. Владыка являл собой тот образ духовника, к которому обращались как к источнику спасения и кладезю мудрости.

Протоиерей Николай Несправа, которого рукополагал владыка Кронид, вспоминает: «Он был удивительным проповедником, искренним, душевным. Люди жаждали его проповедей. Для меня, бывшего семинариста, он являл собой

¹⁰ Жил на земле, как ангел во плоти... С. 70.

поразительный опыт духовничества. Епископ Кронид — редкое, потрясающее явление даже в нашей Православной Церкви, где так много ярких личностей. Он казался олицетворением голоса Церкви, голоса правды. Был далек от многих официальных мероприятий, что у некоторых вызывало раздражение. Но он всегда оставался монахом, человеком, погруженным в свой внутренний мир. Его авторитет был непререкаемым. Он четко стоял за веру. И видно было, что он и до смерти будет стоять за веру».

Своей доступностью владыка Кронид напоминал верующих первых времен христианства. Его двери всегда были нараспашку. Любой человек мог обратиться к архипастырю со своей бедой. Те, кому выпала возможность общаться с владыкой, считают это милостью Божией. Секретарь Днепропетровской епархии отец Валентин Цешковский, чьим духовником владыка был еще во времена жизни в Лавре, очень обрадовался, узнав о назначении отца Кронида на епископскую кафедру. «Молитва была для него, в прямом смысле, как дыхание. Он с человеком разговаривал и одновременно за него молился. Иисусовой молитвой молился постоянно. С четками не расставался. Очень службу любил. В повседневной жизни довольствовался самым простым. Строго соблюдал монашеские обеты. Он был воплощением святости», — делился воспоминаниями о любимом духовнике отец Валентин¹¹.

¹¹ Жил на земле, как ангел во плоти... С. 53.

Однажды владыке Крониду приснился сон: он сидит за большим столом вместе с другими священниками, и тут входит преподобный Лаврентий Черниговский. Преподобный обходил всех по очереди, возле каждого останавливался и что-то тихо говорил. Подойдя к владыке Крониду, он ласково похлопал его по плечу и сказал: «А этот — нашего рода».

В 1993 году Священным Синодом Украинской Православной Церкви схиархимандрит Лаврентий Черниговский был причислен к лику святых в чине преподобного. Владыка Кронид приехал на этот праздник в родной Чернигов, чтобы лично

Архимандрит Вонифатий (Потанов),
епископ Кронид (Мищенко), архимандрит
Никодим (Деев)

подготовить мощи святого для поклонения. Он отдал для облачения мощей преподобного Лаврентия свои монашеские одежды и делал все с такой любовью и благоговением, что митрополит Черниговский Антоний (Вакарник) заметил: «Да, владыка, приобрел ты себе молитвенника на небесах».

Епископ Кронид приехал в Чернигов с двумя келейниками — Петром и Андреем (ныне игумен Корнилий, смотритель Троицкого собора Лавры). Андрей незадолго до приезда в Чернигов сильно поранил ногу. Рана воспалилась, и ему предлагали лечь в больницу, но это значило бы

отказаться от поездки. И Андрей поехал, уповая на милость Божию и помощь преподобного Лаврентия. На следующий день от раны остался лишь маленький крестик из двух шрамов, стянувших края вчерашней раны...

После подготовки мощей преподобного Лаврентия Черниговского к поклонению епископ

Кронид и его келейник Петр вышли на улицу. Был теплый августовский вечер. Помолчав, владыка неожиданно сказал: «В жизни всякое может случиться. Прошу тебя, Петя, если со мной что-то произойдет, не оставляй матушек, что живут в моем доме. Присмотри за ними». Петр опешил, настолько безмятежность вечера не сочеталась с этими словами. Как он потом вспоминал, мороз пробежал по коже. Но тут же ответил поспешно: «Конечно, владыка! Все мы люди смертные. Не волнуешься за матушек».

6 сентября 1993 года вечером владыка Кронид перешагнул порог архиерейских покоев со словами: «Как я устал». Келейник испугался — он никогда не видел епископа таким. Владыка прилег на постель и попросил позвать священника, ожидавшего в приемной. Разговаривал с ним он уже лежа. Потом знаком попросил подать ему частицу мощей преподобного Лаврентия Черниговского, на открытии мощей которого был всего лишь две недели назад. Из последних сил перекрестился, приложился к частице мощей и потерял сознание. Врачи реанимационной бригады шесть часов боролись за его жизнь, но безуспешно.

Преосвященный владыка Кронид отошел ко Господу 7 сентября 1993 года и был погребен в ограде кафедрального Троицкого собора Днепропетровска. На его памятнике начертаны замечательные слова, определяющие всю его жизнь и архипастырскую деятельность: «Словами учил любомудрию, примером жизни — смирению».

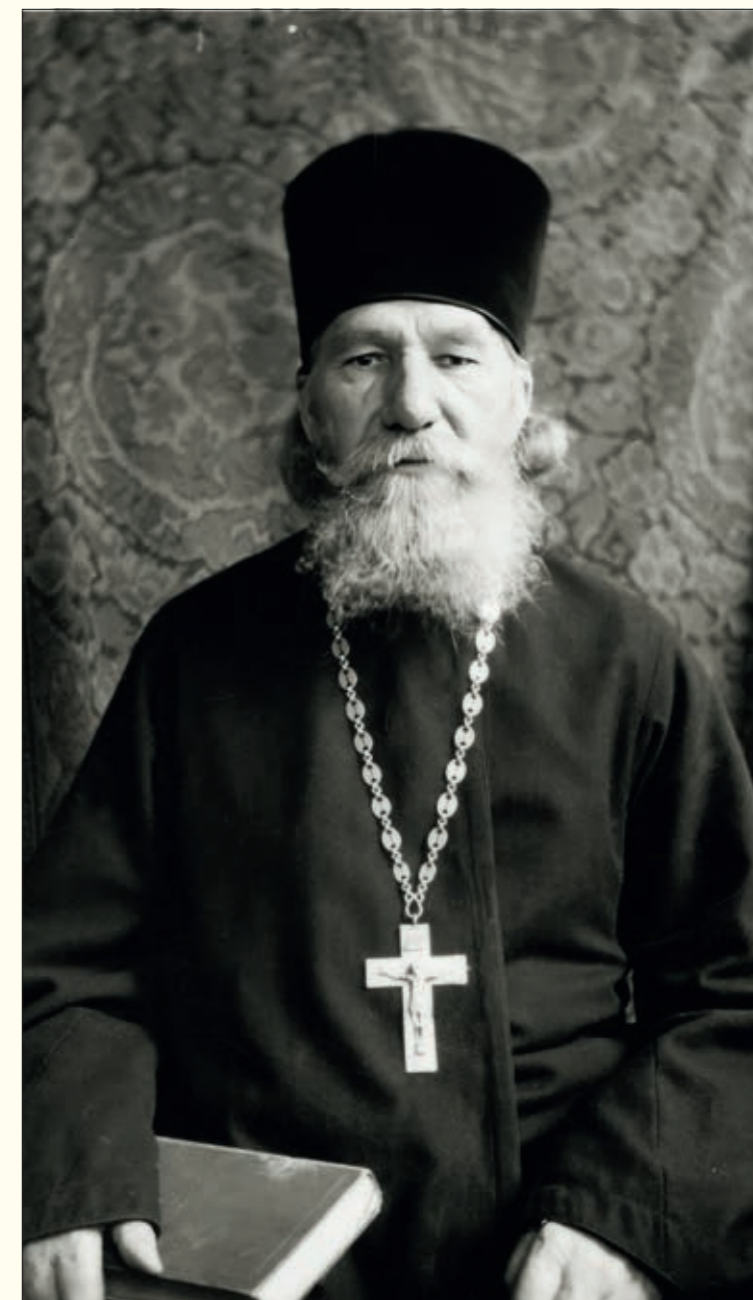
ВОДИЛИЙ БОГОРОДИЦЕЙ СХИАРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ (СЕМЕНОВЫХ)

Лаврский старец, духовник братии архимандрит Петр (Семеновых), в схиме Серафим, пришел в обитель преподобного Сергия в 1948 году, вскоре после возобновления в ней монастырской жизни. Под его руководством возрастали братья обители, профессора, преподаватели, воспитанники Московских духовных школ и многие подвижники благочестия того времени.

Схиархимандрит Серафим (в миру Роман Сергеевич Семеновых) родился 24 сентября 1878 года в селе Большие Барашки Нолинского уезда Вятской губернии¹². При крещении ему было дано имя в честь преподобного Романа Сладкопевца. Господь одарил Романа, как и его небесного покровителя, музыкальными способностями: он был обладателем красивого баритона и любил петь на клиросе.

Родителей Романа звали Сергей и Иулиания. Отец принимал участие в Русско-турецкой войне и погиб в год рождения сына. Мальчик жил с матерью и родным дядей Евтихием в селе Большие

¹² Согласно сведениям из архива Лавры. Однако игумен Косма со слов старца рассказывал, что батюшка родился в деревне Семеновка. В те годы такая деревня в Вятской губернии действительно была — в Малмыжском уезде, на правом берегу реки Ирека. Возможно, вскоре после рождения Романа семья переехала в село Большие Барашки.

Послушник Роман Семеновых. С этим фото отец Петр никогда не расставался

Барашки Нолинского уезда Вятской губернии. В 1890 году Роман окончил земское училище, занимался сельским хозяйством. Когда он подрос, мать отдала его в учение аптекарям — мужу и жене пожилого возраста. Они обучали его своему ремеслу, а он им помогал, будучи крепким, сильным и расторопным юношей.

Роман любил богослужение и часто бывал в храме. Его влекло к монашеству, и он обратился к своим благодетелям, обучавшим его врачебному делу, чтобы те отпустили его в монастырь. Сначала они воспротивились, потому что боялись, что некому будет им помогать в старости, но потом дали свое согласие.

В 1900 году Роман поступил в Александро-Невский Филейский монастырь близ города Вятки, основанный преподобным Стефаном Филейским (Куртеевым). Несмотря на юность обители, к началу XX века она уже была известна своими подвижниками. Некоторые подвизавшиеся здесь монахи впоследствии были прославлены Церковью в лике святых, — помимо преподобного Стефана, в монастыре подвизался преподобный Матфей Яранский¹³, прозванный в народе Чудотворцем за

¹³ В 1899 г. преподобный Матфей перешел в монастырь в Яранск. 23 ноября 1997 г. причислен к лику местночтимых святых Вятской епархии. В 2022 г. по представлению епископа Яранского и Лузского Паисия Святейший Патриарх Кирилл благословил учреждение медали Преподобного Матфея Яранского. Медаль имеет три степени, ею награждаются священнослужители, монашествующие и миряне за труды во славу Божию и на благо Святой Церкви в Яранской епархии.

многочисленные исцеления, совершившиеся по его молитвам¹⁴.

В этой обители Роман нес послушание помощника гостиника — готовил самовары для приезжих и поднимал их на второй этаж гостиницы. Гостиник раньше жил на Афоне и много рассказывал о Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре. Афон вообще занимал особое место в жизни Вятки и Филейского монастыря. Преподобный Стефан Филейский наиболее активно прививал традиции афонского монашества на Вятской земле. Как показали современные исследования архивных дел Пантелеимонова монастыря, до революции не менее 75 вятчан стали монахами главной русской обители Святой Горы¹⁵.

Среди желающих подвизаться на Афоне был и Роман. Испросив благословение у священноначалия, он отправился в путь. Роман знал, что сначала нужно добраться до Одессы, но денег у него не было, и он пошел пешком. Во время путешествия возникла необходимость перейти реку в период половодья: вода поднималась, а на берегу находились склады с зерном, и хозяин этих складов нанимал людей, которые помогли бы ему

¹⁴ Подробнее см.: *Колыванов, Г. Е.* Архимандрит Петр (в схиме Серафим) (Семеновых): материалы к биографии // Богослов.Ru [Электронный ресурс]. URL: <https://bogoslov.ru/article/6171532>

¹⁵ См.: *Кустова, Е. В.* Преподобный Стефан Филейский и традиции афонского монашества на Вятке // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 4 (12). 2015. С. 112–123.

Русский на Афоне Свято-Пантелеимонов монастырь. Фото начала XX века

Преподобный Стефан Филейский у своей кельи на Филейке

Александро-Невский Филейский монастырь. Внутренний двор

перенести пшеницу на противоположный берег, где в безопасном месте были построены новые амбары. Роман был сильным молодым человеком: он брал под каждую руку по мешку, сажал хозяина на плечи и переходил реку. Так ему удалось заработать на дорогу.

Сначала он добрался до Киево-Печерской Лавры, чтобы взять благословение на посещение Афона. Там его желание одобрили, и он направился в Одессу, а оттуда на пароходе — в Грецию.

На Афоне Роман прожил с 1901 по 1910 год. Его имя можно найти в «Монахологии Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне»¹⁶ под номером 2697: «Мирское имя — Роман Сергеевич Семеновых. Крестьянин из Вятской губернии, Нолинского уезда. Родился в 1877¹⁷ году. Рост средний, волосы русые, глаза серые. Принят в Свято-Пантелеимонов монастырь 8 марта 1901 года, пострижен в рясофор 20 марта 1903 года¹⁸. Послушание проходил на Крумице, Кассандре, на подворье в Солуни. Певчий. Вышел из обители в Россию 23 июня 1910 года»¹⁹. Архимандрит Петр рас-

¹⁶ Биографический словарь, составленный на базе документальных сведений из Архива Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря.

¹⁷ Год, вероятно, указан ошибочно. В личном деле из архива Лавры в регистрационной анкете (заполняется собственноручно регистрируемым), послужном списке и других документах указана дата 28 сентября 1878 г.

¹⁸ Рясофорный послушник — такой чин старец указывал в анкете Лавры.

¹⁹ Монахологий Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне / Гл. ред. иеромонах Макарий (Макиенко).

сказывал своему келейнику игумену Косме (Алехину), что в обители он пел на клиросе, работал на винограднике, а также давил оливковое масло.

В Свято-Пантелеимоновом монастыре брат Роман нес послушание одновременно с преподобным Кукшей Одесским, с которым и в дальнейшем, в 1940–1960-е годы, поддерживал отношения, вплоть до кончины преподобного в 1964 году.

По воспоминаниям старца, по прошествии восьми лет его потянуло обратно на родину. Он пошел к помощнику благочинного взять благословение на возвращение в Россию. Но тот ответил ему: «Неполезное дело ты затеял. Лучше возьми отпуск на две недели и обойди всю Гору Афон. Поклонись святыням во всех монастырях. Усердно молись угодникам Божиим. Потом поймешь, как тебе поступить». Наверное, на Афоне уже знали, какая катастрофа ожидает Россию.

Брат Роман походил по Афону, помолился, и дух уныния от него отошел. Но когда он вернулся в монастырь, через какое-то время уныние снова стало его одолевать. Однажды, когда Роман пел на левом клиросе, ему было видение: Светоплеменная Жена с сонмом мучениц взошла на амвон, окинула взором оба клироса, перекрестила Царские врата и вошла в них. Об этом чудесном посещении отец Петр рассказывал братии Троице-Сергиевой Лавры. Его воспоминания донесли до нас игумен Косма (Алехин), архимандрит Илия (Рейзмир),

Т. 2. Святая Гора Афон: Издание Русского Св.-Пантелеимонова монастыря на Афоне. М.: Голос-пресс, 2013. С. 415.

архимандрит Иннокентий (Просвирнин)²⁰ и протодиакон Сергей Голубцов²¹.

Через некоторое время опять стали докучать Роману помыслы о возвращении на Родину. Он снова пошел к помощнику благочинного. «Ну если уж ты так хочешь, то поезжай», — сказал тот ему, отпустив на этот раз без колебаний. Братии в обители было в то время много.

Покинув Афон, брат Роман отправился на Соловки, где пробыл с 1910 по 1911 год. Настоятель Соловецкой обители, обнаружив у Романа музыкальные способности, направил его на клиросное послушание, а также предоставил возможность изучать теорию музыки и овладеть искусством игры на фисгармонии. До конца жизни батюшка любил играть на этом инструменте, и уже перед смертью он подарил свою фисгармонию лаврскому архимандриту Пимену (Никитенко).

Резкая перемена климата сказалась на здоровье Романа — через полгода после переезда на Север он тяжело заболел. Врачи порекомендовали ему перебраться в среднюю полосу России. Однако соловецкие старцы посоветовали Свято-Николаевский Белогорский монастырь Пермской

²⁰ Анатолий Просвирнин, свящ. Памяти лаврского духовника. К годовщине со дня кончины схиархимандрита Серафима (Семеновых) // Журнал Московской Патриархии. 1972. № 1. С. 24.

²¹ Голубцов С. А., протодиак. Троице-Сергиева Лавра за последние сто лет. Монашество и его проблемы. События и лица. Устав Лавры (Обзор и исслед.). М.: Изд-во Правосл. братства Споручницы грешных, 1998. С. 140.

Свято-Николаевский Белогорский монастырь Пермской епархии. Фото начала XX века

епархии — климат здесь был мягче, чем на Соловках, но все же достаточно суров, также обитель славилась строгим уставом, основанным на уставе и традициях Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря.

В 1909 году началось устройство при Белогорском монастыре, в Осинском уезде Пермской губернии, Преображенского скита (Фаворская Спасо-Преображенская пустынь), который возглавил иеромонах Ювеналий (Килин), в будущем архиепископ. Роман начал обращаться к нему за духовными советами и вскоре перешел в этот скит. С тех пор и до самой смерти владыки Ювеналия продолжалось их тесное духовное общение и дружба. «Авва мой, породивший меня к духовной жизни», — так впоследствии обращался батюшка к владыке в своих письмах.

3 мая 1912 года в Фаворской пустыни Роман был пострижен в монашество с именем Петр — в честь святителя Петра Аргосского, чудотворца. Через месяц вместе с иеромонахом Ювеналием он поехал в Петербург, где 29 июня того же года епископ Пермский и Соликамский Палладий (Добронравов) рукоположил монаха Петра во иеродиакона, а 19 июля возвел отца Ювеналия во игумены. По возвращении в Фаворскую пустынь иеродиакона Петра назначили ризничим и старшим в диаконском чине. 24 июня 1915 года он был хиротонисан во иеромонаха, три года нес послушание духовника паломников.

В 1918 году насельники Белогорского монастыря и его скитов подверглись репрессиям — с авгу-

ста 1918 по январь 1919 года были убиты 34 монаха. Отец Петр по благословию отца Ювеналия уехал в Свято-Троицкий Николаевский Шмаковский монастырь на Дальнем Востоке. Этот монастырь был учрежден в 1894 году, в нем был введен устав Валаамского монастыря, который соблюдался неукоснительно. В будущем отец Петр с трепетом вспоминал о ежедневном совместном чтении Иисусовой молитвы в Шмаковской обители²².

В 1919 году иеромонах Петр был ненадолго командирован во Владивосток, в храм во имя святого Евсевия Самосатского (Евсевиевский храм на Седанке). Отец Ювеналий 3 июня 1919 года эвакуировался в Читу, где временно, до 1920 года, занимал должность настоятеля Верхнеудинского мужского монастыря. Вскоре отец Петр приехал к своему духовному отцу, и вместе они направились в Харбин. При прохождении границы с Маньчжурией возникли проблемы — их не захотели пропускать. Тогда отец Петр показал удостоверение о награждении его памятной медалью Императора в честь трехсотлетия Дома Романовых (1913 г.). Этого оказалось достаточно, чтобы отцов пропустили. Некоторое время архимандрит Ювеналий и иеромонах Петр оставались в Маньчжурии. В 1920 году они были уже в Харбине.

В 1922 году архимандрит Ювеналий был назначен настоятелем Казанско-Богородицкого монастыря на Крестовском острове близ Харбина,

²² См.: Анатолий Просвирнин, свящ. Памяти лаврского духовника... С. 25.

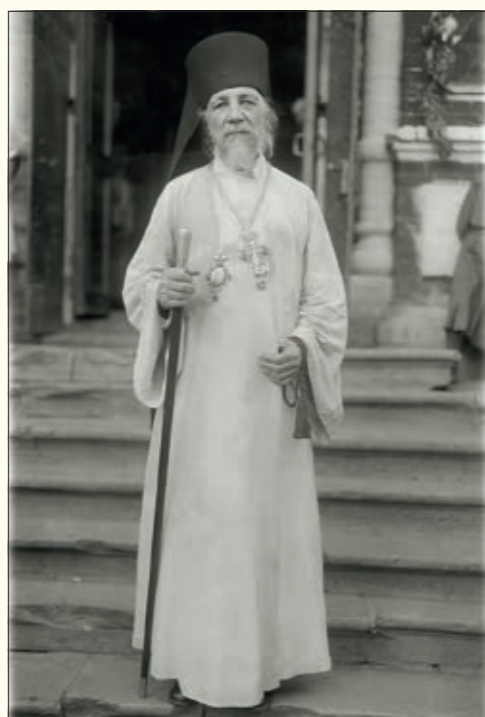

Свято-Троицкий Николаевский Шмаковский монастырь. Фото конца XIX – начала XX века

основанного им же по благословию архиепископа Харбинского и Маньчжурского Мефодия (Герасимова) и ставшего впоследствии самым известным среди русских православных монастырей на территории Китая. В этой обители поселился и отец Петр.

Однако уже в конце того же года архимандрит Ювеналий был командирован в Европу. В январе 1923 года они с отцом Петром прибыли в сербский монастырь Витовница, настоятелем которого назначили архимандрита Ювеналия. Отцы пытались возродить обитель, находившуюся в весьма запущенном состоянии, но дело, видимо, не имело

Архиепископ Ювеналий (Килин)

успеха. В феврале 1924 года архимандрит Ювеналий возвратился в Харбин и вновь стал настоятелем Богородицкого монастыря, переведенного к тому времени в усадьбу Новое Модягоу, в черте Харбина.

Иеромонах Петр остался в Сербии. Он устроился законоучителем в сербскую школу, служил в различных монастырях. Отец Косма со слов старца рассказывал, как однажды на праздник Казанской иконы Божией Матери, после Литургии, отец Петр прилег отдохнуть, и ему представилось видение: будто он вышел во двор и увидел в воздухе большую Казанскую икону Пресвятой Богородицы. После этого батюшка решил вернуться на Святую Гору.

На корабле, по дороге в Константинополь, с ним произошел удивительный случай. К нему подошел молодой матрос и сказал: «Вот ты такой молодой, а поп. Что же, в Бога веруешь?» — «Верую», — отвечал отец Петр. «А я не верую», — сказал ему матрос. «Подожди, уверуешь». Вскоре подня-

лась буря. Судно бросало по волнам, и он услышал матроса, который держался за мачту и кричал издали: «Батюшка! Теперь я верую в Бога!» Таким образом, уже тогда обнаружилась духовная пронизательность отца Петра, а молодого человека, молитвами батюшки, Господь привел к вере.

Добравшись до Константинополя, отец Петр понял, что средства у него практически закончились, а нужно было где-то ночевать, чем-то питаться и ехать дальше, на Афон. И тогда батюшка взял крест и Евангелие, надел епитрахиль, поручи, пошел на рынок и стал предлагать проходящим отслужить для них панихиду или молебен. Так он заработал немного денег и отправился в дальнейший путь. Но на Святой Горе его не приняли. Свято-Пантелеимоновский монастырь в то время испытывал значительные материальные затруднения, монастырские мастерские и промыслы пришли в упадок. Обитель лишилась всех своих подворий в России, в 1924 году был закрыт Ново-Афонский монастырь, братию подворий и Нового Афона в основном разогнали и, как правило, не давали им разрешения вернуться на Святую Гору²³. Отцу Петру пришлось возвращаться в Сербию.

По дороге корабль опять настигла сильная буря, и судно буквально выбросило на остров Аргос. В этом был особый Промысл Божий, ведь в монашестве батюшка получил имя святого Петра Аргосского. Немного придя в себя, несколько

²³ Якимчук, И. З. Русские иноки на Афоне в XX в. // Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. IV. М., 2002. С. 161.

человек пошли в церковь. Там они встретили местного архиерея, который не только благословил их на дальнейшее путешествие, но и вынес хлеба для пассажиров корабля.

В 1934 году отец Петр переехал из Сербии в Германию, в Висбаден, получив назначение на должность настоятеля храма во имя святой праведной Елисаветы. В 1935 году он был переведен в Гамбург, в домовый храм во имя святителя Николая. Однако уже в 1936 году батюшка по ходатайству начальника Русской духовной миссии в Пекине архиепископа Виктора (Святинина) был направлен в Китай, в пекинский Успенский монастырь, а в 1937 году назначен настоятелем храма во имя святителя Николая в городе Синьцзин (Чанчунь — бывшая столица Маньчжурии). В 1939 году архиепископом Виктором иеромонах Петр был возведен в сан игумена. В начале Великой Отечественной войны он был командирован в Калган (Монголия), через какое-то время вернулся в Китай. К тому времени владыку Ювеналию уже рукоположили во епископа (в 1938 г.). Вплоть до 1946 года игумен Петр входил в состав клира Русской Зарубежной Церкви.

По окончании войны епископ Ювеналий получил приглашение Святейшего Патриарха Алексия I (Симанского) вернуться на Родину. С владыкой в 1947 году отправился в Россию и отец Петр. Об этом событии владыка написал заметку в Журнале Московской Патриархии: «Мы прибыли в Москву сквозным поездом через Читу, в удобном “международном вагоне”, с отцом игуменом Пет-

Троице-Сергиева Лавра. Фото начала 1950-х годов

ром... На другой же день мы отправились в Патриарший дом, в Чистом переулке, № 5, где с большим радением и отеческой любовью изволил нас принять Святейший Первосвятитель Церкви Всероссийской Патриарх Алексей... Святейший Патриарх в беседе со мной благоволил выразить свое намерение видеть меня на епископской кафедре в Челябинске и предложил мне, впредь до официального назначения на епископскую кафедру, временно погостить в той же древней Псково-Печерской обители... Из Москвы мы с отцом игуменом Петром удостоились посетить Троице-Сергиеву Лавру. Одновременно с нами на поклонении угоднику был Высокопреосвященный митрополит Серафим со своими

Симеоновская церковь в Челябинске. Фото 1940-х годов

спутниками, приезжавший из Парижа. Напутствуемый благословением и советами благостнейшего старца митрополита Григория, я с молитвою отправился в Псково-Печерскую обитель»²⁴.

Отец Петр сопровождал владыку Ювеналия в качестве келейника. 12 мая 1947 года, на Светлой седмице, владыка был официально назначен епископом Челябинским и Златоустовским.

Так отец Петр оказался в Челябинске, где его зачислили в клир Симеоновской церкви (ныне — Свято-Симеоновский кафедральный собор).

3 июня 1948 года владыку Ювеналия назначили архиепископом Иркутским и Читинским. Отца Петра он благословил ехать в Троице-Сергиеву Лавру.

В конце 1948 года отец Петр приехал в обитель и был принят в число братии. К тому времени ему было уже 70 лет. В 1950 году по Указу Святейшего Патриарха Алексия I игумен Петр был возведен в сан архимандрита.

²⁴ Ювеналий (Килин), еп. Возвращение на Родину [из Маньчжурии] // Журнал Московской Патриархии. 1947. № 5. С. 46–47.

В Лавре батюшка нес различные послушания. Сначала был келарем, а через два года его назначили братским духовником.

Вскоре архимандрит Петр стал духовником не только братии Лавры, но и всей Московской епархии. Митрополит Пимен (Извеков), будущий Патриарх, во время управления епархией благословлял свое духовенство исповедоваться у архимандрита Петра каждый пост. В 1961 году Святейший Патриарх Алексий избрал архимандрита Петра своим духовником. С этого времени батюшка стал и духовником Московских духовных школ²⁵. По воспоминаниям духовных чад, духовником он был строгим, но в то же время милостивым. «Братию обители он почитал как молитвенников и сонаследников будущего века, — вспоминал архимандрит Иннокентий (Просвирнин). — Отец Петр всячески избегал кого бы то ни было осуждать или унижать, помышляя более о закате своей земной жизни — о смерти, о Суде Божиим, Царствии Небесном и муках вечных...»

Поначалу отец Петр исповедовал братию в трапезной, после ужина: проводил общую исповедь, а затем отцы подходили к нему каждый по отдельности. Позднее, когда батюшку уже одолевали немощи, он каждую пятницу или под праздник принимал исповедь у себя в келье.

Окормляя братию, отец Петр не смотрел на чины и звания. Он одинаково относился как к простым послушникам, так и к именитым архимандри-

²⁵ Там же.

там. Сохранилась тетрадь лаврского благочинного архимандрита Феодорита (Воробьева) — подвижника и молитвенника, прошедшего лагеря, чей авторитет в обители был непререкаем. В ней он расписал для себя устав дня, где по пунктам перечислил те дела, которые необходимо было совершить в течение дня. Восьмым пунктом там значилось выполнение епитимьи отца Петра.

Тем не менее, несмотря на строгость, братия любила своего духовника. Отец Петр старался удовлетворить духовные нужды всех. Говорил, что монах должен иметь у себя настольной книгой «Вопросы и ответы» преподобных Варсонофия Великого и Иоанна Пророка.

Известно, что у отца Петра исповедовались епископы Питирим (Нечаев) и Филарет (Вахромеев), будущие митрополиты. Также исповедовались у него многие известные архиереи, священнослужители и даже светские люди того времени. Архимандрит Кирилл (Павлов) рассказывал, что отец Петр принял в лаврской гостинице исповедь маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского.

Не оставлял отец Петр и пение на клиросе. Бывало, певчие начинали разговаривать. Батюшка, имея особую ревность по Богу, мог в назидание крючком своего посоха зацепить за шею разговаривающего и вывести его из храма.

Архимандрит Петр рассказывал, что в лаврской келье он сподобился третьего видения Божией Матери — Пресвятая Владычица явилась ему в Своем образе Владимирском. Подробности этого

Архимандрит Петр среди братии Лавры (нижний ряд, в центре — архимандрит Иоанн (Разумов), наместник Лавры, рядом с ним с четками — отец Петр). Фото начала 1950-х годов

видения отец Петр не уточнял: он поделился своим опытом с верным келейником отцом Космой, который и передал нам эти воспоминания — не как свидетельство святости старца, а как факт особой милости Божией к нему.

В декабре 1958 года отец Петр, испросив благословение у Святейшего Патриарха Алексия I, отправился в Ижевск, чтобы постричь в схиму своего духовного отца и друга архиепископа Ювеналия. Между ним и архимандритом Петром была договоренность, что, если один из них будет

Святейший Патриарх Алексий I
с личным секретарем Д. А. Остаповым

приближаться к кончине, другой пострижет его в схиму. Приняв схиму с именем Иоанн, владыка отошел ко Господу 28 декабря 1958 года.

24 декабря 1969 года архимандрит Петр в последний раз исповедовал Святейшего. Это был день памяти преподобного Даниила Столпника. Тогда же исповедовался и Даниил Андреевич Остапов — личный помощник и секретарь Патриарха Алексия I. А Великим постом отец Петр уже заболел и не мог исповедовать, поэтому к Патриарху направили отца Кирилла (Павлова).

По рассказам очевидцев, после исповеди Патриарх Алексей благословил отца Кирилла иконой Спасителя. При этом, обратившись к Даниилу Андреевичу, он сказал: «Данилушка, в Лавре монахи есть хорошие...» Вскоре после этого, в Лазареву субботу, 17 апреля 1970 года, Святейший преставился.

Последнюю службу отец Петр отслужил на праздник Рождества Пресвятой Богородицы 1969 года. Тогда неожиданно выпал снег. В этот день наместник Лавры архимандрит Платон (Лобанков) вручил ему Патриаршую награду — орден Святого равноапостольного князя Владимира второй степени. В ответ Его Святейшеству архимандрит Петр писал: «Я не нахожу слов, чтобы выразить Вам свою глубокую признательность и сыновнюю любовь за Ваше чуткое внимание ко мне и к каждому человеку...»²⁶.

²⁶ Цит. по: Анатолий Просвирнин, свящ., Юбилей духовника [90-летие архимандрита Петра (Семеновых), духовника Троице-Сергиевой Лавры] // Журнал Московской Патриархии. 1968. № 12. С. 32–33.

После этого дня батюшка больше не служил Литургию, а только причащался. 21 ноября 1970 года, в праздник Архистратига Божия Михаила и всех Небесных Сил бесплотных, старец в последний раз сам поднялся к Божественной литургии, причастился Святых Христовых Таин и посетил братскую трапезу, где испросил у всех прощения и попросил святых братских молитв. 4 декабря того же года, в день Введения во храм Пресвятой Богородицы, он принял схиму с именем Серафим, в честь преподобного Серафима Саровского. Постриг совершил архимандрит Варнава (Кедров), восприемником стал архимандрит Пимен (Никитенко). После этого отец Серафим прожил ровно месяц.

Последние дни жизни батюшка причащался ежедневно, находясь в санчасти. 3 января 1971 года, в воскресный день, пришедшие провести старца братья пропели Рождественский канон и другие песнопения, попрощались и ушли. Перед тем как погрузиться в полное безмолвие, схиархимандрит Серафим произнес последние слова: «Слава Богу за всё; за всё слава Богу; слава Тебе, Господи!»

После ужина отец Косма стал читать монашеское правило. После двенадцати ночи прочитал три канона. Взглянул на отца Серафима — лицо того побелело. Отец Косма побежал к отцу Анатолию (Просвирнину, в будущем архимандриту Иннокентию), поскольку ранее тот просил его: «Когда отец умрет, позови меня — я приду на переоблачение старца».

Нижний ряд слева направо — послушник Георгий (Алехин),
архимандрит Петр (Семеновых), отец Ксенофонт (Маллер)

Схиархимандрит Серафим преставился 4 января 1971 года. Отпевал его епископ Питирим (Нечев), будущий митрополит Волоколамский и Юрьевский. Погребен отец Серафим на Северном городском кладбище Сергиева Посада.

Своими воспоминаниями о старце делились его духовные чада. Так, Патриарх-Католикос всея Грузии Илия II, вспоминая духовных наставников, оказавших на него наибольшее влияние, рассказывал: «Когда я окончил среднюю школу, то по ходатайству служившего у нас молодого священника был направлен в Загорск, в Троице-Сергиеву Лавру, подал свои документы и был принят в число студентов... Нас исповедовал отец Петр, лаврский

Слева направо, верхний ряд — отец Анатолий (Кузнецов, будущий архиепископ Керченский), отец Косма (Алехин), нижний ряд — епископ Питирим (Нечаев, будущий митрополит Волоколамский и Юрьевский), архимандрит Петр (Семеновых)

архимандрит. И когда я говорил о себе, что вот, я грешный, такой, сякой, и гордость, и все..., он начинал плакать, спрашивал: «Неужели в семинарии и академии вас этому учат?» Такие высокодуховные лица были в Троице-Сергиевой Лавре»²⁷.

²⁷ Патриарх Илия II: «В жизни все главное» // Правмир [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/patriarh-iliya-ii-v-zhizni-vse-glavnoe/>

«Прежде всего отец Петр наставлял приходивших к нему полностью отдавать себя в волю Божию в каждом деле, в каждом новом начинании или испытании, — писал отец Анатолий (Просвирнин). — Особенно же памятны его немногословные наставления новопостриженным и та особая сила примера в исполнении монашеских уставных обычаев, которые приобретаются большим практическим опытом при неослабном выполнении. Был ли то поклон у Святого престола, крестное знамение, привычное движение благословляющей руки, облачение в мантию и клобук или другие священные одежды — во всем было трудно передаваемое словом благоговение, естественность и легкость движения, что называется “исполат” — своего рода классический стиль, свойственный старым монахам, прошедшим воспитание под руководством в живом преемстве традиций»²⁸.

Митрополит Чебоксарский Варнава (Кедров) рассказывал: «Настоящий духовник должен быть таким, каким был отец Петр. Он был очень строгий, но при этом добрый. Кто-то боялся его строгости, а я так любил его, что больше ни к кому не ходил, только к нему. Кающемся брату отец Петр говорил: “Согрешил — больше не грехи, давай помолимся с тобой”. Сам заплачет, помолится... А если вдруг придешь к нему снова с этим же грехом, он скажет: “Ох, как же так, ведь я тебя просил...” — расстраивался очень. Отец Петр был

²⁸ Анатолий Просвирнин, свящ. Памяти лаврского духовника... С. 26.

замечательным воспитателем. От всех дурных привычек меня отучил». Архимандрит Кирилл (Павлов) также отмечал строгость старца и всегда вспоминал о нем с большой теплотой и любовью.

Архимандрит Феодор (Андрющенко) говорил про отца Петра: «Из всех лучших — самый лучший». Рассказывал, что послушания старец Петр требовал неукоснительного: «Или исполняй, что я говорю, или отойди от меня». Отец Феодор избрал первое — исполнять — и старался во всем быть послушным старцу. Например, он рассказывал, что кто-то из прихожан подарил ему очень ценный по тем временам подарок — портативный магнитофон. Отец Феодор решил при подготовке к проповеди записывать свой голос на пленку, чтобы слышать себя со стороны и лучше запоминать подготовленную проповедь. Видимо, с целью борьбы с тщеславием и высоким о себе мнением, которые могли бы возникнуть в этом случае, отец Петр строго-настрога запретил отцу Феодору пользоваться магнитофоном. Как ни жалко было дорогого подарка, он отдал магнитофон и больше никогда не пользовался подобной техникой»²⁹.

Имя схиархимандрита Серафима (Семеновых) навсегда вписано в летопись Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. После открытия обители в 1946 году он был одним из тех, кто возрождал в ней школу старчества. Под его духовным руко-

²⁹ Подробнее см.: Дамаскин (Лесников), иером. Светлый старец. «Человек выходил из его кельи счастливым...». [б. м.]: Издательские решения, 2016. С. 23.

Схиархимандрит Серафим со своим келейником отцом Космой

водством возрастали такие известные старцы, как архимандрит Кирилл (Павлов), архимандрит Наум (Байбородин), схиархимандриты Пантелеимон (Агриков) и Иоанн (Маслов), игумен Косма (Алехин), а также многие другие подвижники благочестия XX столетия.

ПРОСТОЙ, ДЯ НЕПРОСТОЙ АРХИМАНДРИТ АФАНАСИЙ (АЛАФИНОВ)

Архимандрит Афанасий (в миру Алексей Константинович Алафинов) — смотритель Троицкого собора, большую часть своей жизни в буквальном смысле слова проживший подле мощей преподобного Сергия Радонежского — родился 30 марта 1932 года в городе Рязске Рязанской области в крестьянской семье. По окончании в 1944 году четырех классов начальной школы работал каменщиком. В 1952–1955 годах служил рядовым в одной из артиллерийских частей, потом работал охранником электростанции в городе Кашира Московской области.

В декабре 1957 года Алексей был принят в число братии Троице-Сергиевой Лавры. В монастыре он нес послушания свечника, дежурного на проходной, звонаря, дежурного в надкладезной часовне. В монашество был пострижен 17 апреля 1959 года наместником Лавры архимандритом Пименом (Хмелевским) с наречением имени в честь преподобного Афанасия Высоцкого (Старшего), Серпуховского чудотворца, ученика преподобного Сергия Радонежского.

18 июля 1964 года в Успенском соборе Лавры монах Афанасий был рукоположен во иеродиакона митрополитом Крутицким и Коломенским Пименом (Извековым), 8 октября 1965 года им же

рукоположен во иеромонаха. В 1974 году возведен в сан игумена, в 1990 году — в сан архимандрита.

Отец Афанасий более тридцати лет нес послушание в Троицком соборе у святых мощей преподобного Сергия, а последние двенадцать лет жизни был старшим смотрителем собора. Батюшка приходил в собор рано утром, до начала братского молебна, и уходил в десятом часу вечера. Он ревностно относился к своему послушанию и не оставлял его даже во время болезни. Однажды отец Афанасий рассказал в разговоре Олегу Стародубцеву, в будущем доценту Сретенской духовной академии, а тогда еще просто работнику бригады реставраторов, что в соборе похоронено почти триста человек. На вопрос, как такое возможно, ведь это слишком большая цифра, а собор маленький, батюшка ответил: «А они в три ряда лежат». И лишь при позднейших археологических раскопках выяснилось, что там не в три, а в пять рядов лежат останки. «Откуда он это знал? Я не знаю.

Есть наука, а есть прозорливость...» — удивлялся впоследствии Олег.

По воспоминаниям одного из старейших преподавателей Московской духовной академии архимандрита Венедикта (Князева), отец Афанасий был человеком необыкновенной простоты — без светского образования, но зато очень искренним, благочестивым. С ним можно было поговорить о чем угодно — и о духовной жизни, и о каких-то житейских, бытовых мелочах. Речь у батюшки была очень простой. Возможно, именно по этой причине отец Афанасий не возглавлял в Лавре соборные богослужения — только сослужил предстоящему священнослужителю, который по сану был младше него. Старшая братия говаривала, что батюшка возглавил службу только один или два раза в жизни, и кто-то ему сказал, что он косноязычный. С тех пор он не дерзал сам совершать Литургию — считал себя недостойным. Тем не менее проповеди архимандрит Афанасий говорил хорошо. Митрополит

Отец Афанасий с ключами от раки преподобного Сергия подле его честных мощей

Крестный ход на Пасху 1984 года. Отец Афанасий — с иконой Воскресения Христова

Владимирский и Суздальский Тихон (Емельянов) рассказывал: «Помню, как у нас в Лавре духовники отец Афанасий (Алафинов) и отец Лаврентий (Постников) соревновались:

— Мы боремся за первенство: кто из нас по проповеди первое место займет!

— Это как? — спрашиваю. — Как же вы узнаете?

— А просто: кого первого вызовут в КГБ».

Лаврская братия часто вспоминает батюшкины наставления о внимании во время Иисусовой молитвы: «Посмотрите, как младенец держится за маму, — попробуй, оторви его. Если кто-то попытается, такой крик будет! Вот так и мы должны держаться за имя Господа нашего Иисуса Христа».

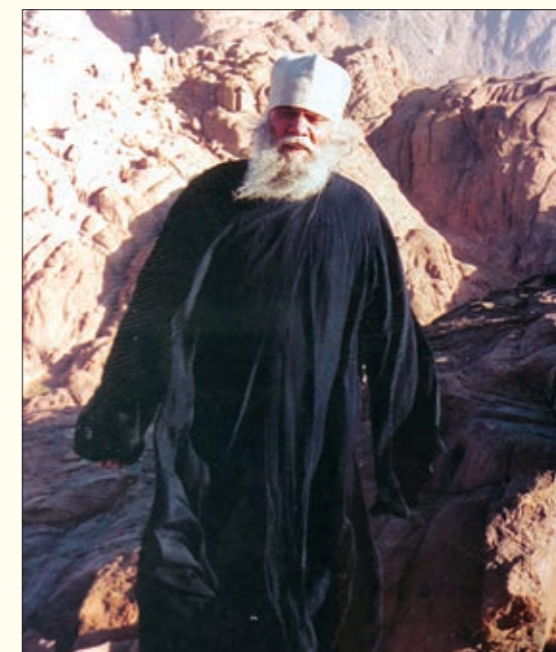
«Если не будет благоговения, благодати не почувствуешь», — говорил трудящимся на уборке Троицкого собора у мощей преподобного Сергия.

Митрополит Курганский и Белозерский Даниил (Доровских), бывший в те годы благочинным Лавры, вспоминал: «Отец Афанасий, смотритель Троицкого собора, был как ребенок. Человек удивительной чистоты и ревности. Мы над ним по-монашески шутили иногда. Но на иную шутку отец Афанасий строго отвечал: “Ты мне зубы не заговаривай, я еще правило не успел дочитать”».

Отца Афанасия братия и любили, и побаивались. Он был очень прямолинейным — мог сказать собеседнику в глаза, что думает, без оглядки на чины и звания. Например, однажды отец наместник устроил одному светскому лицу венчание в храме обители, на что старец прямо ему высказал: «Что Вы из Лавры

делаете театр?» И тот не смел ему на это ничего возразить. Отец Даниил, благочинный Лавры, как-то раз попросил батюшку привести себя в порядок перед приходом Святейшего: «Отец Афанасий, застегнись, сейчас Патриарх приедет! Нехорошо выглядишь». Старец проигнорировал просьбу. Отец благочинный решил припугнуть батюшку — мол, не слушаешься, переведут тебя из Лавры в другое место. На что тот ответил: «Тебя Господь раньше, чем меня, отсюда заберет». Так и произошло. Через пару месяцев отец Даниил стал епископом на Сахалине, а отец Афанасий преставился только через полгода.

Своей простотой батюшка порой обескураживал молодых послушников: например, он совершенно спокойно мог лечь вздремнуть прямо в алтаре — за жертвенником, в боковом приделе Успенского собора на полу, на свернутом в трубку ковре. При этом архимандрит Афанасий особо ревновал о порядке в алтаре при совершении Божественной литургии. Если он видел, что в алтаре кто-то садился, когда на престоле стояли Святые Дары, мог сделать резкое замечание. К монахам старшего поколения отец Афанасий относился особенно трепетно и благоговейно. Придя в Лавру, он застал в обители человек семьдесят еще прежних монахов — «старичков», как с любовью называл их батюшка. Отец Афанасий рассказывал, что чувствовал, видя старого монаха впереди: «Идешь и дыхнуть боишься, чтобы как-то не потревожить его, и ждешь, когда он пройдет, чтобы не обогнать его. А если идет навстречу, поклон делаешь до земли». Это было благоговейное и трепетное

отношение к подвигам, которые несли старцы, прошедшие тюрьмы и лагеря. Сопоставляя сегодняшнюю жизнь в монастырях с той жизнью, отец Афанасий говорил: «А теперь что? Теперь молодой послушник может похлопать по плечу старика и не задуматься, сколько ему лет и кто перед ним».

Смирняя молодую братию, батюшка иногда проявлял легкое юродство и называл подошедшего за благословением брата «опенок паршивый». При этом мог и за нос потаскать, после чего с любовью добавлял: «Апостол Павел вообще называл себя извергом» (1 Кор. 15, 8). «Афоня» — так между собой мы называли отца Афанасия, — вспоминает игумен Всеволод (Варющенко). — Но в этих словах всегда звучало благоговение к этому старцу-простецу. Много раз я слышал из его уст слова о Царстве Небесном: «Как же ТАМ хорошо». И произносил он это так, что у слушающего не возникало сомнения в том, что он ВИДЕЛ Небесное Царство Божие. Он с такой любовью называл нас «опенками», что никто не обижался. Он был вроде и как все мы, и в то же время чувствовалось, что он при своей простоте был неизмеримо выше нас».

Узнавая батюшку получше, братия и лаврские труженики привязывались к нему всем сердцем. Олег Стародубцев поведал назидательную историю, которая демонстрирует, с какой любовью старец относился к людям: «Помню, когда я уже был преподавателем, приезжал из Москвы и шел к мощам. Отец Афанасий смотрел, хватал меня за бороду, которой толком не было, и называл «католиком проклятым». С ним можно было

так поговорить, шутя... Я не иконописец, но имею художественное образование. За свою жизнь написал три иконы, одна из них — образ преподобного Сергия Радонежского... Эту икону я передал отцу Афанасию, чтобы он освятил ее на мощах. В этот день Святейший Патриарх служил акафист преподобному Сергию. В конце акафиста я увидел, что икона стоит на открытой раке Преподобного в ногах. Оказалось, она стояла всю службу, весь акафист. Я был рад как ребенок... Спустя какое-то время я приехал в Лавру и зашел, чтобы приложиться к мощам. Там столкнулся с отцом Афанасием. Он попросил его проводить, потому что в последний год жизни ему было уже тяжело ходить. Мы дошли до братского корпуса, я собрался уходить, но отец Афанасий благословил зайти в келью, но не дальше прихожей. Он достал крохотный бумажный конвертик и протянул мне. Там лежала частица мощей Преподобного. Судя по всему, он отдал то, что принадлежало лично ему. Отца Афанасия уже долгие годы нет, а эта частица хранится в иконе, которую освятили у мощей».

Неся послушание смотрителя Троицкого собора, отец Афанасий приходил по утрам раньше всех, заправлял лампадки, молился... «И как-то раз, — рассказывал он, — Преподобный руку мне на плечо положил... И так сладко мне было в это время». Господь много открывал старцу. Однажды ему был показан рай, и он видел в нем лаврскую братию. И в райских обителях были не только усопшие, но и еще живущие. Но кого именно он видел, батюшка так и не сказал.

В другой раз отец наместник архимандрит Феогност в Троицком соборе возле мощей преподобного Сергия освящал икону Божией Матери «Взыскание погибших», написанную для Вознесенского собора в Новочеркасске. Икону писали несколько лет, и архимандрит Афанасий курировал эти работы. Во время молебна художник-реставратор Лидия Степановна Говядина сподобилась увидеть поразительную картину: отец Афанасий молился прямо напротив раки, оторвавшись от пола сантиметров на двадцать. Надо сказать, что она была старейшей лаврской сотрудницей, отдавшей реставрационному делу 45 лет, — человеком глубокой духовной настроенности, посвятившим всю свою жизнь служению Преподобному и его Лавре, знавшим многих известных духовных лиц и подвижников Русской Церкви XX века. Многочисленные коллеги и лаврская братия вспоминают ее как человека мудрого, спокойного и уравновешенного. Поэтому правдивость ее свидетельства не вызывает сомнений.

Однажды архимандрит Афанасий приехал навестить архимандрита Кирилла (Павлова) в больницу в Барвихе. В последние годы жизни отец Кирилл часто болел и иногда прямо в больнице принимал братию для исповеди или беседы. И вот, отец Афанасий поведал старцу, что ему приснился архимандрит Николай (Самсонов), бывший раньше также смотрителем Троицкого собора. Отец Николай обнял и расцеловал отца Афанасия, как никогда при жизни. Проснувшись, батюшка решил, что это знак и что нужно, видимо, готовиться

Архимандрит Кирилл (Павлов)
и архимандрит Афанасий (Алафинов)

Схиархимандрит Стефан (Милкович), архимандрит
Афанасий (Алафинов), игумен Косма (Алехин)

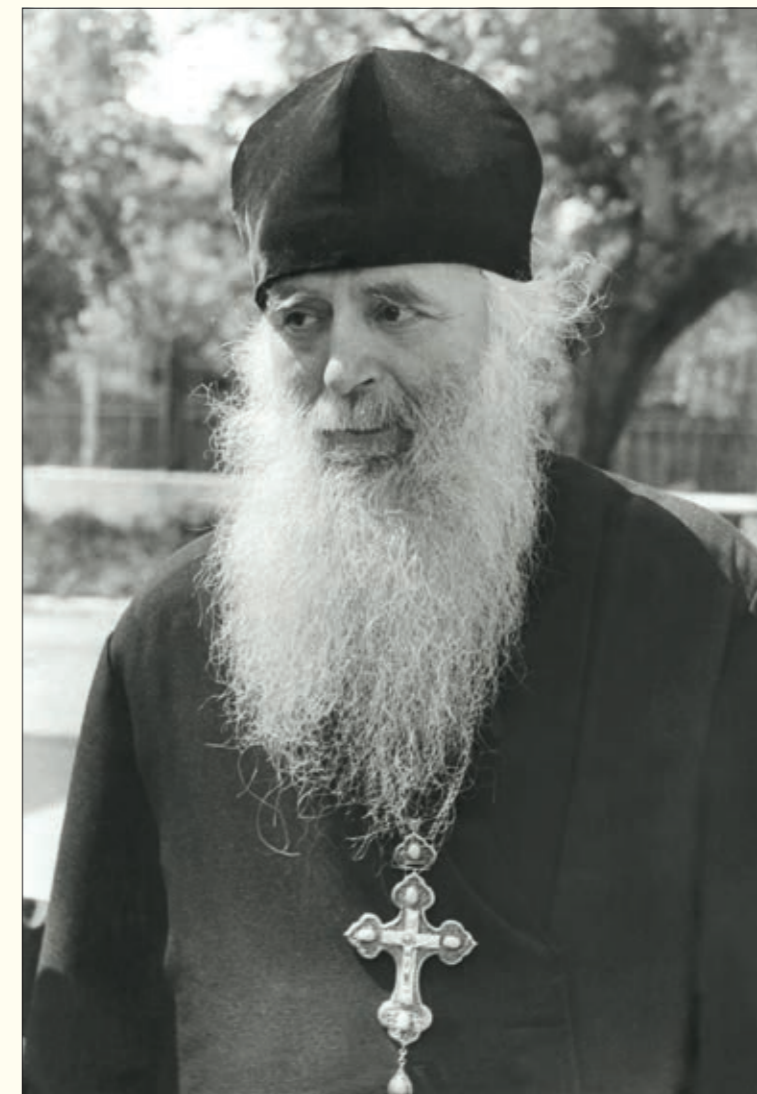
к смерти. Отец Кирилл выслушал эти рассуждения и ответил: «Знаешь, отец Афанасий, ты ко мне приезжай недельки через две. Нужно помолиться». Через две недели отец Кирилл дал ответ: «Готовься!» Это было примерно за полгода до кончины архимандрита Афанасия. А за месяц у старцев состоялась последняя встреча. Отец Кирилл тогда собрался уезжать в лечебный отпуск в Крым и в шутку попросил: «Ты уж дождись моего возвращения, не умирай без меня». Получив уже в Крыму известие о кончине собрата, старец вздохнул: «Эх, не послушался меня все-таки, не дождался...» В этих словах слышалась духовная близость двух лаврских старейших архимандритов.

По воспоминаниям игумена Всеволода, отец Афанасий перед смертью сильно болел и несколько раз раздавал все свои митры, кресты, иконы, готовясь к смерти. «У меня до сих пор стоит его подсвечник. Господь восставлял его от одра болезни, и он оказывался “гол и бос”, но совсем этим не смущался. Через некоторое время духовные чада вновь дарили ему все необходимое. Но через полгода он вновь раздавал все дочиста».

При жизни отец Афанасий особенно благоговейно относился к крестам. В его келье хранилось много различных изображений Распятия Спасителя и наперсных крестов. И блаженная кончина старца последовала на праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня.

«В НЕТЛЕННОЙ КРАСОТЕ КРОТКОГО И МОЛЧАЛИВОГО ДУХА...» АРХИМАНДРИТ ГЕОРГИЙ (ТЕРТЫШНИКОВ)

Свято-Троицкая Сергиева Лавра является центром духовного просвещения, воспитавшим сонм достойнейших иерархов, пастырей и мыслителей. Один из них — архимандрит Георгий (Тертышников). Плодом деятельности архимандрита Георгия как ученого-богослова стали более 220 публикаций. Его трудами были подготовлены материалы к канонизации Радонежских подвижников: родителей преподобного Сергия — преподобных схимонаха Кирилла и схимонахини Марии, преподобного старца Варнавы Гефсиманского, также отец Георгий принимал участие в сборе материалов к прославлению святителя Филарета (Дроздова), преподобного Антония (Медведева), преподобномученика Кронида (Любимова). За этой работой видится любовь к родной Лавре, которую отец Георгий пронес через всю свою жизнь. Но особое место в жизни батюшки занимал святитель Феофан Затворник. Отец Георгий оказался первым исследователем в новейшей истории, который популяризировал наследие святителя Феофана, показав, что его труды актуальны во все времена и отвечают на многие сложные вопросы современного общества. Святитель Феофан всю

*Николай Тertyшников в юности (во втором ряду слева).
Фото 1957 года*

*Николай Тertyшников
в годы службы в рядах
Советской армии.
Фото 1962–1964 годов*

*Николай Тertyшников
в годы учебы в семинарии.
Фото 1966–1969 годов*

свою жизнь посвятил изложению пути ко спасению, и отец Георгий старался следовать по этому пути, опираясь на наследие и духовный опыт святителя. Этому наследию посвящены кандидатская и магистерская диссертации архимандрита Георгия, им были подготовлены и материалы для канонизации Вышенского подвижника...

Архимандрит Георгий (в миру Николай Иванович Тertyшников) родился в первый день Великой Отечественной войны — 22 июня 1941 года, в Неделю всех святых, в земле Российской просиявших. По окончании школы в 1959 году он поступил в Ставропольское медицинское училище на фельдшерское отделение и окончил его с отличием. Проходил срочную службу в рядах Советской армии в военном госпитале в ГДР с 1962 по 1964 год. После службы собирался продолжить медицинское образование. В 1965 году юноша поступил на вечернее отделение Оренбургского медицинского института и одновременно начал работать в медицинском пункте железнодорожного техникума.

В православной вере Николая утверждали подвижники благочестия, жившие в это время в Оренбурге: схиархимандрит Серафим (Томин) и протоиерей Стефан Акашев (в монашестве — иеромонах Серафим).

Раздумывая о выборе дальнейшего жизненного пути, Николай решил всецело посвятить свою жизнь Богу и, не окончив институт, отправился в подмосковный Загорск. В 1966 году он поступил в Московскую духовную семинарию. Именно здесь

начинается тот путь, который был уготован архимандриту Георгию как ученому, пастырю, наставнику и проповеднику.

С первых лет обучения в семинарии в юноше чувствовалось стремление к монашеской жизни. Его сокурсники удивлялись, насколько мирным и смиренным было устройство его души. Насельник Лавры иеромонах Геронтий (Федоренко) вспоминает: «Один из одноклассников отца Георгия по семинарии, живший с ним в одной спальне, замечал, что ночью, во время сна отец Георгий начинал вслух молиться. А когда человек и во сне молится, это говорит о высокой степени его духовности. “Аз сплю, а сердце мое бдит” (Песн. 5, 2). Это говорит о том, что еще с семинарской скамьи он обучался молитве Иисусовой. Всю жизнь он сохранял ее, потому был молчалив и очень осторожен в словах. Его слова всегда были с рассуждением. Апостол Иаков пишет, что тот, кто правильно пользуется словами своими, тот уже достиг совершенства».

Учась в семинарии, Николай нес послушание экскурсовода Лавры. В это время он сблизился с преподавателем Московской духовной академии и заместителем заведующего Церковно-археологическим кабинетом игуменом Марком (Лозинским), который изучал творческое наследие святителя Игнатия (Брянчанинова). Отец Марк был слаб здоровьем и нуждался в постоянном медицинском внимании. Поскольку Николай имел медицинское образование, он взял на себя труд помогать своему учителю. Неся совместное послушание, помогая друг

другу, ученик и учитель стали духовно близкими людьми. Их общение развилось в настоящее духовно-интеллектуальное единство. Со временем именно это определило творческий интерес и выбор Николая. В начале 1969 года игумен Марк прочитал в Академии доклад на тему «Великий учитель Русской Церкви (к 75-летию со дня кончины Феофана Затворника)». Под влиянием своего наставника Николай углубился в исследование творений Вышенского затворника и под руководством игумена Марка подготовил и опубликовал первые труды о святителе: «Памяти епископа Феофана. Библиографический очерк» и «Значение подвига в жизни христианина (по творениям еп. Феофана Затворника)».

В 1969 году Николай Тertyшников поступил в братство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и 26 декабря, в день Пяточисленных мучеников, был пострижен в монашество с именем Георгий, в честь великомученика Георгия Победоносца. Постриг совершил наместник Лавры архимандрит Платон (Лобанков). Восприемником отца Георгия при постриге был архимандрит Серафим (Шинкарев). Духовным наставником новоназначенного стал известный пастырь и духовник Московских

*Игумен Марк
(Лозинский)*

Иеромонах Георгий (Тертышников) — выпускник МДА со знаком кандидата богословия. Фото 1973 года

духовных школ иеромонах (впоследствии схиархимандрит) Иоанн (Маслов).

14 января 1970 года митрополитом Крутицким и Коломенским Пименом (Извековым) монах Георгий был рукоположен в сан иеродиакона, спустя пять месяцев, 14 июня, в день Святой Троицы, состоялась его иерейская хиротония, которую совершил епископ Дмитровский Филарет (Вахромеев). Иеромонаху Георгию было определено послушание принимать исповедь у богомольцев, которая в то время проходила в крипте Успенского собора.

В 1973 году отец Георгий окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия, защитив диссертацию на тему «Гомилетический элемент в эпистолярном наследии епископа Феофана Затворника», и был оставлен при Академии в качестве преподавателя и профессорского стипендиата на кафедре истории Русской Церкви. Совет МДА поручил ему вести вначале историю Русской Православной Церкви и общую историю, а в дальнейшем догматическое богословие, катехизис и гомилетику.

В начале 1970-х годов под руководством игумена Марка (Лозинского) иеромонах Георгий (Тертышников), иерей Георгий Глазунов и будущий архимандрит Елевферий (Диденко) совершили поездку в Вышенскую обитель, где 22 года провел в затворе святитель Феофан. С 1938 года здесь размещалась областная психиатрическая больница. Протоиерей Георгий Глазунов вспоминал: «Картина была грустная: выбитые окна, на полу в куче — дрова,

бочки, кровати... Везде царил хаос, и в этом хаосе был погребен святитель Феофан... Сначала мы очистили склеп от хлама, после чего обрели разломанный на части гробик. Череп святителя Феофана был разбит на три части, — наверное, чем-то тяжелым ударили. Мы перебрали все пальчиками, буквально сантиметр за сантиметром, и, на удивление, собрали абсолютно все: голени, ребрышки, позвоночник. Там же, в склепе, обнаружили Евангелие святителя Феофана, кусочки облачения». Останки святителя были бережно собраны и с чрезвычайным благоговением перевезены в Лавру. Там отец Георгий (Тертышников) досконально их описывал, омывал, приводил в порядок. По благословию архимандрита Кирилла (Павлова) мощи поместили в крипте Успенского собора. Долгое время об этом знали всего несколько человек.

С этого времени отец Георгий начал собирать материалы для канонизации святителя Феофана, Затворника Вышенского, которая состоялась в 1988 году. Накануне прославления честные мощи святителя были перенесены из Лавры в храм преподобного Сергия Радонежского села Эммануиловка, недалеко от Выши.

Период служения отца Георгия в Лавре и преподавания в Московских духовных школах был прерван осенью 1985 года, когда Учебным комитетом он был уволен из состава профессорско-преподавательской корпорации, отчислен из числа братии и выселен из Лавры. С этого момента в жизни отца Георгия начинается нелегкое время скитаний. Причины такой резкой перемены

Иеромонах Георгий (Тертышников) служит панихиду перед гробницей епископа Феофана. Фото около 1973 года

Прихожане храма преподобного Сергия Радонежского села Эммануиловка очищают надгробие епископа Феофана, привезенное из поруганного Вышенского монастыря. Фото около 1973 года

*Игумен Георгий (Тертышников) произносит проповедь за патриаршим богослужением в день 70-летия Святейшего Патриарха Пимена в Успенском соборе Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.
Фото 23 июля 1980 года*

Фото середины 1980-х годов

в жизни отца Георгия можно понять, если посмотреть на его деятельность в контексте той эпохи. Совет по делам религий, учрежденный в 1965 году, пристально контролировал Русскую Православную Церковь. Он имел полное право самостоятельно принимать решения о регистрации и снятии с регистрации религиозных объединений и постоянно вести наблюдение за ними. Троицкая обитель, Академия с ее учеными монахами, богословами и профессурой представляла наибольшую опасность для безбожного режима, который постепенно приходил в упадок. И архимандрит Георгий оказался в числе изгнанников. Для него, как и для многих других духовников, этот этап стал временем тяжелых испытаний. Возможность трудиться и служить в храме он смог найти только во Владимире. Архиепископ Владимирский и Суздальский Серапион (Фадеев, впоследствии митрополит Тульский и Белевский) принял отца Георгия на работу экскурсоводом паломнического центра, а затем предоставил возможность участвовать в богослужении по воскресным и праздничным дням. Однако расстаться с любимой Лаврой отец Георгий не мог. Жил он тогда в разных местах, на разных квартирах в Посаде, в Струнино, в Москве... Нелегким испытанием стали для него продолжительные поездки во Владимир — в переполненных людьми автобусах, в разгар дачного сезона, в жару, с тяжелым багажом. Дорога занимала не менее четырех часов, а порой и больше, если в пути автобус ломался или случались какие-то непредвиденные обстоятельства. Все

это не могло не повлиять на состояние здоровья отца Георгия. На этом нелегком пути его всегда поддерживали духовные чада. И хотя находились люди, готовые прописать отца Георгия, паспортный стол отказывал ему в оформлении документов. Монахов, переведенных из Лавры в отдаленные епархии, регистрировать в Московской области запрещали.

Поворотным во взаимоотношения Русской Православной Церкви и государства стал год празднования Тысячелетия Крещения Руси. Государство начало постепенно отступать от агрессивных методов контроля над религиозными общинами, и многие из тех, кто был выслан, смогли вернуться в родные сердцу места. 28 августа 1988 года, в день Успения Пресвятой Богородицы, архиепископом Владимирским и Суздальским Валентином (Мищуком, впоследствии митрополитом Оренбургским и Саракташским) отец Георгий был возведен в сан архимандрита. Архимандриту Георгию разрешили вернуться в Лавру и возобновить преподавательскую и воспитательскую деятельность. С 1 сентября 1988 года он снова стал преподавать в МДС догматическое богословие, катехизис, затем гомилетику. В апреле 1989 года отец Георгий был назначен старшим помощником инспекторов Московских духовных школ.

Однако, несмотря на загруженность, батюшка продолжал работать над изучением трудов святителя Феофана. И в 1990 году на открытом заседании Ученого совета Московской духовной академии состоялась защита магистерской диссертации

*Диакон Геннадий Нефедов (в будущем митрофорный протоиерей, настоятель Богоявленского храма, бывшего Богоявленского монастыря), иеромонах Георгий, иеродиакон Феофан (Ашурков; в будущем митрополит Казанский).
Фото около 1974 года*

*Архимандрит Георгий (Тертышников) на защите магистерской диссертации.
Фото 26 марта 1990 года*

отца Георгия на тему «Святитель Феофан Затворник и его учение о спасении».

30 декабря 1992 года Ученый совет Московской духовной академии утвердил тему докторской диссертации архимандрита Георгия — «Сотериология по “Добротолочию” (в переводе святителя Феофана Затворника)». Однако эта начатая большая работа так и осталась незавершенной.

Через год после защиты ушел из жизни схиархимандрит Иоанн (Маслов) — собеседник и духовный руководитель отца Георгия. Игуменья Иоанна (Смуткина) вспоминает, как поразило его это событие: «После смерти своего духовника — отца Иоанна (Маслова) — он как-то сокрушенно произнес: “Мне теперь некому и слова сказать”».

Несмотря на ослабленное здоровье, архимандрит Георгий усердно нес возложенную на его плечи большую нагрузку преподавателя, проповедника, духовника, ученого-богослова. Значительное место в его деятельности занимала просветительская работа среди тех, кто только вступил на путь, ведущий к Богу. Это выразилось в активном сотрудничестве со средствами массовой информации, в частности с радиостанцией «Радонеж», где он произносил проповеди на евангельские темы, проводил беседы по библейской истории, нравственному богословию и, конечно, по творениям святителя Феофана Затворника. Высокий, ровный, спокойный голос отца Георгия располагал к нему слушателей с первой же минуты. Возможно, именно поэтому его проповеди обрели большую популярность у аудитории радио «Радонеж».

Проповеди и статьи архимандрита Георгия публиковались во многих журналах. Также он принимал участие в работе нескольких научно-богословских конференций. 29 мая 1996 года в Рязани на Всероссийской научно-практической конференции «Подготовка учителей к духовно-нравственному образованию и воспитанию учащихся» отец Георгий выступил с докладом «О действии Божественной благодати по творениям святителя Феофана». «Зал замер, увидев впервые монаха-ученого», — вспоминает Евлалия Ивановна Голикова, главный редактор журнала «Вышенский паломник», созданного по инициативе архимандрита Георгия. После чтения доклада отцу Георгию задали неожиданный вопрос — в какой области он является специалистом. Его ответ был не менее неожиданным: «Я? Специалист по грехам». Об этом эпизоде рассказывала библиотечка МДА и Лавры Пелагия Михайловна Самохвалова.

Будучи ученым монахом, внесшим огромный вклад в церковно-историческую науку, отец Георгий при этом оставался пастырем добрым и кротким. К нему тянулись люди самых разных профессий, образования и возраста. Его авторитет был высок не только среди мирян, но и среди братии монастыря. Лаврские духовники нередко присылали к нему и своих духовных чад с особенно сложными вопросами или обидами. Батюшка всегда был тактичным и мягким, старался найти особый подход к каждому. Он никогда не брал на себя роль строгого учителя, оставаясь утешителем

кающихся грешников, в исправление которых он всегда верил, — никого не осуждал, не винил, а лишь пытался оправдать, дать каждому шанс исправиться. По воспоминаниям схиигумена Онуфрия (Талаца), от отца Георгия исходила какая-то теплота, мягкость, снисхождение. «Я никогда не слышал, чтобы он кого-то осуждал. Коснешься во время разговора каких-то ошибок того или иного человека — отец Георгий промолчит или на другую тему разговор переводит, лишь бы не осудить. Мы все знаем, что осуждать не надо, но мало кто умеет удержаться». Иеромонах Геронтий (Федоренко) свидетельствовал: «Когда я советовался с отцом Георгием о некоторых вещах, то замечал, что у него есть дар духовного рассуждения, может, даже духовное зрение, прозорливость».

Один иеромонах вспоминает интересный случай: «В первый год моего обучения в семинарии у меня была привычка каждый вечер обходить Лавру вокруг с внешней стороны стены, как мне тогда казалось, крестным ходом. Однажды, подойдя на исповедь к отцу Георгию, я получил совет не выходить в вечернее время за территорию Лавры. Не придав этому значения, по своей привычке я вышел вечерком на прогулку и был жестоко избит хулиганами. Пришлось даже полежать в больнице. При встрече с отцом Георгием обратился к нему с недоуменным вопросом: “Батюшка, как же Вы, запретив мне выходить из монастыря, не предупредили о хулиганах?” Отец Георгий тихо улыбнулся и мягко сказал: “Я же не знал...”»

При посещении архивов Санкт-Петербурга.
Фото начала 1990-х годов

В библиотеке Московской духовной академии.
Фото 1996 года

Три магистра богословия — архимандрит Макарий (Веретенников), протоиерей Сергей Правдолюбов, архимандрит Георгий (Тертышников) — в актовом зале МДА. 1994 год

Для студентов архимандрит Георгий был не просто преподавателем какой-либо дисциплины, но прежде всего воспитателем и наставником. Частенько на своих занятиях он рассуждал со студентами об их будущей пастырской деятельности, давая важные советы и приводя конкретные жизненные примеры. Лаврский насельник архимандрит Иеремия (Соловьев) вспоминает забавный случай из своей студенческой жизни: «Однажды на занятии отец Георгий объяснял, от чего священникам желательно воздерживаться, что духовному лицу лучше не делать — например, не надо заниматься охотой или забивать скотину, это могут сделать другие люди. И вдруг один семинарист поднимает руку и спрашивает: “А если в комнату залетит муха, можно ли священнику ее ’давяше’?” Батюшка улыбнулся и не задумываясь ответил: “Лучше эту уникальную возможность предоставить матушке”».

Архимандрит Георгий обладал поразительными дарами христианской любви и кротости. Его советы часто сопровождались наставлениями святителя Феофана и всегда отличались особой пастырской деликатностью и благодатным утешением. Игумен Анастасий (Казмирчук), заведующий библиотекой Лавры, поделился воспоминанием: «Однажды зимой после братского обеда братья во дворе Варваринского братского корпуса, как всегда, кормили голубей, кто-то тихо беседовал. Вдруг рядом появляется лаврский кот и, затаившись, посматривает на голубей и на братию, выжидая удобного момента для прыжка. Отец Георгий, наблюдая эту картину, тихо улыбнулся,

погрозил пальцем коту и сказал: “А с помыслами надо бороться”. Этот случай назидает братию до сих пор».

Решением Священного Синода Русской Православной Церкви от 5 октября 1994 года отец Георгий был включен в состав Синодальной комиссии по канонизации святых, где за последние четыре года жизни успел много и плодотворно потрудиться. Посещая государственные архивы Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и других городов, архимандрит Георгий находил относящиеся к делу материалы, досконально изучал их и готовил весьма обстоятельные доклады для заседаний Синодальной комиссии, в том числе по вопросу канонизации Царственных страстотерпцев.

По свидетельству лаврской братии, батюшка предвидел кончину и прилагал к своей работе еще больше усилий. Монахиня Сергия (Бульчик), разбиравшая впоследствии его архив, отмечала: «В ходе систематизации архивного материала мы не переставали удивляться трудолюбию и усердию отца Георгия. Он разобрал по темам и составил картотеку на все собрания трудов святителя Феофана, Вышенского Затворника. Все это было переписано им от руки». Незадолго до кончины отец Георгий передал в редакцию большую картонную коробку — черновик «Симфонии по творениям святителя Феофана Затворника» в виде рукописных карточек. Двухтомное издание вышло в свет уже к пятилетию со дня кончины батюшки.

В один из последних дней сентября отец Георгий собирался ехать на радио «Радонеж» для

Архимандрит Георгий (Тертышников) в ограде собора святых Бориса и Глеба, Рязань. Фото 29 мая 1996 года

Архимандрит Тихон (Бондаренко) и архимандрит Георгий (Тертышников) в Лавре

Архимандрит Макарий (Веретенников) и архимандрит Георгий (Тертышников)

записи очередного выпуска. На вокзале в Посаде он сел в автобус, и уже в автобусе с ним случился инсульт. Его госпитализировали в Центральную клиническую больницу в Сергиевом Посаде. Лаврские отцы и братья пособоровали уходящего старца и несколько раз приезжали причащать. Милостью Божией последний раз он приобщился Святых Христовых Таин за полчаса до кончины.

Отпевали отца Георгия в Успенском соборе Лавры в воскресенье 4 октября, в день отдания праздника Воздвижения Животворящего Креста Господня. В тот день в Лавре была особая атмосфера, торжественная, приводящая в трепет. Молящихся присутствовало множество, но при этом не было никакой сутолоки и суеты. В храме царил покойствие и умиротворение. Солнечный луч, проникнув в окна с южной стороны собора, в конце отпевания осенил гроб с телом архимандрита Георгия. И было отраднo, что даже природа радуется еще одному праведнику, отходящему ко Господу.

Вспоминая почившего отца Георгия, протоиерей Сергей Правдолюбов сокрушался: «Не хватает у нас понимания, что был он уникальным человеком. Тогда казалось, что впереди безбрежное море времени, что он доживет до 90 лет, что я еще успею к нему прийти за советом. А потом — раз! — и он ушел практически мгновенно... И когда он уже лежал в гробу в Духовском храме, я после лекции зашел проститься перед его отпеванием. На лице у него лежал плат. Я, как коллега, тоже магистр, брат его, дерзнул приоткрыть воздух и взглянуть на лицо. Никогда при жизни не видел у него такого

лица. Обычно он много скорбел, а здесь лежал успокоенный, радостный, светлый... И так ему хорошо, так хорошо! И я сказал: «Ох, отче Георгие, моли Бога о нас! Хорошо тебе zde быти!»» Архимандрит Макарий (Веретенников) также свидетельствует: «Мы, действительно, порой по-настоящему оцениваем людей только после того, как они уже ушли от нас. В какой-то степени так произошло и в этом случае. Только после кончины этого удивительного человека мы осознали, какую ношу трудов он нес... При всей своей активности в проповеди слова Божия людям — сам он лично очень скромно шел по жизни. Он любил полушутя-полувсерьез называть себя воробышком. И эта скромность большого таланта очень ярко его характеризует».

Совершая служение преподавателя и ученобогослова, отец Георгий всегда оставался прежде всего монахом. И потому вопрос о монашеском пути всегда был для него одним из самых важных. На эту тему он не только произносил проповеди, но много говорил и в частных беседах, особенно переживая за молодых иноков, всячески стараясь укрепить вступивших на этот путь. Главное дело на монашеском пути самого отца Георгия — исследование творений святителя Феофана Затворника — явилось для него не просто богословским делом, но переживанием богоспасительных истин. По словам отца Георгия, творения и письма Вышенского затворника — это не плод труда богословатеоретика, а живой опыт деятельного подвижника, созидавшего свою духовную жизнь на основе Священного Писания и Священного Предания

Архимандрит Лаврентий (Постников), архимандрит Наум (Байбородин), архимандрит Георгий (Тертышников) в Святых вратах Лавры встречают Святейшего Патриарха Алексия II

Проводы отца Георгия в последний путь

Могила архимандрита Георгия на братском кладбище в селе Деулино

Церкви. Таким же деятельным подвижником, творящим собственную жизнь на основе духовного опыта святителя Феофана, увидели архимандрита Георгия его современники. Так или иначе, образ, мысли, духовный мир, неподражаемый тихий и кроткий голос архимандрита Георгия будут продолжать жить не только в сердцах тех, кто знал его и общался с ним, но и тех, кому не довелось знать его лично. Батюшка продолжает поддерживать огонь веры через свои труды: книги, проповеди, лекции, радиобеседы³⁰.

³⁰Подробнее см.: В нетленной красоте кроткого и молчаливого духа... Архимандрит Георгий (Тертышников) / Сост. иером. Пафнутий (Фокин). Сергиев Посад: СТСЛ, 2023. 40 с.

«Я КАК БЫЛ ПАСТУХОМ, ТАК ПАСТУХОМ И ОСТАЛСЯ...»

АРХИМАНДРИТ НИКИТА (ПРОНИН)

Отец Никита — один из старейших насельников Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, свидетель возрождения обители в 1950-е годы, пастырь кроткий, добрый, любвеобильный и удивительно скромный.

Архимандрит Никита (в миру Николай Иванович Пронин) родился 21 августа 1932 года в селе Новоселки Рыбновского района Рязанской области в крестьянской семье, был крещен в младенчестве в храме Введения во храм Пресвятой Богородицы села Новоселки. Николай был восьмым ребенком у родителей. Через два года родилась сестра — Валентина. Из девяти детей пятеро умерли в младенчестве.

В 1944 году Николай окончил четыре класса начальной школы. С 1944 по 1949 год работал пастухом в родном селе, затем переехал к старшему брату в Коломну, где с 1949 по 1951 год учился слесарному делу в ремесленном училище, а с 1951 по 1953 год трудился на станкостроительном заводе. С 1954 по 1956 год служил в армии, демобилизовался в звании сержанта.

В первый год службы Николаю выпал жребий быть свидетелем взрыва атомной бомбы на Тоцком полигоне. «Взрыв атомной бомбы — это событие,

конечно, страшное, — вспоминал впоследствии отец Никита. — Мы понимали свою ответственность. Пять месяцев мы готовились к учениям на Тоцком полигоне... Есть три степени мощности взрыва: малый, средний и большой. Эту бомбу взорвали малым взрывом. В результате в радиусе двенадцати квадратных километров все живое было уничтожено. Мне это запомнилось на всю жизнь».

В 1956 году Николая зачислили в братию Троице-Сергиевой Лавры и определили трудиться в трапезной Варваринского корпуса. Про первые годы жизни в Лавре батюшка рассказывал: «Территория монастыря тогда была маленькая, ограничивалась внутренним двориком от Трапезного храма до входа в Варваринский корпус, который монахам в то время не принадлежал. Остальная территория монастыря была мирской, в монастырских зданиях были квартиры, в них жили семьями. На Соборной площади плясали и пели под гармонь, иногда дрались пьяные. Под елочками стояли столы, там играли в домино. В те годы в моде были маленькие телевизоры, их смотрели по вечерам. Из окон квартир доносились крики, шум, брань, но мы не обращали на это внимание, мы жили своей жизнью».

4 апреля 1958 года Николай был пострижен в монашество наместником Троице-Сергиевой Лавры архимандритом Пименом (Извековым) с наречением имени в честь преподобного Никиты Боровского, ученика преподобного Сергия. Рукоположен во иеродиакона 18 июля 1958 года

в Успенском соборе Лавры архиепископом Херсонским и Одесским Борисом (Виком), во иеромонаха — 7 апреля 1973 года в Богоявленском кафедральном соборе Москвы Патриархом Московским и всея Руси Пименом. Возведен в сан игумена в 1982 году, в сан архимандрита — в 1988 году.

Более сорока лет, с 1959 по 2001 год, отец Никита нес послушание в Патриаршей резиденции в Чистом переулке Москвы. «В Патриархии я был и дежурным, и дворником, и грузчиком, и ночным сторожем, и полотером — делал все, что поручали», — рассказывал отец Никита.

В Лавру архимандрит Никита вернулся 22 ноября 2001 года. Здесь он был назначен духовником богомольцев, что стало его основным послушанием до конца жизни.

Отцу Никите посчастливилось общаться с такими подвижниками благочестия, как Святейшие Патриархи Алексей I, Пимен, Алексей II, митрополиты Николай (Ярушевич) и Иосиф (Чернов), архимандрит Иоанн (Крестьянкин). От них он воспринял опыт пастырского служения и молитвенного делания.

Батюшку отличали удивительная кротость и смирение. В преклонных годах в сане архимандрита он показывал пример братии, помогая трудникам убирать в трапезной столы после ужина. При этом он как-то сказал: «Ведь я уже 45 лет священник. Да, за это время много я тут съел, в трапезной, а много еще и с собой унес... Простите меня!» Старец любил повторять: «Я как был пастухом, так

С Патриархом Пименом в Переделкине, у гостиницы. Рождество Христово, 1973 год

Кадр из художественного фильма «Светлый путь», 1940 год. Режиссер Г. В. Александров

Архимандрит Кирилл (Павлов) и архимандрит Никита (Пронин)

Архимандрит Никита и архидиакон Ювеналий (Крук)

пастухом и остался». Иногда называл себя «паршивеньким мальчонкой».

Однажды келейник отца Никиты стал невольным свидетелем ночного молитвенного подвига старца: батюшка встал в полночь на молитву со словами: «Они сильные, пусть спят. А мы слабые, поэтому нам надо молиться». И «слабый» отец Никита простоял на молитве до пяти часов утра.

По воспоминаниям одного из лаврских насельников, на вопрос о том, что такое великая схима, старец ответил: «Схима — это жизнь с Богом». Этот ответ тогда поразил своей простотой и глубиной.

Валерий Яковлевич Саврей³¹ поделился своими впечатлениями от многолетнего общения со старцем: «Господь наделил отца Никиту удивительным даром — быть незаметным. Подлинное смирение как раз в этом и выражается. Однажды, в 1995 году, я привез в Лавру одного знакомого — кандидата юридических наук. Он увидел на трапезе батюшку и спросил: “А кто этот человек, который убирает после всех монахов посуду и даже объедки?” И я рассказал ему, какой это уникальный старец. Отец Никита в течение многих лет нес послушание при трех Патриархах, и это говорит о многом. Подобно старцам Кириллу и Науму, отец Никита научился полностью отсекать свою волю, жить

³¹ Доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиозоведения философского факультета МГУ, профессор кафедры библеистики Московской духовной академии.

не по страстной, падшей воле, а по воле Божией — благой и совершенной. Он воплотил в себе Евангелие, воплотил в себе подлинное монашество — сокровенное, незаметное».

Свет добродетели привлекал к отцу Никите братию обители, и в последние годы жизни в его келье совершалось общее монашеское молитвенное правило.

В свои почти девяносто лет батюшка оптимистично говаривал: «Если я состарюсь, то возьму другую клюшку». Сложно сказать, что именно он подразумевал под этими словами, но одно можно сказать наверняка: старец никогда не жаловался на свой возраст и сопутствующие телесные недуги. Все болезни и немощи он переносил со свойственными ему терпением и смирением.

Архимандрит Никита преставился 28 января 2022 года после продолжительной болезни. Кончина старца была поистине блаженной. Накануне его соборовали и причащали Святых Христовых

Таин. Последний раз его причастили в день кончины утром. Отец Никита отошел в вечность вечером в своей лаврской келье. В это время у его кровати братия читали канон на разлучение души от тела. Батюшка преставился в начале чтения канона. И к окончанию канона вся келья и коридор братского корпуса уже были наполнены насельниками обители, пришедшими проводить в последний путь дорогого старца. Сразу после канона на исход братия с пением ирмосов совершили последование по исходе души от тела, облачили и перенесли тело новопреставленного в храм.

Отец Никита не оставил после себя каких-то книг или записанных наставлений, но он оставил главное — пример удивительной кротости, молитвенного делания и любви к ближним.

С МОЛИТВОЙ И МОЛОТКОМ... АРХИМАНДРИТ ПИМЕН (НИКИТЕНКО)

Архимандрит Пимен (в миру Прокопий Иванович Никитенко) родился 25 марта 1925 года в деревне Понизовье Витебской области Дубровенского района Белоруссии в многодетной крестьянской семье. Окончил шесть классов средней школы, в 1939 году получил профессию маляра-штукатура. С пятнадцати лет трудился в колхозе, вплоть до оккупации территории Белоруссии немецкими войсками в 1941 году.

В 18-летнем возрасте Прокопий попал в концлагерь. Почти три года (с 1943 по 1945) он провел в заключении: стойко переносил лишения и тяготы каторжной жизни, видел зверства надсмотрщиков, смерть друзей, пережил голод. Любовь к Богу и упование на Промысл Божий помогли юноше перенести столь тяжкие жизненные испытания.

По освобождении из фашистского плена с 1945 по 1950 год Прокопий Никитенко служил в рядах Красной армии. Желание целиком посвятить себя служению Господу привело его в Троице-Сергиеву Лавру. В прошении при поступлении в обитель он написал: «По прохождении жизни своей по взгляду на весь мир избрал я для себя самый наисправедливый, истинный, строгий и самый добрый путь жизни — посвятить себя на всю жизнь служению Господу и покоряться Его Святой воле. Решил

я оставить родителей и все мирские прельщения, последовать жизни святых угодников и поступить в Святую обитель Преподобного Сергия, которую раньше знал, на отдание себя служению отцу нашему Преподобному Сергию».

14 марта 1950 года Прокопий был принят в обитель, а 25 августа того же года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I он был пострижен в монашество наместником Лавры архимандритом Иоанном (Разумовым) с именем Пимен в честь преподобного Пимена Великого.

14 октября 1950 года монах Пимен рукоположен во иеродиакона архиепископом Куйбышевским Алексием, а 23 апреля 1951 года Святейшим Патриархом Алексием I рукоположен в сан иеромонаха. Исполнял послушания помощника ризничего, келаря, певчего.

8 августа 1983 года определением Святейшего Патриарха Пимена архимандрит Пимен назначен настоятелем Преображенского храма Афонского подворья в Переделкине. 30 августа 1984 года вновь направлен в Троице-Сергиеву Лавру. Батюшка много потрудился во время реставрационных работ на колокольне (1950–1952), нес послушание дежурного в Патриархии, работал на просфорне, был келарем и кладовщиком (1952–1956), певчим на клиросе.

Отец Пимен любил плотничать. У него прямо в келье находился станок. Надо отметить, что батюшка чинил и паял не только для братии, но и для многих лаврских прихожан. Один трудник

Крайний слева — иеромонах Пимен

В верхнем ряду крайний справа — отец Пимен.
Фото начала 1950-х годов

Отец Пимен — крайний слева. Фото середины 1980-х годов

вспоминал, что после кончины отца Пимена из его кельи долго выносили различный инвентарь, запчасти бытовой техники, утюгов, тележек... Игумен Всеволод рассказывал: «Архимандрит Пимен очень часто совершал панихиды и забирал значительную часть приношений, а на проходной Лавры его уже ждали малоимущие прихожане, которым он щедро и справедливо (он ведь исповедовал их) раздавал все приносимое. Тут же ему передавали для починки сломанные вещи. Все он чинил так, что, стоя поздно вечером в очереди на исповедь у кельи отца Кирилла, можно было слышать

за дверью отца Пимена скрежет напильника или рубанка и свист ручной дрели».

Со временем в Лавре сложилась интересная традиция. Существует такое известное выражение — «забить последний гвоздь в крышку гроба». Обычно это выражение несет в себе негативный смысл: так говорят о людях, которые рушат чьи-то надежды, сводят на нет чьи-то усилия... В Лавре же это выражение приобрело совершенно иной смысл. Потому что сложившаяся традиция заключалась в том, что при отпевании братии приходил отец Пимен и в конце отпевания забивал молотком гвозди в крышку гроба. И этот молоток для братии практически стал символом перехода души лаврского насельника из земной обители в вечность. Братия привыкли к этому обычаю, и теперь, когда в крышку гроба уже не забивают гвозди, а молча вкручивают шурупы, кто-нибудь нет-нет да и вздохнет: «Как не хватает отца Пимена!»

При этом, забивая гвозди, батюшка не забывал о главном — о молитве за усопших собратьев. И не только за них, но и вообще за всех живых и почивших православных христиан. В этом он подавал пример братии — можно сказать, что молитва о ближних стала одним из основных подвигов отца Пимена. Последние лет десять жизни и служения в обители преподобного Сергия батюшка приходил в храм после поздней Литургии и панихиды, и весь день, до начала вечернего богослужения, он вынимал частички у жертвенника.

Архимандрит Пимен преставился 26 августа 2009 года в своей лаврской келье. Соболезнования в адрес отца наместника и братии выразил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «Получив известие о кончине одного из старейших насельников Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрита Пимена (Никитенко), последовавшей 26 августа сего года, выражаю искреннее соболезнование Вам, Духовному Собору и всей братии обители... За годы продолжительной жизни покойный архимандрит Пимен усердно потрудился во славу Божию и на благо Русской Православной Церкви. Став постриженником Лавры еще в 1950 году, он более полувека усердно исполнял монашеские послушания, совершал богослужения, являл пример смирения и деятельной любви к ближним».

Чин погребения совершил архиепископ Сергиево-Посадский Феогност, наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, в сослужении братии обители. В своем слове о почившем владыка отметил: «Вся жизнь отца Пимена была посвящена служению преподобному Сергию, братии святой обители. Мы его знали как доброго, смиренного, мудрого, простого, доброжелательного, трудолюбивого инок. Он был примером и в усердии к богослужению — помним его на клиросе, помним его на службе, при выемке просфор. Всегда он являл пример глубокой кротости, мира и любви. И сегодня, провожая его в путь вся земли, мы благодарим Бога, что были рядом с ним, многому у него получаясь. Благодарим Бога за то, что Господь нам

явил пример подлинного, истинно монашеского жития. И сейчас мы помолимся об упокоении его души, ибо он тоже был человек, и един только Господь без греха, и правда Господа вовеки, и слово Его истина. Мы живем, и он нуждается в наших молитвах. Верим, что Господь, по молитвам Преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, Чудотворца, примет его в небесные обители».

ВОИН ХРИСТОВ И ТРУЖЕНИК ТЫЛА. АРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ (ШИНКАРЕВ)

Архимандрит Серафим (в миру Георгий Романович Шинкарев) родился 12 мая 1888 года в селе Соколовка Корочанского уезда Белгородской губернии в многодетной семье. Его родители, Роман и Пелагия, не думали, что младший из семерых сыновей долго проживет, настолько он был слаб здоровьем.

С 1898 по 1901 год Георгий обучался в трехклассной школе в селе Соколовка. С 1891 по 1909 год был послушником в Коренной пустыни Курской губернии. В 1910–1917 годах служил в армии — в 11-м стрелковом полку в Жмеринке. Во время Первой мировой войны в 1914–1915 годах находился на территории Австро-Венгрии. В 1915 году был тяжело ранен в бою с немцами недалеко от Луцка. Демобилизовался в 1917 году.

С 1918 по 1922 год Георгий находился дома — крестьянствовал. В 1922 году он поступил в Троицкий монастырь Белгорода, где был пострижен в монашество архимандритом Никандром.

В 1923 году епископ Белогорский Никон (Пурлевский) рукоположил его во иеродиакона, а 14 сентября 1932 года — во иеромонаха. Отец Серафим был келейником владыки с 1930 по 1937 год, вместе с ним в 1930 году переехал в Ржев, а в 1933 году — в Архангельск.

30 марта 1928 года иеромонах Серафим был арестован, провел под стражей почти пять месяцев и 10 августа Особым совещанием при Коллегии ОГПУ был приговорен по ст. 58–10 УК РСФСР к трем годам лишения права проживания в центральных городах и Центрально-Черноземной области.

В 1933 году отец Серафим был возведен в сан игумена и назначен настоятелем Ильинского кафедрального собора в Архангельске. Жил в маленьком домике при кладбище. По воспоминаниям духовных чад батюшки, в годы войны он часто оставался в храме по несколько дней, проводя ночи в молитве. Уже тогда некоторые замечали его прозорливость. Так, однажды, когда ситуация на фронте была критической и прихожане храма сильно унывали, он сказал им: «Молитесь, скоро погонят эту нечисть». И действительно, через несколько дней ситуация изменилась. В другой раз он позвал хозяйку дома Марию помолиться за ее брата Илию и начал служить панихиду. Оказалось, что брат погиб в боях.

В 1944 году отец Серафим был назначен настоятелем храма Всех святых в Архангельске. Храм был построен в середине XIX века. В 1927 году его закрыли и превратили в складское помещение. Через какое-то время в нем расположился тюремный пересылочный пункт. Официально храм был возвращен Архангельской епархии 19 октября 1946 года, но восстановительные работы начались еще в 1944 году. К тому моменту церковь была приведена в полное запустение: по свидетельству

Архимандрит Серафим (Шинкарев) и архимандрит Кирилл (Павлов)

очевидцев, купол и звонница были снесены, полы и печи разобраны, проводка обрезана, окна замурованы.

Сразу же по назначении отца Серафима настоятелем был сформирован приходской совет, начались восстановительные работы. За десять дней, до 1 ноября 1946 года, храм подготовили к освящению: поставили в алтаре престол и жертвенник, сделали оконные проемы и рамы, поставили временный иконостас, сложили печи, развесили иконы... В храм вернули из Ильинского собора почитаемые образа: «Всех скорбящих Радость», Тихвинскую икону Божией Матери и икону святителя Николая Чудотворца. Эти иконы находятся в церкви и сейчас. Поначалу иконостас состоял из маленьких образков, пожертвованных открывшемуся храму верующими жителями города. Эти иконки до сих пор хранятся здесь.

Учащиеся воскресной школы при храме Всех святых в Архангельске донесли до нас рассказ очевидца тех событий — крестницы и духовного чада отца Серафима Миронии Германовны Собиной, с которой дети познакомились в родном храме. Вот что она поведала: «Шел 1944 год. Закончилась Литургия в Ильинском храме, и отец Серафим обратился к народу с просьбой принять участие в восстановлении храма Всех святых. В назначенное время на Кузнечевском кладбище собрались женщины, дети, инвалиды. Здоровые мужчины были на фронте. Зазвучали молитвы. Мы думали, что работы начнутся на следующий день, но батюшка взял лопату и среди нечистот глубиной почти до метра стал делать проход в сторону алтаря.

Люди приходили каждый день, работали кто сколько мог, — и пятнадцать минут, и пять часов. Всем отец Серафим кланялся в ноги. Его голубые, добрые глаза остались в памяти на всю жизнь.

Храм был очень загажен, использовался как отхожее место, жители окрестных домов выбрасывали туда мусор. Отец Серафим и раньше просил позволения у властей на расчистку храма, ведь этот план у него возник еще до начала войны, но разрешение дали только тогда, когда запах от нечистот пошел в город. Каждый метр пола чистили до досок, батюшка каждому определял квадрат рядом с тропкой; так и двигались — от центра к стенам. Была весна, все таяло, и утром не было видно того, что сделано вчера. Отец Серафим установил график работ. Одни копали, другие выгребали

руками, кто-то наполнял ведра, дети носили баночками. После работы запах от нас шел невыносимый. Отец Серафим шутил: «Не нападись мне на вас “Шипра”»³².

Иногда дети приходили работать втайне от родителей. Такое было время — опасно было быть православным. Но летом 1944-го власти стали более терпимыми. Они даже направили пожарную команду нам на помощь. Под напором воды с хлоркой отмывали стены. Правый угол был очень грязным. Нам пришлось поработать с большим усердием... Работа продолжалась два месяца. После кропотливых трудов храм был полностью расчищен. Люди начали приносить иконы...

Мне тогда было двенадцать лет, помню некоторые имена работавших на расчистке храма: Лида Зеленина, Тамара Зотова, Юра Анучин (живы ли они, не знаю), Ювеналий Федотов, Римма Катугина — умерли. Уже в преклонном возрасте, служа в Троице-Сергиевой Лавре, отец Серафим вспоминал о том, как тогда дружно работали: шли с охотой, никто никого не заставлял, благословение просили, молились, домой уходили одухотворенные»³³.

С первых дней Великой Отечественной войны отец Серафим организовал в Архангельске работу среди населения в помощь воинам. При

³² Одеколон, отличавшийся стойкостью аромата.

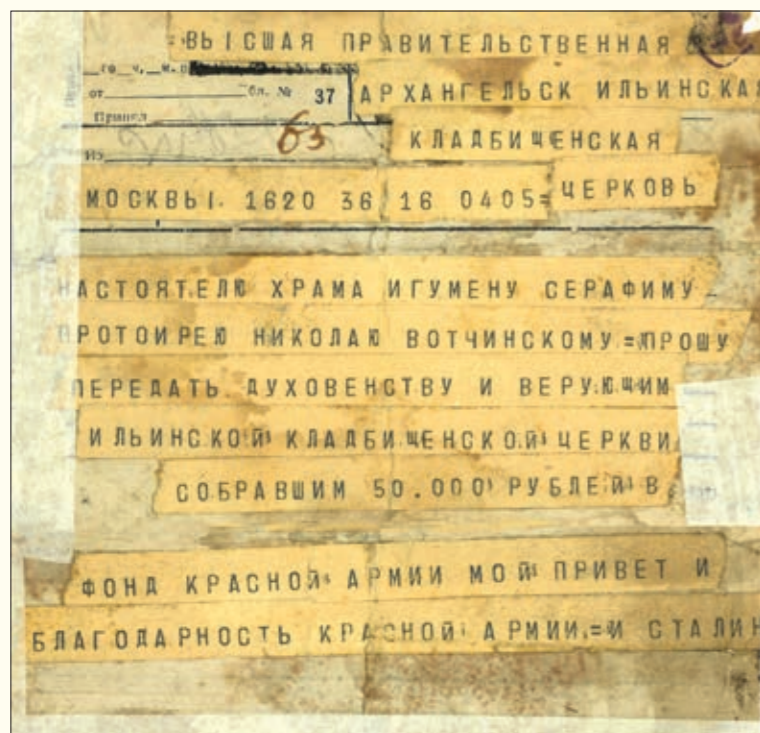
³³ Исторические зарисовки: Храм Всех святых 40-х годов XX века / А. Помазкина, Л. Бердина, А. М. Арония. Науч. руководитель: Н. В. Маркова. Архангельск: Воскресная школа храма Всех святых, 2011 г.

Архимандрит Серафим (Шинкарев) и архимандрит Кирилл (Павлов)

Ильинском соборе был создан комитет верующих, который занимался сбором средств и распределял трудовые поручения среди прихожан. Сотни верующих и сочувствующих приносили в храмы свои сбережения, ценности, теплые вещи, постельное белье, ткани... Были организованы группы надомниц: вязали теплые носки, шарфы, кофты, шили одежду. Все это сразу отправлялось на фронт.

После назначения отца Серафима настоятелем Всехсвятского храма работа по сбору средств на нужды фронта не прекратилась. Отец Серафим сумел дважды собрать большие денежные суммы,

64 Благодарственная телеграмма от И. Сталина

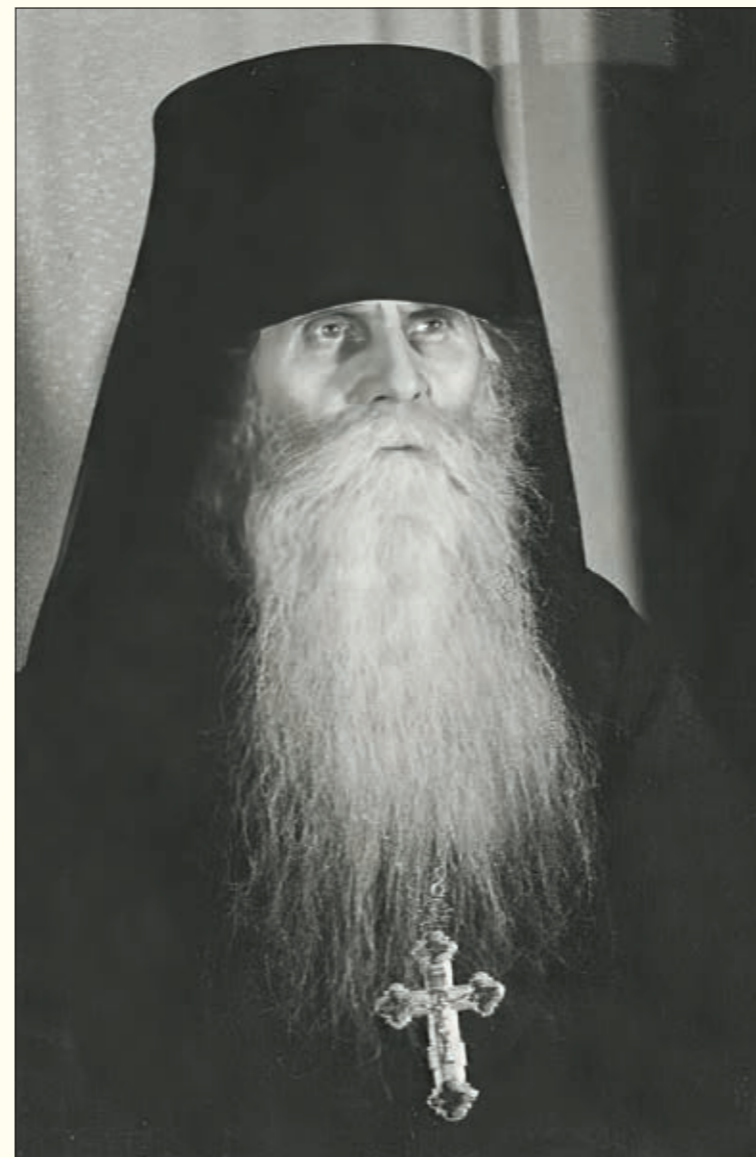
которые пожертвовал на формирование танковой колонны «Димитрий Донской», создававшейся тогда по инициативе Московской Патриархии на средства верующих и переданной в 1944 году танковым войскам СССР. За это батюшка получил от Сталина две благодарственные телеграммы.

В 1947 году игумен Серафим стал насельником Троице-Сергиевой Лавры. Здесь он проходил различные послушания: с 1949 по 1954 год — свечника и эконома, с 1954 по 1959 год — благочинного, с 1959 года — старшего духовника на исповеди мирян. После исповеди говорил краткое наставление и почти всегда начинал словами: «Детка, имей в виду...» Но говорил это быстро, и слышалось: «Детка миду». Так братия его и прозвали: «отец Серафим — детка миду».

В сан архимандрита был возведен 23 апреля 1950 года Святейшим Патриархом Алексием I.

Обладая выдающимися организаторскими способностями, неоднократно собиравший значительные денежные суммы для фронта, сам батюшка жил очень скромно. Также он заботился о сохранении нестяжательности у братии — не разрешал никому из монахов жить в одной келье больше трех месяцев, чтобы никто не накапливал имущество.

По воспоминаниям епископа Алексей (Поликарпова), отец Серафим всегда ходил на братскую трапезу. Как один из старших архимандритов, поздравлял именинников с днем Ангела. При этом почти всегда говорил: «Дай тебе, детка, чего ты сам хочешь».

Отец Серафим был человеком деятельным, внимательным к духовным нуждам людей и смиренным молитвенником. Однажды он сказал маме

двадцатилетней студентки медицинского института Александры Конковой, будущей игумении Серафимо-Дивеевского монастыря Сергии, что та будет монахиней. Сама матушка вспоминала о нем: «Мой будущий духовник архимандрит Серафим (Шинкарев)... поступил в Лавру и больше никогда не выходил за пределы обители. Даже родную сестру, монахиню Агнию, которая свои последние дни доживала возле Лавры, он не пошел хоронить. Помнится, я его не раз просила: «Батюшка, ну хоть бы Вы приехали, благословили наше жилище». Он сначала кивал-кивал, соглашался, а потом отвечал: «Деточка, я же за стены Лавры не выходил никогда». Примечательно, что он всех называл «деточками», даже моего папу, и часто повторял: «Деточка, слушайся своих родителей! Послушание всему научит». <...> У него был дар рассуждения. Сила его духа была такова, что Господь открывал ему многие тайны. Бывали случаи, что придешь к нему, а батюшка молится, и пока ожидаешь, все твои вопросы разрешаются. Отец Серафим молился о своих духовных чадах, и все ему было открыто».

Старец преставился 9 декабря 1979 года на 92-м году жизни — накануне праздника в честь иконы Божией Матери «Знамение», которую батюшка особенно почитал. Отпевание совершил наместник Лавры архимандрит Иероним (Зиновьев) в сослужении братии. Архимандрит Серафим был погребен на Северном городском кладбище, а осенью 2007 года его останки были перенесены и погребены на братском кладбище в селе Деулино.

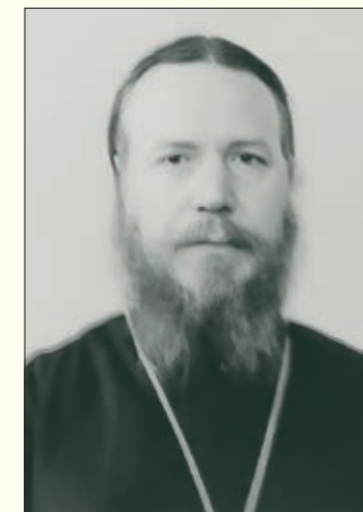

ЛЮБОВЬ, НЕСЧЕТНОСТЬ И БЛАГОРОДСТВО.

АРХИМАНДРИТ СЕРГИЙ (ПЕТИН)

В памяти лаврской братии, да и не только, отец Сергей занимает совершенно особое место. Батюшка явил удивительный пример того, как можно просто своей жизнью, своей любовью и благоговением перед Богом просвещать, приводить к вере и преображать человеческие души.

Архимандрит Сергей (в миру Виктор Петрович Петин) родился 27 мая 1935 года в городе Щурово Коломенского района Московской области. По окончании пяти классов школы выучился на слесаря и с 1951 по 1956 год работал по специальности на заводе станкостроения в Голутвине. В 1956 году горячее желание послужить Богу привело его в Лавру. В своем прошении на принятие в число братии обители юный Виктор написал: «Прошу Вашего благословения на мое поступление в число братии в Лавру Преподобного Сергия, так как мое искреннее желание удостоиться иноческой жизни побуждает меня оставить мир... Молю Бога и Преподобного Сергия, чтобы они вложили в сердце Ваше искреннее сочувствие и помощь к моей просьбе». В Лавре Виктор нес послушание пономаря и просфорника. 28 февраля 1958 года заместником Лавры архимандритом

Пименом (Хмелевским) он был пострижен в монашество в Трапезном храме обители, а 25 мая того же года епископом Новгородским и Старорусским Сергием (Голубцовым) рукоположен во иеродиакона в Успенском соборе Лавры. С 1958 года отец Сергей нес в Лавре послушание помощника ризничего, затем ризничего, а также послушание в рухольной. С 1961 по 1969 год обучался в Московской духовной семинарии и академии. 28 марта 1964 года епископом Саратовским Варфоломеем (Гондаровским) был рукоположен во иеромонаха, 25 апреля 1970 года ректором МДАиС архиепископом Дмитровским Филаретом (Вахромеевым) возведен в сан игумена, а в 1974 году к празднику Святой Пасхи Патриархом Пименом возведен в сан архимандрита.

С 28 января по 10 марта 1982 года отец Сергей нес послушание служащего священни-

ка Преображенского храма Афонского подворья в Переделкине. После этого он вернулся в Лавру, чтобы уже больше никогда с ней не расставаться. Батюшка беззаветно любил родную обитель и преподобного Сергия. Когда у него случился инсульт и одна сторона тела стала плохо работать, он все равно старался посещать богослужения каждый день. Если кто-то из братии подходил и предлагал свою помощь, говорил: «Сейчас ты мне поможешь — легко привыкнуть, потом один я уже не смогу. Лучше потихонечку сам». По рассказам митрополита Кемеровского и Прокопьевского Аристарха (Смирнова), архимандрит Сергей очень любил служить Литургию. «Когда он служил, все было продумано и тщательно подготовлено заранее — он очень ответственно относился к послушаниям, которые нес в Лавре. И он был очень внимателен не только к братии Лавры,

но и к семинаристам. Отец Сергей заботился о будущих пастырях, которые обучались в духовных школах, старался, чтобы они участвовали вместе с братией в богослужениях, пели, молились». По воспоминаниям лаврской братии, последние годы жизни, когда отец Сергей служил, он молился со слезами во время Евхаристического канона. Складывалось ощущение, что ему открыто нечто большее, чем простым смертным, — чувствовался какой-то совершенно особенный молитвенный настрой... Иеромонах Далмат (Юдин) рассказывал: «Когда заканчивалась Литургия, архимандрит Сергей сам выходил и давал крест для целования, а не поручал это молодым священникам, как сейчас делают в Лавре. При этом он с доброй улыбкой благодарил всех молящихся и даже каждого певчего — «за ангельское пение». После инсульта батюшка долго и тяжело восстанавливался, но при этом никогда не унывал и хранил свою доброту. При встрече со мной он, благословляя, по-отечески обнимал меня и говорил ласково: «О, наш архиерей...», а я, совсем недавно рукоположенный, удивлялся и думал: «За что он меня так любит?»»

Своей добротой, простотой и кротостью батюшка умел расположить к себе, отогреть людские сердца, причем не только братии и прихожан, но порой и совершенно светских людей. Примечательным эпизодом поделился игумен Дорофей (Островский), который сменил отца Сергия на послушании в Сергиево-Посадском художественном музее-заповеднике: «Владыка Феогност рассказывал мне, как он пошел к отцу Кириллу

(Павлову) просить совета, кого бы ему поставить на послушание в музей-заповедник. И отец Кирилл ответил: «А поставь отца Сергия — у него получится». Поначалу архимандрит Сергей был очень расстроен таким назначением, даже плакал. Но в итоге у него действительно получилось наладить отношения со светскими сотрудниками музея — кого-то он даже покрестил, кого-то венчал, ездил с ними на Соловки. Многие сотрудники до сих пор приезжают к батюшке на могилку. Запомнилось, как он сказал одному музейному работнику, который пришел на работу в туфлях с длинными узкими мысами: «На улице лето, а ты в лыжах!» Как же они все смеялись... А как отец Сергей молился на Литургии! Однажды в Трапезном храме я стоял напротив него. Присмотрелся — а он плачет. Но он это старался скрывать — быстро смахнет слезу и продолжает молиться, как ни в чем не бывало».

Протоиерей Сергей Правдолюбов также поделился своими воспоминаниями о батюшке: «Я познакомился с отцом Сергием, когда он приехал к нам в Николо-Хамовнический храм. Не помню, какой это был год, но это был Крещенский сочельник. Поначалу батюшка испугал меня своим строгим видом. А потом я присмотрелся к нему на службе и понял, что эта строгость происходит исключительно из благоговения перед богослужением. Он не о себе думал — он тревожился и переживал о службе Божией, и люди это почувствовали мгновенно. Мне запомнилось, как во время трапезы я попросил его сказать нам какое-нибудь духовное наставление. А он ответил: «Да что я могу

вам сказать? По словам преподобного Амвросия Оптинского, говорить о духовной жизни — это все равно что камни с колокольни вниз бросать. А вот совершать подвиги духовной жизни — это все равно что камни на эту колокольню таскать...» Отец Сергей прослужил у нас всего два дня. И когда он уезжал в Лавру, мы его не хотели отпускать. Если бы у нас было побольше молодых людей, мы бы подошли к машине, подняли бы ее заднюю часть, чтобы колеса не могли работать, и он бы так и просидел еще часа два-три в машине, не трогаясь с места, даже если бы работал мотор, — так нам не хотелось с ним расставаться! Поразительно, как ему удалось приобрести такую любовь и почитание в нашем приходе всего за два дня. Много лет подряд мы вспоминали отца Сергия с благодарностью, и радовались, и кланялись в сторону Троице-Сергиевой Лавры, и поминали его на Литургии — этого простого, смиренного монаха, цветущего всеми цветами духовными. Мы все запомнили его скромным, добрым и ласковым, а строгим и суровым — только во время службы, да и строгость эта на самом деле была не строгостью, а благоговением перед Богом».

«Архимандрит Сергей был для меня образцом для подражания, — говорит лаврский насельник архимандрит Василиск (Горбуль). — Его благородство и величие впечатляли. От батюшки мне остался его крест с украшениями, и я его берегу — для меня это особая святыня». О внутреннем благородстве отца Сергия также свидетельствует игумен Всеволод (Варющенко): «Отец Сергей с самой первой

Отец Сергей с митрой, за ним слева направо: архимандрит Стефан (Смычников), отец Венедикт (Пеньков; будущий наместник Оптиной пустыни), иеродиакон Иеремия (Соловьев; ныне архимандрит)

Архимандрит Алипий (Кастальский-Бороздин), архимандрит Сергей (Петин), архимандрит Наум (Байбороздин)

встречи в конце 1970-х удивил меня постоянным внешним спокойствием, кротостью даже, и при этом даже какой-то непоколебимостью и величием. Я всегда чувствовал, что эти добродетели были у него глубоко в душе. Всем знакомым он кланялся, благословлял просивших, отвечал на задаваемые ему вопросы, но при этом чувствовалась глубочайшая собранность, внутреннее трезвение».

Архимандрит Сергей относился с искренней заботой, сопереживанием и участием к каждому человеку. Игумен Всеволод вспоминал: «Как-то после моего пострига холодной зимой 1986 года, встретив меня на дорожке из Троицкого собора, отец Сергей пригласил меня в лаврскую рухольную, которой он заведовал. Мы поднялись на второй этаж колокольни, и он завел меня на склад готовых вещей. Надо заметить, что постригали меня к братству Академии и, строго говоря, никакого отношения к лаврской рухольной я не имел. Но незадолго до этого я немного оконфузился, когда на всенощной в Лавре с меня соскользнула мантия и всем явилась старая отцовская кофта зеленого цвета. Отец Сергей помог мне и выбрал на складе самую теплую монашескую душегрейку (до сих пор с благодарностью ее надеваю), шаровары, шерстяные носки, четки и еще что-то. Находясь в пошивочной, я удивился, с каким благоговейным послушанием относились к отцу Сергию его сотрудники. Впоследствии я узнал, что архимандрит Сергей помогал очень многим приходским батюшкам, передавая им хоть и не новые, но весьма хорошие облачения».

Об особой доброте и милосердии отца Сергия говорил также митрополит Томский и Асиновский Ростислав (Девятов): «Когда я постригался в монашество, отец Сергей приготовил для моего пострига свечу, резной крест и келейную икону преподобного Сергия. Он подбирал все это с такой любовью — интересовался, не нужно ли еще чего, может ли он еще чем-то мне помочь. Архимандрит Сергей отличался какой-то степенностью, размеренностью, неспешностью. Когда я на него смотрел, всегда вспоминал слова преподобного Амвросия: “Для того чтобы услышать Христа, нужно самому угомониться”. То есть нужно приглушить в себе мирской гомон, оставить всякую суету. И глядя на отца Сергия, я понимал, что такое — несуетность».

Дмитрий Александрович Авдеев³⁴ был так впечатлен общением с отцом Сергием, что написал целый рассказ, где передал свои воспоминания о батюшке. «Я увидел впервые отца Сергия в Чебоксарах. Он иногда приезжал погостить к владыке Варнаве (Кедрову), так как они долгие годы дружили... Высокий, очень спокойного и мирного духа батюшка. Господь даровал ему какое-то удивительное духовное благородство, которое проявлялось во всем: в его внешнем облике, речи, жестах. Отец Сергей сразу же располагал к себе. Хотелось вновь встретиться с ним, поговорить, получить благо-

³⁴ Д. А. Авдеев (1964–09.02.2022) — московский врач-психотерапевт, кандидат медицинских наук, член Союза писателей России.

словение, попросить молитв... В моей памяти много светлых воспоминаний об отце Сергии... Как-то после осеннего праздника преподобного Сергия я ожидал после братской трапезы владыку Варнаву. Ждал-ждал, но так и не дождался. Владыка знает Лавру как свои пять пальцев, и он прошел в келью каким-то другим, неизвестным мне путем. Об этом мне сообщил сопровождавший его в поездке чебоксарский диакон. Видя, что я загрустил, он рассказал о нашем разговоре владыке Варнаве, и тот благословил меня подняться в келью. Как выяснилось позже, это была келья отца Варнавы в бытность его насельником Лавры. После архиерейской хиротонии, уезжая на Чебоксарскую кафедру, он передал ее своему духовному другу — отцу Сергию.

Вхожу в келью. Там владыка Варнава, тогда он был еще в сане архиепископа, архимандрит

Сергий и архимандрит Афанасий, тоже лаврский. Отец Сергий встречает меня в дверях, обнимает и обращается ко мне так, как зовет меня только мама: “Митенька, проходи...” Беру благословение. Меня усаживают за стол. В этот день у отца Сергия были именины. На столе нехитрая снедь: кусочек красной рыбы, хлеб и гроздь крупного винограда, который мне показался очень спелым. Владыка благословляет меня покормить. Отец Сергий стал хлопотать. Я съел бутербродик, а все остальное батюшка аккуратно завернул в фольгу и вручил мне готовый пакет. Мне стало неловко. Но отец Сергий и внимания на это не обратил. Все, что было на столе, он мне и отдал. Я пробыл в келье минут

20–25 и все это время испытывал душевный трепет, глядя на этих старцев. Разговоры были самыми простыми, но почему-то слезы сами собой подступали к глазам...»³⁵

Владыка Варнава благословил Дмитрию обращаться за советом к отцу Сергию, и он стал приезжать в Лавру, где встречался с батюшкой.

«Душа моя умиротворялась от таких встреч. Отец Сергий был, несомненно, духоносным старцем. На какие-то мои недоумения он порой давал ответ прежде моего вопроса. Очень мягко, не назидательно, как бы между прочим. Многие вопросы, проблемы просто “растворялись” во время разговора с ним, как сахар в стакане горячего чая. Встреча со старцем потом долго жила в моей душе, отзываясь теплом и духовным утешением. Я уже говорил о его особом благородстве, природном такте, деликатности. Это был человек очень высокой духовной культуры, если можно так сказать. Вспоминаю еще случай. Даю как-то батюшке записки для поминовения, а между ними кладу купюру. Отец Сергий все мои листочки взял и говорит, показывая на записки: “Вот это беру. А вот это возвращаю”, — и с этими словами он вернул мне деньги...

Я приезжал к старцу и с тяжелыми личными вопросами, со скорбями и всегда уходил от него утешенным. Последний раз мы встречались весной 2007 года. Мы прогуливались по дворику около

³⁵ Авдеев, Д. А. Небо близко. Рассказы и воспоминания. М.: «МБЦ прп. Серафима Саровского», 2021. С. 49–53.

братского корпуса, я рассказывал о своей жизни, а батюшка слушал и молился. Иногда его молитва становилась слышной. Из глубины души он взывал: “Помоги, Господи”, “Управи, Господи”. Это не были “дежурные” сочувствия. Это были молитвенные вздохи, вопли его души»³⁶.

О том, какой мощной поддержкой могла стать буквально пара слов, сказанных батюшкой от самого сердца, рассказывает игумен Даниил (Михайлов): «В конце 1990-х – начале 2000-х годов меня часто отправляли в командировки. Иногда я бывал в Лавре всего 20 или 30 дней за год. И вот в один из приездов в Лавру я встретил отца Сергия, и он мне сказал: “Правильно, Даниил, всегда возвращайся в Лавру! У Преподобного так хорошо! Нигде так не хорошо, как у Преподобного”. Его слова тогда меня очень укрепили и помогли перетерпеть тяжелый период. Командировки очень сильно меня выматывали. В тот момент для меня было важно не сорваться, и батюшка как будто это почувствовал. Именно такая поддержка в тот момент была мне очень нужна. Его слова дали мне силы перенести испытания, связанные с разъездами. Сам отец Сергий всегда держался Лавры. Хоть он и ездил часто в Чебоксары к владыке Варнаве и иногда подолгу там жил, но всегда возвращался в обитель, считая ее родным домом и лучшим местом на земле».

Последние два года жизни отец Сергий страдал от заболевания, для которого характерны сильнейшие боли. Но никто никогда не слышал

³⁶ Авдеев, Д. А. Небо близко... С. 54–56.

Архимандрит Павел (Кривоногов), архимандрит Сергий (Петин) и архимандрит Виталий (Мешков)

от него ни слова жалобы. Накануне своей кончины, 16 декабря 2008 года, старец спустился на братскую проходную и исповедовал духовных чад. После всенощного бдения его уже увезли в больницу, и ночью он отошел ко Господу. «В день батюшкиной кончины я служил Литургию и еще не знал, что он уже отошел в вечность, — вспоминает один из лаврских братьев. — Я молился о здравии болящего архимандрита Сергия и вдруг почувствовал какую-то неизъяснимую радость, да что там радость — настоящее ликование!

Я долго не мог понять, что происходит, — это было такое необычное чувство! А когда я узнал, что батюшка преставился, то понял, что это был его ответ на мою молитву. Думаю, что теперь он за нас молится». В соболезновании наместнику епископу Феогносту и лаврской братии митрополит Калужский и Боровский Климент отметил: «Завершился исполненный любовью ко Христу и самоотверженным служением Церкви долгий жизненный путь архимандрита Сергия. Я знал отца Сергия, когда он был еще молодым иеромонахом, а я школьником приезжал в Лавру Преподобного. И тогда, несмотря на свой молодой возраст, он проявлял мудрость, рассудительность и пастырское благородство, являя на деле пример «Доброго пастыря»».

Отец Сергий отошел в вечность вслед за Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II — через две недели после него. Новопреставленного Святейшего Патриарха как священноархимандрита Лавры особо поминали не только на Литургиях, но и за каждой братской трапезой. Ну а вместе с ним по Промыслу Божию братия с любовью поминали и новопреставленного архимандрита Сергия. Многие братья говорят о том, что не припоминают, кто еще в обители был удостоен таких сугубых молитв. Таким образом, жизнь отца Сергия — казалось бы, такая простая, тихая жизнь — оставила след в истории Лавры, назидая будущие поколения учеников преподобного Сергия, показывая им пример истинного монашеского жития в любви и доброделии.

Могилка отца Сергия на братском кладбище в Деулино

ЧЕЛОВЕК ЖИВОЙ ВЕРЫ И ЛЮБВИ К БОГУ.

АРХИМАНДРИТ ФЕОДОРИТ (ВОРОБЬЕВ)

Архимандрит Феодорит (Воробьев), духовник и благочинный Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, исповедник, принадлежавший тому поколению монахов, на долю которых выпали тяжелые испытания XX века, пережил двенадцать лет тюрем и лагерей. Напитанный могучим жизненным опытом, отец Феодорит явился примером стойкости, веры, смирения и благочестия не только для братии обители, но и для простых людей, которые стекались к нему со всей страны за духовной помощью и окормлением.

Архимандрит Феодорит (в миру Федор Иванович Воробьев) родился 15 декабря 1899 года в Москве. В 1918 году окончил Московское коммерческое училище, в этом же году был призван в армию. Демобилизовался в 1920 году, после чего поступил учиться в Московский коммерческий институт, который окончил в 1922 году. Работал счетоводом в жилищном кооперативе, жил в Москве на улице Тулинской. Примечательно, что позже эта улица была переименована в улицу Сергия Радонежского.

Свободное от работы время Федор посвящал молитве. Состоял в общине Покровского

монастыря Москвы, где сейчас находятся мощи святой блаженной Матроны. В 1923 году протестовал вместе с активными прихожанами против закрытия обители. Тогда они назывались членами «Православной группы верующих, объединенной при храме бывшего Покровского монастыря».

16 апреля 1932 года Федор Воробьев был арестован ОГПУ. Первый арест был связан с Делом Покровского монастыря и деятельностью общины храма Иерусалимской иконы Божией Матери за Покровской заставой³⁷. 3 июня 1932 года по ст. 58–10 УК РСФСР он был осужден на три года исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). На следствии мужественно заявил: «Я, как верующий человек, питаю любовь к монашествующим и уважаю. Лично я о том, то есть о вступлении своем в монашество, — данным вопросом еще не задавался, надеюсь, что покажет будущее». В предъявленных обвинениях виновным себя не признал. Заключение отбывал в Белбалтлаге. Освободился в марте 1934 года, проживал в деревне Борщевка Суздальского района Владимирской области.

4 декабря 1937 года Федор Иванович вновь был арестован по обвинению в «антисоветской агитации». На допросах отрицал приписанные ему высказывания о контрреволюционной деятельности. 9 декабря 1937 года приговорен к десяти годам ИТЛ. Находился в заключении в Амурлаге (Дальневосточный край, г. Свободный).

³⁷ В храм Иерусалимской иконы Божией Матери перешла вся община Покровского монастыря, в том числе Федор Воробьев. Все обвинения в Деле были выдуманскими.

Десять лет будущий лаврский благочинный провел в лагере на основании совершенно абсурдных показаний: один из свидетелей сказал, что Воробьева он не знал, а показания давал, исходя из материалов, которые ему сообщали; другой свидетель отметил, что знал Воробьева как религиозного человека, но фактов его антисоветских высказываний не привел; третий сообщил: «На политические темы разговаривать с ним не приходилось, а потому о его политических настроениях показать ничего не могу». При этом у самого Федора Воробьева по поводу свидетельских показаний никаких объяснений не запрашивали. 31 октября 1939 года он пытался подать жалобу на имя Берии о несправедливости приговора, 1 января 1940 года написала в защиту сына мама Евгения Осиповна. Дело пересмотрели, однако приговор оставили в силе.

По освобождении с 1947 года Федор Иванович проживал в поселке Петушки Владимирской области и работал учетчиком в артели «Красный кожевник». В октябре 1955 года в Петушках поселился вернувшийся из лагеря епископ Афанасий (Сахаров). Встреча с будущим святителем стала для Федора Ивановича судьбоносной. Их переписка длилась практически вплоть до кончины владыки, последовавшей в 1962 году. Взаимоотношения отца Феодорита и епископа Афанасия — это особая страница в истории духовного становления лаврского благочинного... Именно по благословению владыки Федор Воробьев 7 февраля 1956 года поступил в число братии Троице-Сергиевой Лавры. А за несколько дней до блаженной кончины

святителя архимандрит Феодорит последний раз утешил любимого духовного отца, посетив его вместе с наместником Лавры архимандритом Пименом (Хмелевским) и лаврским духовником игуменом Кириллом (Павловым). Это был канун пятидесятилетия монашеского пострига епископа Афанасия.

21 августа 1956 года Федор Иванович Воробьев был пострижен в монашество архимандритом Пименом (Извековым) с наречением имени Феодорит. 8 октября того же года в Троицком соборе Лавры отец Феодорит был рукоположен во иеродиакона архиепископом Можайским Макарием (Даевым), а 18 июля 1957 года архиепископом Херсонским и Одесским Борисом (Виком) хиротонисан во иеромонаха. 18 января 1959 года возведен в сан игумена, а 8 января 1961 года — в сан архимандрита.

В январе 1959 года отец Феодорит был назначен благочинным Лавры. Он исполнял это послушание в течение одиннадцати лет — до 1970 года, когда после перенесенного инфаркта попросил освободить его от должности.

Вспоминая об этих годах, архимандрит Матфей (Мормыль) рассказывал: «Это было время правления Хрущева. За стенами обители бушевал мир. В печати развернулась жестокая антирелигиозная пропаганда. Озлобленность со всех сторон. Все тяготы, обрушившиеся на Церковь и верующих, ощущались и в монастыре. Приходилось только удивляться стойкости и бодрости отца благочинного архимандрита Феодорита, отца Кирилла

Архимандрит Феодорит (Воробьев), неизвестный схимник и архимандрит Кирилл (Павлов)

Архимандрит Феодорит
(Воробьев), Святейший
Патриарх Пимен
и иеромонах Стефан
(Смычников).
Фото около 1970 года

(Павлова), отца Тихона (Агрикова) и других старцев. По их молитвам внутри Лавры создавались особые теплота и уют».

Отец Матфей часто вспоминал, как в 1961 году на летний праздник преподобного Серафима Саровского в Троицком соборе к нему, тогда послушнику Льву, подошел отец Феодорит и попросил: «Брат Лев, пожалуйста! Сегодня престольный праздник, а петь некому. Идите петь раннюю Литургию с народом». Дело в том, что хор, собранный отцом Сергием Боскиным после открытия Лавры в 1946 году, почти распался. В 1961 году в советском законодательстве появилась статья о налогообложении зарплаты, и певчие не выдерживали. Так по благословию архимандрита Феодорита отец Матфей начал свой регентский путь в Лавре. В своих воспоминаниях он частенько называл отца благочинного Архистратигом — как начальствующего над «ангельским чином».

Монашеский подвиг архимандрит Феодорит нес со смирением и ревностью. Он был монахом по призванию. Составил для себя «Устав дня», где по пунктам расписал дела, которые должен был совершить в течение дня: «Сон 6 часов в сутки (сразу или по частям); старайся по мере сил ежедневно быть на братском молебне, приходя к нему не позднее 10 минут до начала; по окончании братского молебна иди на раннюю Литургию или на позднюю, глядя по обстоятельствам; вспоминай о данных обетах при крещении, монашестве, священстве; дорожи каждой секундой времени, говори кратко, не останавливайся нигде, спеша в келью

или к своим занятиям; бегай женщин и разговоров с ними; весь день будь несколько возбужденным; весь день храни неугасимую ревность — она что пар для движения машины; не только храни, но всячески старайся увеличить ее...»

Добросовестный и прилежный во всем, отец Феодорит был для братии примером для подражания. Архимандрит Илия (Рейзмир) отмечал: «Его не то чтобы боялись, а как-то благоговели перед ним. И неудобно было ходить по храму, разговаривать, никто не ходил по храму — стыдно было перед такими великими старцами...» Во время богослужения отец Феодорит находился на клиресе — пел или по старческой немощи молился, сидя с четками в руках. Был очень снисходителен к братии; отпускал, если кому нужно было куда-то отлучиться, но сам никуда не ездил, обитель не покидал. Братии в монастыре тогда было мало, нередко приходилось назначать на послушания внезапно, вне расписания. Если выполнить такое «незапланированное» поручение брат без ропота соглашался и отвечал «благословите», тогда отец Феодорит клал за него в келью по три земных поклона, а если отказывался — батюшка сам выполнял это послушание.

По воспоминаниям старшей братии, находясь в заключении, отец Феодорит подвергался издевательствам. Уголовники подрезали ему язык, вследствие чего он картавил. Но проповеди говорил исключительно хорошо. «Все разом почувствовали в нем умудренного и убедительного в слове проповедника, глубоко дышащего живой верой

и любовью к Богу, — говорил о батюшке митрополит Евлогий (Смирнов). — Слово убеленного сединой старца всегда оставляло свои благодатные следы в душах бесчисленных паломников древней обители». Архимандрит Лаврентий (Постников) вспоминал: «Отец Феодорит любил братию, относился к нам как “курица к цыплятам”. Бывало, подойдет брат к благочинному и отпрашивается от проповеди, а он отпускает его и говорит: “Ты устал — иди отдохни, а я за тебя сам скажу”. И получалось так, что отец Феодорит проповедует на всех трех Литургиях. Ему в лагерях подрезали язык, и он немного картавил, но его проповеди слушал весь храм со слезами на глазах». По воспоминаниям митрополита Тихона (Емельянова), у отца Феодорита была собственная картотека с выписками из творений святых отцов, которую он всегда использовал, готовясь к проповеди.

В течение двух лет перед своей кончиной архимандрит Феодорит был духовником епископа Пимена (Извекова), будущего Патриарха. В эти два года жизни батюшку не оставляли тяжкие недуги. Но он никогда не жаловался, старался ежедневно бывать в храме, выстаивал длинные богослужения.

Видя приближавшуюся кончину любимого духовника, братия стали приходить к отцу Феодориту в келью прощаться, и каждому он что-то давал из своих вещей, чаще всего книги. По воспоминаниям архимандрита Матфея (Мормыля), он пришел к уходящему в мир иной отцу Феодориту одним из последних и увидел, что книжные

Поздравление Святейшего Патриарха Алексия I с 50-летием архиерейского служения лаврским наместником архимандритом Пименом (Хмелевским) и лаврским благочинным архимандритом Феодоритом (Воробьевым). 10 мая 1963 года

стеллажи пусты, а прежде здесь была большая библиотека. Только несколько книг лежали на тумбочке у постели умиравшего. Отец Матфей выразил свое глубокое благоговение и преклонение перед тем, как терявший последние силы старец успел своей рукой раздать братии дорогие для него вещи и как достойно приготовил себя к смерти. Подаренную отцом Феодоритом книгу архимандрит Матфей берег у себя до конца своих дней.

Это были труды святителя Василия Великого, которые отец Матфей очень высоко ценил, используя их в своей педагогической деятельности.

Архимандрит Венедикт (Пеньков) поделился воспоминаниями: «В Лавре был благочинный отец Феодорит. Когда я зашел к нему проститься, то подумал: дай-ка у него спрошу. И говорю: «Батюшка, я тебя спрошу, чувствую, что не приведу тебя в смущение, ты крепкий в таком духе. Батюшка, скажи, пожалуйста, а вот долго длится жизнь человека?» Он отвечает: «Отец Венедикт, вчера родился, а сегодня умираю». Потом добавил: «Одному человеку явился преподобный Сергей и сказал — ни о чем не пекись, ни о чем не заботься, дни твои сочтены». Я думаю, спрашивать — кому? Все понятно».

Архимандрит Феодорит мирно отошел ко Господу 23 января 1973 года. Накануне его причастил духовник обители архимандрит Кирилл (Павлов). Отпевание совершил наместник Лавры архимандрит Иероним (Зиновьев).

Погребли старца на Северном городском кладбище Сергиева Посада³⁸.

³⁸ Основные источники: Пострадавшие за Христа на Радонежской земле в годы гонений и репрессий XX века. Синодик с краткими биографическими справками [в 2 т.] / Сост. иером. Пафнутий (Фокин). Сергиев Посад: СТСЛ, 2021. Т. 1. С. 99–103; Архимандрит Феодорит (Воробьев). Жизнеописание / Сост. иером. Памфил (Осокин). Сергиев Посад: СТСЛ, 2023. 72 с.; архивные данные СТСЛ.

ЛНГОДЕТНЫЙ ОТЕЦ, ЛЯГЕРНИК, ФРОНТОВИК И СХИМНИК.

СХИИГУМЕН СЕЛАФИИЛ (МИГАЧЕВ)

Отец Селафиил — старец с поразительной историей жизни, чье молитвенное заступничество испытали на себе многие люди, приезжавшие к батюшке из разных уголков страны.

Схиигумен Селафиил (в миру Даниил Никитич Мигачев) родился 15 декабря 1898 года в селе Пахомово Краснинского уезда Смоленской губернии в православной семье. Окончив сельскую четырехклассную школу, крестьянствовал. Хозяйство было немалое, работать приходилось от зари до зари: сеяли, жали, молотили, мололи муку. На уборку урожая приглашали крестьян победнее, накрывая им столы с угощениями. «Теперь так вкусно и сытно ни в одном ресторане не напитают, — вспоминал впоследствии батюшка. — Все свое, натуральное».

В деревнях в те времена к семейной жизни родители готовили детей заранее. В семнадцать лет Даниил Мигачев в первый раз увиделся со своей будущей супругой, и семьи сразу же договорились о свадьбе. «Нас с Феодорушкой повенчали, когда мне было еще семнадцать лет. Я еще очень юный был. Вина не пробовал. Мама говорит на свадьбе: «Данилушка, ну ты хоть губочку в чарке

Игумен Евсевий (Саввин, будущий митрополит), игумен Зосима (Мигачев), иеромонах Александр (Богдан). Фото 1975 года

Игумен
Зосима
(Мигачев)
и прото-
диакон
Феодор Юдин

омочи». Так я впервые и попробовал вино у себя на свадьбе».

В семейной жизни Даниил и Феодора жили душа в душу, постоянно трудились. Господь благословил их одиннадцатью детьми.

Времена перемен пришли незаметно. Батюшка рассказывал об этом так: «Помню, были выборы в Государственную думу. А мы и не знали, что это такое. Как голосовать? Нам скомандовали: «Голосуйте за восьмой номер». Так мы за фракцию большевиков и проголосовали. Не понимали ведь ничего! А потом пришли у нас изымать годами нажитое. Колхозники были последние пьяницы. Никогда сами работать не любили и все время завидовали. Так вот, надели они кожанки с маузерами и пришли забирать нашу скотину. Мы с отцом и братьями их как встречали? Накроем столы, поставим самогона. Пока они с отцом, например, пьют, братья лошадей и прочий скот в соседнее село перегоняют. Какое-то время выкручивались».

Однако Даниил Никитич и его отец все-таки были «раскулачены» и сосланы в лагерь. Сначала арестовали Никиту Прокофьевича. Батюшка рассказывал, как отца снабдили в дорогу: «В бочку закрыли мясные консервы, а на деревянную крышку насыпали навоз и еще что-то неприятное. Так и пропустили мимо глаз охранники съестной припас». А уже в вагоне Никита Прокофьевич с другими ссыльными открыли консервы и питались ими в дороге.

Сам батюшка долго сражался за свое хозяйство, которое завел отдельно от колхоза на краю деревни. Здесь он разбил яблоневый сад и просил

у Господа помощи. Когда деревья заплодоносили, даже испугался: «Зачем я столько напросил?» Яблоки выдались крупные, сочные, да так много, что не под силу одному собрать урожай. Периодически Даниила Никитича вызывали недовольные представители власти, какой-то комиссар тыкал в лицо маузером. Даниил Никитич спрашивал: «За что вы меня ругаете? Я что-то украл? Или кого побил?» Доказательств вины не находилось, и его отпускали.

Однажды кто-то по зависти поджег новое владение. Пожар разбушевался, Даниил Никитич молился святителю Николаю о помощи, и «как будто пожарные машины с неба полили водой, пожар утих».

Но новая власть не могла мириться с «единоличником». 15 октября 1937 года Даниил Мигачев был арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации» и 3 ноября того же года приговорен к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Супруга была беременна одиннадцатым ребенком, когда его забирали в ссылку. Даниил Никитич был сослан в Архангельскую область, где два года проработал на лесоповале, живя среди уголовников в очень тяжелых условиях. Спали на сырой земле. «Утром сначала отдирали волосы от промерзшей почвы, потом вставали. Многие не просыпались, замерзнув навечно», — вспоминал батюшка. Стараясь поддержать голодающих солагерников, будущий схиигумен Селафиил делил с ними свою часть хлеба. Многие на каторге в северных лагерях погибали, но жизнь Даниила

Господь сохранил. 17 сентября 1938 года постановлением УНКВД по Московской области решение тройки было отменено и дело прекращено, что по тем временам являлось большой редкостью. К концу 1939 года заключенного освободили.

Великая Отечественная война застала Даниила Никитича в Ставропольском крае. Там он работал на подвозе провизии на фронт. Однажды с ним произошел такой случай: немец приставил к нему автомат и хотел застрелить. Тут Даниил стал горячо молиться Богу. Немец очень удивился, увидев, что русский солдат верит в Бога и молится, и не стал его убивать. А однажды вражеский снаряд угодил прямо в лошадь подводы Мигачева. Его самого, тяжело раненного в голову, сбросило в кювет. Три года пролежал Даниил Никитич в госпитале, затем был оформлен пенсионером по инвалидности. По воспоминаниям игумена Филиппа (Ельшина), бывшего келейником отца Селафиила в последний год его жизни, ниже затылочной части у батюшки нащупывались «дыры» в черепе — участки без кости, заросшие только кожей.

В 1963 году преставилась супруга Даниила Никитича, с которой они прожили почти полвека, и 10 декабря 1964 года он поступил в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. Причем сам отец Селафиил говорил, что так сильно любил свою матушку, что если бы она не умерла, то в монастырь бы он не ушел. Но пути Господни неисповедимы. Феодоре было откровение от Божией Матери, что ее болезнь дана ей ради призвания в иной мир. И матушка сама завещала супругу идти в монастырь.

20 декабря 1965 года Даниил Мигачев был пострижен в монашество наместником Лавры архимандритом Платоном (Лобанковым) с наречением имени в честь преподобного Зосимы Соловецкого. 29 августа 1971 года рукоположен во иеродиакона архиепископом Сергием (Голубцовым), 4 марта 1973 года им же рукоположен во иеромонаха.

В Лавре в то время был один человек, которому советская власть позволяла бить монахов. На отца Зосиму он нападал, видимо, по той причине, что тот пользовался народной любовью, в частности, за раздачу милостыни. Батюшка рассказывал: «Я обладал такой крепостью, что убил бы его одним ударом, но ведь нельзя же, Евангелие запрещает. Вот он меня в очередной раз побил, я собрался уходить из монастыря. Уже взялся решительно за ручку двери. Вдруг сверху на мою руку легла другая рука и раздался голос: “Не уходи, потерпи еще немного. Если ты претерпишь до конца, станешь настоящим монахом”». Батюшка даже заплакал, поняв, что это преподобный Сергей запрещает уходить из его святой обители. Он ощутил в своей душе утешение и остался в монастыре, а человека, избивавшего монахов, потом перевели в другое место.

В монастыре отец Зосима нес послушание гостиника и дежурного в Троицком соборе. Но главным его послушанием стало послушание духовника паломников и богомольцев. По своей великой любви к страждущим людям он ходил на исповедь не по расписанию, а каждое утро.

Подробно вникал во все беды и напасти, с которыми приходили паломники. «По духовному-то я не очень, а по земной жизни — хорошо разбирался!» И действительно — будучи отцом одиннадцати детей, обладая богатым жизненным опытом, пережив гонения, лагерь, тяжелое ранение, батюшка как никто понимал людские скорби, и неудивительно, что поток жаждущих получить совет, утешение и благословение многоопытного старца не иссякал.

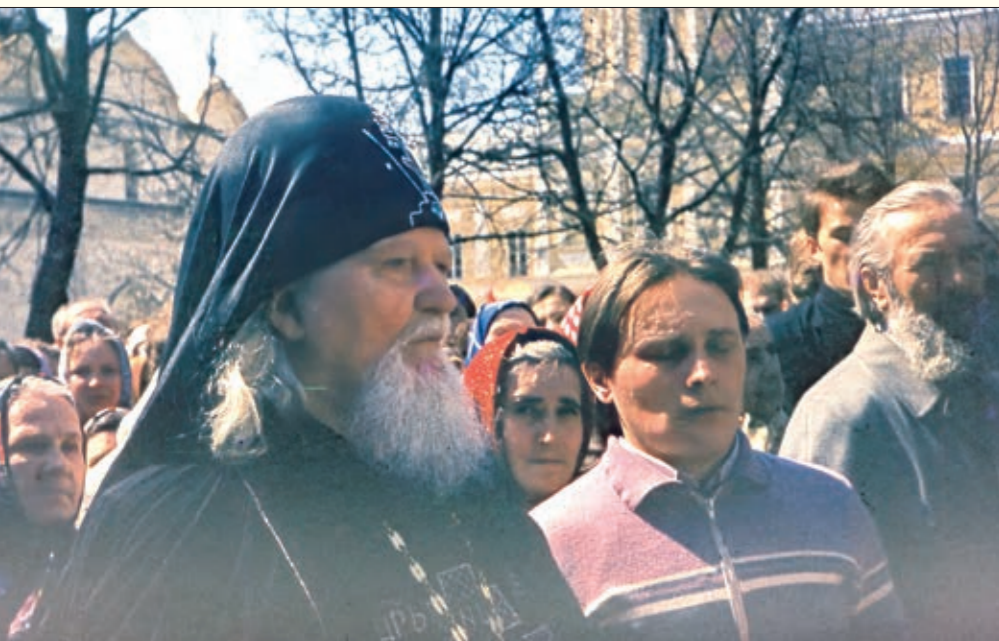
Игумен Филипп рассказывал, как однажды к батюшке пришла женщина, которая не могла забеременеть и сильно из-за этого скорбела. Старец помазал ее святым маслом. «Где это происходило, я не знаю, — вспоминал отец Филипп. — Но видел, что когда батюшка принимал людей у себя в келье, то он их помазывал так: сначала молился угодникам Божиим — великомученику Пантелеимону, святителю Николаю и другим, затем брал кисть, опускал в соборное масло, которое было смешано с маслицем из разных чудотворных мест, наносил мазок на ручку святого, изображенного на иконе, и потом уже помазывал с молитвой страждущего. Так, наверное, он поступил и с той женщиной. И чудо свершилось! Она забеременела, родила мальчика, Сережу. Однажды я видел, как она приезжала к батюшке со своим сыном».

В 1984 году, во время тяжелой болезни, отец Зосима был пострижен в великую схиму с наречением имени Селафиил, в честь одного из архистратигов бесплотных воинств Небесных. Братия тогда

пришли на постриг в лаврскую санчасть — помолиться за болящего старца. Вот что об этом рассказывал сам батюшка: «Душа — она как вода в стакане. Подкатится к горлу и “фук!”, выдохнешь ее. Я так уже умирал! Приготовился, руки сложил и уж хотел выдохнуть ее, но тут стали за меня молиться. И она опять закатилась обратно. Я так расстроился тогда!»

Архимандрит Василиск (Горбуль), будучи еще студентом Московской духовной семинарии, также нес послушание келейника старца. Вспоминая удивительную кротость и смирение отца Селафиила, он привел в пример назидательный случай: «Однажды мы с батюшкой причастились, и после Литургии он решил сделать морс из клюквы, которую ему передали духовные чада, после чего попросил меня помыть банки. Банок было много, и приходилось бегать к раковине, которая находилась довольно далеко. Бегая туда-сюда, я порядком устал и начал роптать на батюшку: мол, как же мне надоели эти банки! Отец Селафиил сел, вздохнул и замолчал. Было видно, что он очень расстроен. Я же впал в ступор и вместо того, чтобы просить прощения, тоже сел и замолчал. Понимал, что огорчил старца, но ничего не мог сказать или сделать. Через пару минут батюшка поднял голову, посмотрел на меня по-доброму и вдруг сам стал просить прощения: “Прости меня, мы с тобой причастились, все было так хорошо, и вдруг мне вздумалось этот морс варить — как же я был неправ!” Это был для меня удивительный пример смирения, ведь прощения должен

был просить я, а не он! Батюшка преподал мне тогда хороший урок».

С особым вниманием отец Селафиил относился к исполнению монашеского келейного правила и поминовению имен из синодиков. Отец Василиск свидетельствовал, что, бывало, утром он собирается на занятия в семинарию — батюшка начинает читать правило и открывает синодик. Возвращается с занятий около трех часов дня — батюшка только заканчивает поминать имена из синодика.

Еще один удивительный случай, о котором поведал отец Василиск, свидетельствует об особой близости старца к Горнему миру: «Когда отец Селафиил тяжело заболел, мы с отцом Варнавой (Федоровым) по очереди ночевали в келье батюшки.

Однажды отец Варнава заснул, и стал ему снится какой-то страшный, нехороший сон. И вдруг он услышал голос отца Селафиила: “Что ты его слушаешь — гони его от себя, он тебе на ухо шепчет!” Отец Варнава открыл глаза, смотрит — батюшка стоит рядом, крестит его и говорит: “Все, не бойся, уже ушел”».

Великим постом 1992 года в трапезной в Варваринском корпусе совершалось Таинство Елеосвящения для братии обители. Зная немощь отца Селафиила, служащие священники по очереди поднимались на второй этаж и помазывали его келейно. Когда пришел черед архимандрита Лаврентия (Постникова), он поинтересовался: «Как чувствуешь себя, старец?» Батюшка поскорбел о своих телесных недугах и признался, что очень тяжело ему стало напрягать жизненные силы. Отец Лаврентий рассудил просто: «Если не имеешь силы — проси кончины». Слово архимандрита прозвучало для схимника авторитетно. Он принял его как от Бога и потихоньку стал настраивать душу на исход.

В пасхальную ночь отец Селафиил последний раз побывал в храме. Он молился в алтаре Троицкого собора, облачился в пасхальные ризы и причастился Святых Христовых Таин. После праздника Святой Троицы стало окончательно ясно, что дни его сочтены. Старцу по-прежнему кто-то звонил с проходной, духовные чада передавали пакеты с гостинцами, чтобы поддержать угасающую жизнь. Но отец Селафиил слабел. На его теле уже не оставалось живого места: на спине он не мог лежать из-за дырок в голове после ранения;

на левом боку давило сердце; на правом болели пролежни, которые появились выше бедер; левая нога чернела от гангрены, которая поднималась от пальцев к коленному суставу.

Батюшку стали причащать ежедневно. Игумен Филипп поделился своими воспоминаниями о последних часах жизни старца: «На улице жарило солнце. Даже вечером было тепло и сухо. Лучи заката проникали в окно батюшкиной кельи. Мы с отцом Августином (Бузаковым) находились у кровати, молились. Отец Августин вдруг заметил, что пальцы на батюшкиных руках становятся фиолетовыми. А это — признак скорой смерти! Испугавшись, я поспешил к отцу Кириллу (Павлову) и сообщил, что схимник, кажется, отходит. Батюшка Кирилл немного постоял у кровати старца. Молча, помню, молился и совершенно спокойно произнес: “Да, уже скоро отойдет”. И ушел. Я встревожился еще больше от услышанного и от того, что отец Кирилл так буднично посмотрел на уходящего отца Селафиила. Но ведь наш духовник уже видел столько смертей — переход души отца схиигумена в вечность для него был естественным, важным и необходимым событием. А для меня это была первая смерть, которую я видел воочию.

Пришел отец Диодор (Дидковский), помощник благочинного, и начал читать канон “На исход души”. Где-то на шестой песне канона в воздухе повисла тишина. Вся келья была полна вечернего света. Но вдруг стены стали будто раздвигаться. Стало так хорошо и уютно, будто мы очутились на невесомом облаке и мерно покачиваемся

Могила схиигумена Селафиила на братском кладбище в селе Деулино

на нем. Какое великолепное и поистине тишайшее блаженство!»

Схиигумен Селафиил преставился 31 июля 1992 года и был погребен на братском кладбище в селе Деулино. После блаженной кончины в его келье нашли синодик, в который было внесено около пятисот имен.

РЕБЕНОК ДУШОЮ И СЕРДЦЕМ... ИГУМЕН ГРИГОРИЙ (ВАСИЛЬЕВ)

«Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3). Отец Григорий всей своей жизнью исполнил эту заповедь Христову. Он был настоящим ребенком: простым, непосредственным, с детской душой и чистым сердцем, воспринявшим Христа еще в младенчестве и пронесшим эту любовь до самой своей блаженной кончины, которая последовала на 91-м году жизни 10 сентября 2016 года.

Отец Григорий (в миру Анатолий Васильевич Васильев) родился в деревне Сидоровская Шатурского района Московской области в православной семье. Согласно документам, день его рождения — 29 января 1925 года, однако сам батюшка рассказывал, что родился он на Крещение — 19 января 1926 года. Такое расхождение по датам, возможно, произошло из-за того, что юноша в 1943 году прибавил себе лишний год, чтобы его взяли на фронт. Василий Васильевич, отец Анатолия, преставился, когда сыну было три с половиной года. Мать, Любовь Васильевна, растила детей одна. Помимо Анатолия, в семье воспитывались его братья Алексей и Иван, сестры Любовь, София, Александра.

Анатолий был крещен в родной деревне, в храме во имя святителя Николая Чудотворца. Здесь же окончил пять классов средней школы. По

воспоминаниям батюшки, он уже в детстве начал чувствовать особое призвание к монашеству. Даже в те сложные времена у мамы Анатолия получалось находить для сына духовную литературу, жития святых. Особенно много юный Анатолий читал о преподобных Сергии Радонежском и Серафиме Саровском. «Видимо, преподобные Сергий и Серафим вразумляли меня в детстве на монашество, — говорил батюшка. — А сейчас я живу этими детскими мыслями — и, конечно, монашескими».

В 1943 году 17-летний юноша ушел на фронт. В призывной комиссии возраст «18 лет» записали с его слов. Сам отец Григорий рассказывал, что не хотел воевать, но очень хотел попасть на передовую и помогать солдатам, чем сможет. Он был маленького роста. Когда в военкомате измерили его рост, то сотрудник комиссии сказал, что с таким показателем на фронт не берут. Тогда Анатолий попросил измерить рост еще раз и встал на цыпочки, после чего его объявили пригодным. Когда он уходил в армию, старушки, которые его видели на вокзале, говорили со слезами на глазах: «Смотрите, каких маленьких детей забирают на фронт!»

Перед уходом на войну мама благословила сына иконочкой преподобного Сергия, молящегося возле гроба своих родителей, преподобных Кирилла и Марии. Эту иконку Анатолий всю войну проносил на груди. На фронте он не принимал участия в военных действиях, однако все время находился на передовой — работал налевой кухне. Однажды, в 1944 году, кто-то не затушил вовремя костер, враги увидели дым и начали

бомбардировку. Юный солдат в это время находился в землянке. Он был контужен, долгое время лежал в госпитале в Белостоке (Польша) без сознания. Поправившись, вернулся на фронт. За два года войны Анатолий успел пройти Кенигсберг, Польшу, Германию, Восточную Пруссию, Померанию... По окончании войны еще около пяти лет он нес службу в армии — в Германии и Прибалтике. Демобилизовавшись, устроился работать инкассатором в банке, затем водосмотрщиком на электростанцию. Какое-то время был чернорабочим на даче у маршала Жукова. Батюшка частенько вспоминал Георгия Константиновича и его супругу Александру Диевну, которая в присутствии Анатолия «всегда сидела с суровым лицом и курила “Казбек”».

Так как Анатолий был очень доверчивым юношей с чистой душой, люди порой пользовались этим и подшучивали над ним. Так, однажды кто-то из приближенных Жукова начал сватать его к дочери маршала. Анатолий принял все за чистую монету, испугался такого поворота событий и покинул дачу. Убегая, он боялся, что его застрелит кто-нибудь из многочисленной охраны маршала за неповиновение. После этого случая Анатолий окончательно укрепился в своем желании уйти в монастырь и посвятить свою жизнь Богу. 2 марта 1958 года он пришел в Лавру, к любимому преподобному Сергию, который незримо вел его всю жизнь и защищал в годы войны.

27 декабря 1959 года в Троицком соборе Троице-Сергиевой Лавры наместник обители архимандрит Пимен (Хмелевский) постриг его

в монастырь с именем Григорий, в честь преподобного Григория Авнежского, собеседника преподобного Сергия Радонежского. Перед постригом возле мощей Преподобного тянули жребий с будущим монашеским именем. Листок по благословению архимандрита Пимена вытащил иеродиакон

Серапион (Фадеев). Новопостриженный монах тогда ему сказал: «Митрополитом будешь!» А тот ответил: «Я тогда буду митрополитом, когда ты будешь игуменом». И неожиданное взаимное пророчество сбылось в 1987 году — владыка Серапион стал митрополитом, а отец Григорий был возведен в сан игумена.

Когда отец Григорий пришел в Лавру, большую часть территории обители занимали миряне. Когда им давали квартиры, освободившуюся жилплощадь передавали монахам. Но иногда миряне возвращались, часто ночью, и снова занимали эти квартиры. Тогда отец Григорий вместе с отцом Никитой (Прониным) стали снимать полы, вынимать стекла из окон, ломать печки, чтобы избежать самозахвата и сохранить квартиры-кельи за насельниками монастыря. Когда на улице было минус 40 градусов, им приходилось ночевать

в помещении с температурой минус 20 и дежурить по очереди по ночам. Такими трудами и жертвами возродился монашеский быт в обители.

8 октября 1960 года, в день памяти преподобного Сергия, в Трапезном храме Лавры архиепископом Ташкентским и Среднеазиатским Гавриилом (Огородниковым) отец Григорий был рукоположен в сан иеродиакона.

В этом же году отца Григория направили в Патриаршую резиденцию в Чистом переулке, а примерно через полгода перевели на диаконское послушание в Преображенский храм Троицкого подворья Лавры в Переделкине. В то время там служили архимандрит Тихон (Агриков; в будущем схиархимандрит Пантелеимон) и архимандрит Иоасаф (Балаев; в будущем схиархимандрит Михаил) — лаврские отцы, также прошедшие войну. Однажды отец Григорий встретил в коридоре отца Тихона и спросил в простоте сердца: «Ты куда идешь?» А тот ответил: «На Луну», — и, повернувшись к шедшему рядом отцу Иоасафу, добавил: «Ну что, возьмем Григория с собой?» Такими шутками-прибаутками лаврские фронтовики поддерживали друг друга.

С 1960 по 1973 год батюшка жил между Лаврой и Переделкино — его то посылали в резиденцию на послушание, то возвращали в монастырь, пока наконец он не остался в обители преподобного Сергия и до конца жизни уже не покидал ее.

Отец Григорий прослужил диаконом 25 лет. 22 сентября 1985 года в Успенском соборе города Владимира архиепископ Владимирский и Суз-

дальский Серапион рукоположил его во иеромонаха. Это был тот самый владыка, который, будучи иеродиаконем, вытягивал жребий у мощей преподобного Сергия при постриге отца Григория.

В Лавре батюшка нес различные послушания. Однажды во время несения чреды у мощей преподобного Сергия он читал акафист и вдруг увидел самого Преподобного, который стоял возле раки. Этот случай отец Григорий не мог вспомнить без слез. В другой раз какая-то женщина положила к мощам необычное пожертвование — драгоценное ожерелье. А батюшка по своей простоте взял его и подарил девочке, которая также подошла к мощам. Представители уполномоченного по делам религии, которые следили за обстановкой в монастыре в то время, даже проводили по этому поводу разбирательство, но молитвами Преподобного у них не получилось удалить отца Григория из обители.

Еще один случай батюшка часто вспоминал с умилением. Когда преставился митрополит Николай (Ярушевич), отца Григория поставили ночью у гроба читать Евангелие. Прикладываясь к рукам почившего, он почувствовал такое благоухание — «сплошной мед». Можно предположить, что Господь оказывал своему верному служителю особые милости за чистоту его сердца. Однако детская непосредственность батюшки порой пугала священноначалие. Во время ответственных и торжественных мероприятий его просили не выходить на улицу, зная такую простоту и опасаясь неловких ситуаций. Но однажды неловкая

ситуация все же произошла. Лавру посещал Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II. Отцу Григорию очень хотелось выразить старцу-первоиерарху свое почтение. И он честно выполнил то, что ему велели: не покинул пределов братского корпуса, а просто открыл окно своей кельи, которая находилась как раз над Святыми вратами, и начал приветствовать Святейшего: «Христос воскрес! Христос воскрес!» — да так громко, что Патриарх обратил на это внимание.

Как-то после службы один лаврский брат зашел к отцу Григорию и застал его плачущим, жалующимся на архимандрита, который возглавлял в тот день раннюю Литургию. Оказывается, увидев заходящего в алтарь отца Григория, отец архимандрит грозно кому-то сказал: «Проследите за ним» (видимо, так выражая заботу и необходимость помочь немощному старцу в алтаре и особенно у престола). В следующее воскресенье ситуация повторилась. Еще через неделю брат увидел в расписании, что тот архимандрит опять возглавляет раннюю Литургию, но, когда зашел к батюшке отцу Григорию, нашел его на редкость умиротворенным. Батюшка объяснил: «Я ходил на раннюю, причастился, пришел в келью и задремал. И снится мне сон: захожу я в алтарь Успенского собора, а там за столом сидит отец архимандрит. Я его спрашиваю: “Ты что делаешь?”, а он мне: “Пророчества пишу”. “Да он святой”, — подумал я, а вслух сказал: «Я-то думал, что ты “такоський”», на что архимандрит ответил: “Мы в Лавре у преподобного Сергия все особенные”. Когда он это сказал, я услышал

стук в келью и проснулся. На сердце были легкость и мир». С тех пор отец Григорий стал часто причащаться при служении этого архимандрита.

Игумен Григорий перенес в жизни много страданий и болезней. Последние годы он был прикован к кровати тяжким недугом. Но, несмотря на это, он терпеливо и благодушно переносил свое положение, часто исповедовался и причащался Святых Христовых Таин. Как-то братия пришли к батюшке в келью и попросили его рассказать что-то о себе. Несколько сказанных старцем слов говорят о нем красноречивее, чем иные длинные повествования...

— Кто Вас благословил на поступление в монастырь?

— Бог благословил, и теперь благословляет.

— А какие Вы в Лавре несли послушания?

— Я и сейчас продолжаю нести послушание — лежу вот в постели.

— Расскажите немного о себе.

— Христос посреди нас! Вот и все слова.

Игумен Григорий отошел ко Господу после соборования и причащения Святых Христовых Таин утром 10 сентября 2016 года. Когда братия собрались в келье новопреставленного для перенесения гроба в Духовской храм и начали служить литию, произошло еще одно знаменательное событие. Во время пения «Вечной памяти» за окном раздались салютные залпы — тогда в Посаде праздновали день города. Слыша салют, кто-то из братии заметил: фронтовика хороним! Фронтовика и ученика преподобного аввы Сергия — приснопоминаемого

игумена Григория — похоронили на братском кладбище в селе Деулино близ храма Спаса Нерукотворного.

В памяти любящей братии он остается непосредственным, чистым ребенком, с радостью встречающим всякого приходящего к нему словами: «Христос воскресе!», и тут же добавляющим апостольское приветствие: «Христос посреди нас!»

Могила игумена Григория на братском кладбище в селе Деулино

«БЕРЕГИТЕСЬ, НАБЛЮДАЙТЕ,
ТЕРПИТЕ И МОЛИТЕСЬ».

ИГУМЕН ИПОЛИТ (ЯКОВЛЕВ)

Одной из ярких страниц трагического XX века на Радонежской земле явилось так называемое «Дело Ипполита», по которому проходил и был приговорен к расстрелу преподобномученик Кронид (Любимов) — последний наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры перед ее закрытием в 1920 году.

Так кто же такой этот загадочный Ипполит? Чем он так не угодил властям? Почему именно его именем назвали дело по обвинению в контрреволюционной деятельности, создании монархической группировки, сохранении нелегального монастыря, поддержке находившихся в ссылках и тюрьмах и вернувшихся оттуда монахов Лавры? Несмотря на такое громкое дело, имя игумена Ипполита не обрело широкой известности, его подвиг по большей части остался тайной, скрытой от посторонних глаз. Однако «не может светильник сокрыться под спудом» (см.: Мф. 5, 15), и с годами тем или иным образом стали открываться подробности жизненного пути и исповеднического подвига братского духовника Троице-Сергиевой Лавры.

Игумен Ипполит (в миру Иван Степанович Яковлев) родился 31 января 1855 года в городе Новогеоргиевске Херсонской губернии в семье военно-рабочего. Получил домашнее образование. В возрасте 18 лет приехал в Троице-Сергиеву Лавру, где около десяти лет трудился в числе неуказных послушников. В 1884 году получил от гражданских властей увольнение и был определен в указные послушники Лавры. Исполнял послушание писаря при канцелярии казначея Лавры. 27 марта 1888 года был пострижен в мантию в Гефсиманском скиту вместе с будущим наместником Лавры преподобномучеником Кронидом, с которым впоследствии проходил по одному делу. 25 сентября 1890 года отца Ипполита рукоположили во иеродиакона, через пять лет — во иеромонаха. В 1895 году иеромонах Ипполит назначен на должность библиотекаря Лавры. 29 сентября 1897 года Духовный собор Лавры утвердил его одним из шести штатных «гробовых» иеромонахов, служивших у мощей преподобного Сергия.

С этого времени отец Ипполит начал активно заниматься благотворительной и миссионерской деятельностью, оказывая помощь училищам, гимназиям и церковно-приходским школам. Для Благовещенской школы села Благовещенье близ Троице-Сергиевой Лавры он стал не только устройтелем и благотворителем, но и попечителем, построив деревянный дом, снабдив его всем необходимым и оказывая регулярную помощь. Также отец Ипполит много лет был уполномоченным

Игумен Ипполит с духовными дочерьми Полей и Катей. 1920-е годы

представителем Лавры в Императорском православном палестинском обществе.

13 февраля 1901 года, по рекомендации благочинного Лавры, отцу Ипполиту добавили послушание: «Принимая во внимание строго нравственное поведение иеромонаха Ипполита и достаточную сравнительную начитанность в святоотеческих писаниях...», он был назначен блюстителем Зосимо-Савватиевской церкви и духовником богомольцев. Духовничество стало основным служением отца Ипполита на всю его дальнейшую жизнь. В 1905 году его назначили братским духовником. «Местом для исповеди братии и богомольцев Духовный собор назначает церковь во имя Всех святых, что под Успенском собором».

Примерно в это время отец Ипполит познакомился с Александрой Васильевной Васильевой, которая стала его духовной дочерью и оставила после себя небольшую записную книжку с рисунками, душевными словами и короткими назидательными стихами отца Ипполита. Все изречения были написаны каллиграфическим почерком и оригинально оформлены. В этих записях в полной мере отражены любовь батюшки к родной Лавре и монашескому призванию. Основные темы эскизов — храм или часовенка в лесу, одинокий путник, дорога, уходящая вдаль, избушка-келья с отшельником на пороге... «Труды и забавы инока Сергиевы Лавры», как называл

свои рисунки сам отец Ипполит, и сегодня впечатляют. Здесь можно увидеть много интересных изречений старца, выраженных в шуточной стихотворной форме, однако по сути своей очень глубоких и назидательных:

«Ты и я живем, придет пора — помрем.

И люди все живут, в конце концов — помрут».

Первая запись — «Мир Вам» — была сделана в 1906 году, последняя — «Конец всему. Венец тому, кто честно жил, Христа любил» — написана 29 апреля 1924 года. Выполненные в течение восемнадцати лет эскизы и записи донесли до нас облик мудрого и любящего старца, желающего всем спасения.

Однако батюшка не был всегда елейно добрым. В случае необходимости он мог сказать и обличительное слово. Неся послушание духовника в сложное предреволюционное время, он часто сталкивался с маловерием и излишним попечением о земных проблемах. В одной из своих проповедей он говорил: «Вы должны в эти кратковременные два часа забыть все земное, дабы истинно подготовиться к тому великому и неоцененному Таинству, к которому вы готовились, и если не можете остановить мысль суетную, греховную, то, по крайней мере, остановите слово, над которым вы имеете власть и за которое вы дадите ответ Богу...»

В 1914 году отца Ипполита по просьбе ректора Академии назначили духовником студентов Московских духовных школ. К 1917 году он становится одним из почитаемых старцев Лавры. Однако грозная туча, окутавшая Отечество, уже подступала и к стенам Троице-Сергиевой обители... 1 августа 1918 года отец Ипполит написал в дневнике А. В. Васильевой пророческие слова: «Велико наше преступление, что так долго длится наше наказание». И действительно, наказание растянулось на десятилетия...

10 ноября 1919 года Сергиевский исполком принял постановление о ликвидации Троице-Сергиевой Лавры как монастыря. За неделю до

этого, ночью 3 ноября 1919 года, в Лавре неожиданно был произведен обыск, братия была изгнана из стен обители.

После выселения братии из Лавры отец Ипполит некоторое время жил в Черниговском скиту. С этого времени для него начался новый

путь — путь странничества. Он останавливался в разных селениях между Сергиевым Посадом и Пушкино, часто посещал богослужения в Смоленской церкви села Софрино.

В Сергиевом Посаде отец Ипполит бывал в доме монахини Евфросинии (Барановой) на улице Кирова, 76. В этом доме после закрытия Лавры и ее скитов хранились многие иконы (в том числе и чудотворная Черниговская икона Пресвятой Богородицы), тайно совершалась Литургия. Служили изгнанные из Лавры монахи и проезжавшие через город гонимые священники. Здесь же старец устроил маленькую мастерскую, где создал альбом пейзажей, выполненный в сложной технике акварели и гуаши с доработкой пером и тушью. На титульном листе альбома старец пером изобразил Голгофу.

Отец Ипполит был одарен не только художественными талантами. В Лавре хранится предание, что он является автором «Акафиста об усопших», который в 1955 или 1956 году переписала Александра Сергеевна Домбровская (в с. Черни Тульской обл.), благодаря чему этот гимнографический памятник дошел до наших дней.

Для своих духовных чад в тяжелые 1920-е годы отец Ипполит оставил письменное назидание всего в четырех словах: «Берегитесь, наблюдайте, терпите и молитесь». В последние годы жизни он, уже почитаемый старец, мало разговаривал, юродствовал. В любое время года ходил по улице в одном подряснике, босой, из-за чего у него опухали и болели ноги. Спал на полу или в гробу.

Первый раз игумена Ипполита пытались арестовать в 1928 году — по делу «Антисоветской группы черносотенных элементов в г. Сергиево-Московской области». Тогда старцу было около 73 лет. Пришедшим его арестовывать он ответил: «Дайте мне одеться, я пойду оденусь. А то что же, я — босой и раздевши, я замерзну. Подождите здесь, а я пойду оденусь». Он вышел, прошел черным ходом, и его не смогли найти.

Последние десять лет старец тайно жил в доме Николая Михайловича Сычева на улице Правая Штатная, 5. В этом доме располагался «домашний монастырь» — здесь молились изгнанные из Лавры монахи. В ноябре 1937 года, когда органами НКВД было возбуждено дело против лаврского наместника архимандрита Кронида, кроме него самого, по этому делу проходили Н. М. Сычев, многие братья и жильцы его дома. В обвинении говорилось: «Идейными руководителями этой контрреволюционной группировки являлись наместник бывшей Троице-Сергиевой Лавры, в прошлом пользовавшийся особым расположением бывшего царского дома Романовых, ярый монархист Любимов Константин Петрович, и бывший благочинный Загорского и других районов, дворянин протоиерей Баянов Дмитрий Федорович. Эта контрреволюционная монархическая группировка монахов и духовенства сохранила до последних дней продолжение Троице-Сергиевой Лавры как нелегальный монастырь, с сохранением лаврского уставного порядка взаимоотношений между собой и [по отношению] к архимандриту Крониду;

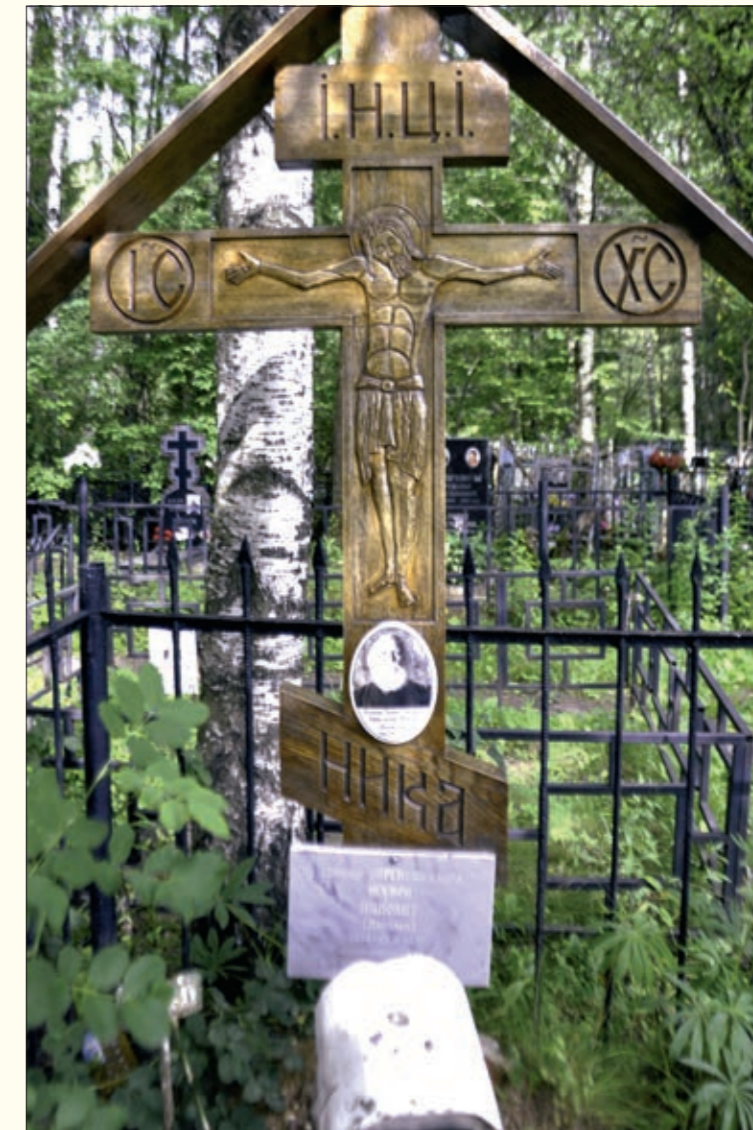

сохранялся старый, особо монастырский порядок церковной службы по подобию прежней службы в Троице-Сергиевой Лавре в церкви Петра и Павла, а после ее закрытия в церкви Кукуевского кладбища; открывались филиалы нелегального монастыря на домах, как, например, в доме крупного загорского домовладельца и торговца Сычева Николая Михайловича, где проживало 6 монахов и монашки в маленьких комнатках — подобиях келий — с “прозорливцем”, старцем Ипполитом [Яковлевым — бывший духовник Лавры] и игуменом Никодимом...» В оперативной разработке дело носило название «Ипполит». Вероятно, отец Ипполит, как братский духовник, вызывал особую ненависть у сотрудников НКВД.

82-летнего старца пришли арестовывать 21 ноября, в праздник Собора Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. Батюшка лежал больной, с высокой температурой. Он упросил оперативников прийти за ним на следующий день. Но забрать его они не успели — в ночь на 22 ноября 1937 года старец преставился.

Игумен Ипполит был погребен на Никольском кладбище Сергиева Посада, недалеко от могилки Гефсиманского старца Варнавы (Меркулова). Со временем территорию закрытого в 1952 году Никольского кладбища начали застраивать, и родственникам разрешили перезахоронение останков на действующее Северное кладбище. У старца Ипполита не было родственников, зато оставались духовные чада, чтущие его память. Среди них были блаженные Поля и Катя, жившие в добровольной

нищете в Пушкино. Блаженная Катя много лет бесплатно работала санитаркой, выхаживая самых тяжелых больных, а блаженная Поля, сломав бедро, оказалась обездвиженной. По благословию отца Ипполита она не стала делать операцию, чтобы обоим подвижникам иметь возможность спастись: Поле — терпением, а Кате — уходом за ближним. Так они жили около двадцати лет. Имея желание спасти могилу духовного отца, они попросили содействия в этом вопросе у своей помощницы Анны Евсеевны Юшиной. В день Архистратига Божия Михаила Анна поехала к местным властям писать заявление на перезахоронение «родного отца». Всю дорогу она в страхе молилась святителю Николаю. Не зная мирских имени и отчества игумена Ипполита, она указала его в заявлении не как Ивана Степановича, а как Михаила Николаевича — в честь Архистратига Михаила и святителя Николая. И произошло чудо — никто не обнаружил ни ошибки в имени, ни того, что Анна Евсеевна не приходилась старцу родственницей. Перезахоронение останков было разрешено. Узнав об этом, лаврский духовник архимандрит Кирилл удивленно заметил, что «простая женщина пришла и получила разрешение, а мы вот всей братией не можем получить разрешение на перезахоронение старца Варнавы Гефсиманского». И наконец, когда и это разрешение было получено, 17 октября 1970 года братья Лавры перенесли останки старцев Варнавы и Ипполита, оставивших нам в назидание пример своей исповеднической жизни, на Старое (Северное) городское кладбище Сергиева Посада.

Могилу игумена Ипполита на Старом (Северном) кладбище

УШЕДШИЙ ТАК РАНО, НО СДЕЛАВШИЙ ТАК МНОГО...

ИГУМЕН МАРК (ЛОЗИНСКИЙ)

Магистр богословия, профессор Московской духовной академии, исследователь трудов святителя Игнатия (Брянчанинова), составитель его «Избранных писем», участник обретения мощей святителя Феофана Затворника — игумен Марк (Лозинский) отошел ко Господу в возрасте всего лишь тридцати трех лет... Проживший на земле столько же лет, сколько и Спаситель, так рано ушедший из этой жизни, но так много потрудившийся на ниве Христовой, отец Марк оставил после себя богатое духовное наследие. Его перу принадлежит огромное количество богословских и исследовательских работ. Игумен Марк не только собрал и систематизировал обширный архивный материал по святителю Игнатию, но и подготовил «Отечник проповедника» — сборник, содержащий примеры из святоотеческой жизни; составил ряд учебных пособий по гомилетике; собирал и изучал материалы по истории Оптиной пустыни. Его статьи публиковались в «Журнале Московской Патриархии», в бюллетене Среднеевропейского Экзархата «Stimme der Orthodoxie» («Голос Православия»), в журнале Патриарших приходов в США «One Church» и в «Вестнике Русского

Западноевропейского Экзархата Московского Патриархата».

Игумен Марк (в миру Сергей Ростиславович Лозинский) родился 4 июня 1939 года в городе Нарва в семье священника. Папа отца Марка, протоиерей Ростислав, был добрым, любящим, но и в меру строгим отцом, настоящим примером для подражания. Сережа уже с детства хотел пойти по его стопам и другого пути для себя не видел. Однако у его мамы, Софьи Емельяновны, такое желание сына вызывало страх — гонения на Церковь в те годы еще не прекратились, священников презирали, оскорбляли, притесняли. Многие из них оказывались в тюрьмах. Любящий сын не стал противиться матери и вместо семинарии подал документы в медицинский институт. Получив хорошие оценки на вступительных экзаменах, но не пройдя по конкурсу, он воспринял это как волю Божию и на следующий же день поехал в Троице-Сергиеву Лавру. Благодаря Бога и прося молитв преподобного Сергия, он пошел в Московскую духовную семинарию сдавать экзамены. Старший брат отца Марка Борис Ростиславович Лозинский позже вспоминал: «Брат очень много читал, на чем испортил себе зрение. Он принял решение идти в семинарию. В последние годы учебы в школе упорно готовил себя к этому нелегкому пути. Много читал духовной литературы, пытался вести соответствующий образ жизни, искусственно создавая физические трудности и лишения (например, спал на рубленых поленьях, покрытых всего лишь простыней)».

Семинарист Сергей Лозинский

Принимающий документы долго беседовал с Сергеем, пытался выяснить, насколько серьезны его намерения, хватит ли у него силы воли и решимости преодолеть все преграды и испытания. Как оказалось позже, предупреждения были неслучайными: его действительно несколько раз вызывали представители КГБ, пытались склонить к сотрудничеству и заставить клеветать и следить за преподавателями и студентами либо покинуть стены заведения. По воспоминаниям отца Марка, после каждого «сеанса обработки» он несколько дней не мог прийти в себя. Все это не могло не сказаться на состоянии его здоровья. Вскоре начали проявляться первые признаки сахарного диабета...

В 1959 году Сергей Лозинский окончил семинарию и был принят в Академию. На первом курсе он подружился со Львом Мормылем (будущим

Сергей Лозинский и схиархимандрит Андроник (Лукаш)

архимандритом Матфеем). Это была крепкая дружба двух глубоко верующих и талантливых юношей, стремившихся к служению Богу, Церкви и людям. На втором курсе обучения друзья подали прошения на имя наместника Лавры архимандрита Пимена (Хмелевского) о принятии их в монастырь и 19 декабря 1962 года были пострижены в монашество: Лев с именем Матфей, Сергей — с именем Марк. В апреле следующего года отец Марк был рукоположен во иеродиакона. По окончании Академии со степенью кандидата богословия он был оставлен в качестве профессорского стипендиата и преподавателя гомилетики в семинарии. С марта 1964 года отец Марк являлся сотрудником Цер-

ковно-археологического кабинета МДА, а с сентября того же года до своей кончины — помощником заведующего. В 1968 году отец Марк получил звание доцента, в 1969 году был возведен в сан игумена.

Отец Марк вместе с отцом Матфеем иногда бывали у кисловодского старца иеросхимонаха

Стефана (Игнатенко) — отец Матфей знал отца Стефана с двенадцати лет (15 августа 1968 г. он постриг старца в великую схиму). Отец Стефан руководствовался в своей духовной жизни творениями святителя Игнатия (Брянчанинова) и иногда рассказывал друзьям о его жизни и трудах. По благословию старца игумен Марк взялся за изучение наследия святителя. 12 июня 1969 года он защитил магистерскую диссертацию «Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам епископа Игнатия (Брянчанинова)» и в декабре того же года был утвержден профессором Академии. Отец Марк не только сам чрезвычайно увлекся наследием святителя, но привил любовь к нему своим студентам. Он был талантливым преподавателем и одной из главных своих задач видел подготовку достойных пастырей Церкви. «Игумен Марк преподавал у нас гомилетику, — вспоминал епископ Солнечногорский Алексей (Поликарпов). — Это был ученый благочестивый муж высокой духовной жизни. Он открыл для нас святителя Игнатия (Брянчанинова). Также он сумел привить нам любовь к Церковно-археологическому кабинету — благодаря ему для нас, учащихся, ЦАК стал больше, чем музеем, — он стал святым местом. Отец Марк подходил к своему предмету творчески — это было не сухое и скучное преподавание, а всегда яркие, образные рассказы. Отец Марк говорил живо, увлеченно и очень громко. Его собрат по постригу отец Матфей по-дружески шутил: “Твоим голосом только штукатурку отбивать”».

Труд в Академии игумен Марк сочетал с послушанием инока — участвовал в лаврских богослужениях, часто проповедовал в обители. Он был прекрасным проповедником — проповеди его были содержательными, грамотно построенными, слушались всегда с большим вниманием и интересом.

Известно, что отец Марк был иподиаконом Святейшего Патриарха Алексия I. С этим послушанием связан один забавный случай. Во время патриаршей Литургии в алтаре оказалось так много архиереев, что им пришлось стоять, тесно прижавшись друг к другу. Единственным более-менее свободным было только горнее место, где стоял сам Святейший. Вдруг отец Марк слышит шепот старшего иподиакона, обращенный к нему, что он должен срочно что-то принести. Для этого нужно было подойти к другой стороне престола, но в алтаре была такая теснота, что протиснуться между служащими не было возможности. Услышав отчаянный шепот: «Скорее, скорее!», он все же пересек запретную зону перед стоящим Святейшим и, взяв, что ему передали, тем же путем возвратился, после чего раздался грозный шип одного из архиереев: «Ты что, не знаешь, что сейчас здесь ходить нельзя, как ты посмел?!» Отец Марк и сам прекрасно знал, что этого делать было нельзя, но у него другого выхода не было. Он сам был обессилен, в нервном напряжении. По его словам, сердце у него билось, как у пойманной птицы, и он ответил: «Благословите тогда крылышки, владыка!» — после чего раздался чей-то приглушенный, неожиданно вырвавшийся смешок. Это был Патриарх.

Празднование 50-летия архиерейского служения Патриарха Алексия I в Троицком соборе Лавры. Справа от Патриарха иподиакон Марк (Лозинский). Фото 10 мая 1963 года

«Я чувствую, что Святейший смотрит на меня, а у меня ноги подкашиваются, — вспоминал отец Марк. — Я посмотрел на него виноватыми глазами и увидел, что он смотрит на меня, а глаза у него добрые, как будто хочет успокоить. Я так благодарен Святейшему, что никакого наказания для меня не последовало, но пережил я этот случай весьма болезненно». Тем не менее из этого происшествия видно, что молодой иподиакон уже тогда обладал сообразительностью, находчивостью, смелостью и не был лишен чувства юмора.

С. Р. Лозинский на фоне памятника почившим на территории МДА

В начале 1970-х годов отец Марк стал участником обретения и перенесения в Лавру мощей святителя Феофана Затворника. Под его руководством иеромонах (будущий архимандрит) Георгий (Тертышников), иерей Георгий Глазунов и Евгений Диденко (будущий архимандрит Елевферий) совершили поездку в Вышенскую обитель, где 22 года провел в затворе святитель.

Через какое-то время останки святого старца были ими бережно собраны и с чрезвычайным благоговением перевезены в Троице-Сергиеву Лавру. Там мощи хранились до 1988 года, когда их переправили в Рязанскую область и 5 июня, за

В день защиты диссертации возле МДА с родителями

день до общецерковного прославления, поместили в храм во имя преподобного Сергия Радонежского села Эммануиловка. 29 июня 2002 года состоялось перенесение мощей святителя Феофана из Сергиевского храма в Успенский храм возрожденной Вышенской пустыни.

Также благодаря отцу Марку в Борисоглебский монастырь удивительным образом были возвращены железные вериги преподобного Иринарха Затворника. Когда игумена Иоанна (Титова) назначили наместником этой обители, он сразу же начал поиски утраченных святынь. Особенно его заинтересовала судьба вериг преподобного Иринарха.

Было известно, что вериги хранились в Христорождественском храме села Кондаково, — 6 июня 1872 года настоятель Борисоглебской обители передал их на родину угодника Божия. Здесь они находились вплоть до закрытия церкви, а потом были переданы в Троицкий храм в селе Губычево. В 1960-е годы, когда этот храм также был закрыт, вериги увезли в музей Углича.

Отец Иоанн поехал в Углич с дочерью старосты Троицкого храма, которая неоднократно видела вериги. Она сразу же узнала их среди выставленных экспонатов, однако под ними было написано, что вериги взяты из церкви села Нефедово³⁹. Директор музея попросил предъявить какие-нибудь фотографии в качестве доказательств того, что это действительно вериги преподобного Иринарха. Таких фотографий, конечно, не было... Через пару недель отец Иоанн оказался в Тульской Православной классической гимназии. В разговоре с ее ректором, протоиереем Львом Махно, он поделился своими переживаниями, на что отец Лев спокойно ответил: «У меня есть эти фотографии». Оказалось, что в 1960-х годах отец Марк вместе с отцом Львом, тогда еще простым семинаристом, поехали в Троицкий храм села Губыче-

³⁹ Впоследствии выяснилось, что церковная утварь из церкви села Губычево и села Нефедово вывозилась в один день и на одной машине, была свалена в одну кучу с чугунами и ухватами и пролежала так около десяти лет. При разборе сотрудники музея, позабыв, откуда что привезли, сделали формальную надпись, что вериги были доставлены из храма села Нефедово, на деле же их там никогда и не было.

Игумен Марк (Лозинский) и архимандрит Серафим (Шинкарев)

во, зная, что там хранится святыня, и отец Марк сфотографировал отца Льва в веригах. Директор музея, увидев фотографии, был, конечно, поражен, ведь свое обещание он дал, будучи уверенным, что

никаких фотографий нет и быть не может. Однако обещание свое он сдержал. Таким образом, благодаря отцу Марку и отцу Льву святыня вернулась в Борисоглебскую обитель⁴⁰.

Игумен Марк нес в Лавре очень большую нагрузку. А болезнь тем временем неумолимо прогрессировала. В последний год своей земной жизни батюшка мог служить только раннюю Литургию: диабет требовал лекарства, а лекарство — еды. Но, несмотря на сильнейшую слабость, служил отец Марк благоговейно, со страхом Божиим.

После праздника Рождества Христова 1973 года игумен Марк уехал к родителям в Тулу. Там у него обострился сахарный диабет, и он впал в кому. 29 января, в день рождения своего отца, протоиерея Ростислава, игумен Марк преставился ко Господу. Известно, что незадолго до кончины он вместе со своим духовным наставником схиархимандритом Иоанном (Масловым) посетил глинского старца схиархимандрита Андроника (Лукаша), который тогда проживал в Грузии. Старец сказал отцу Марку всего три слова: «Загорск, собор, кладбище».

Во время погребения, когда гроб с телом покойного опускали в могилу, произошел удивительный случай: во время пения «Святой Боже...» ко гробу с пением подлетела стая птиц. Пролетев над головами людей, птицы снизились и, прошептав над гробом, вновь взмыли в небеса. Все были поражены: даже птицы прилетели попрощаться с дорогим

батюшкой — благоговейным монахом и тружеником, посвятившим всю свою жизнь служению Богу и людям.

Игумен Марк отошел ко Господу 29 января 1973 года и был погребен на Спасском кладбище Тулы.

УЧЕНЫЙ ЛАВРСКИЙ СХИМНИК. ИЕРОСХИМОНАХ МОИСЕЙ (БОГОЛЮБОВ)

В 1978 году ученый с мировым именем, выдающийся специалист по теории нелинейных цепей, доктор технических наук Валентин Евгеньевич Боголюбов раздает свое имущество, включая квартиру и дачу, и уходит простым монахом в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. Для мира умирает незаурядный профессор и уникальный ученый, а для вечности рождается иеромонах Филадельф, в схиме отец Моисей, — человек, отличавшийся удивительной кротостью, смирением и терпением, имевший особый дар молитвы и утешения, на деле исполнивший слова Христа: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19, 21).

Иеросхимонах Моисей родился в 1915 году в Рязани. Его родители, Евгений и Клавдия, по профессии преподаватели, происходили из древних священнических родов. По рассказам старца, его первые воспоминания детства связаны с годами, проведенными на Алтае. На всю жизнь Валентин запомнил, как однажды выносили чудотворную икону Божией Матери, и его мама наказывала ему приклонить колени перед святыней... Глубокое почитание Божией Матери в дальнейшем побудило отца Филадельфа написать книгу «Заступница

⁴⁰ Подробнее см.: Щербаков, С. А. У святого колодчика // Русский Дом. 2003. № 3. С. 7–9.

Иеромонах Филадельф (Боголюбов) и архимандрит Иннокентий (Просвирнин)

Усердная». Эту книгу, приведшую к вере очень многих людей, он так и не увидел напечатанной при своей земной жизни, но она по праву может быть названа ее достойным плодом, даром любви, принесенным к стопам Создателя и Его Пречистой Матери. Но все это будет потом... А пока юный Валентин хочет всецело посвятить себя науке. Окончив Московский энергетический институт и аспирантуру по кафедре теоретических основ электротехники, он остается преподавать в родном вузе, с которым будет связана вся его жизнь вплоть до поступления в Лавру. «Все лучшие годы употребил я на создание научной карьеры, получил много чести и даже власти, много

денег и учеников, — напишет он потом своему племяннику и крестному сыну Алексею. — Мои близкие кто радовался, кто завидовал. Куча светлых обязанностей навалилась на меня. До сих пор меня мучит совесть об упущенном времени, о потерянной возможности сделать что-то для Бога в тот период, когда я был молод, силен, энергичен».

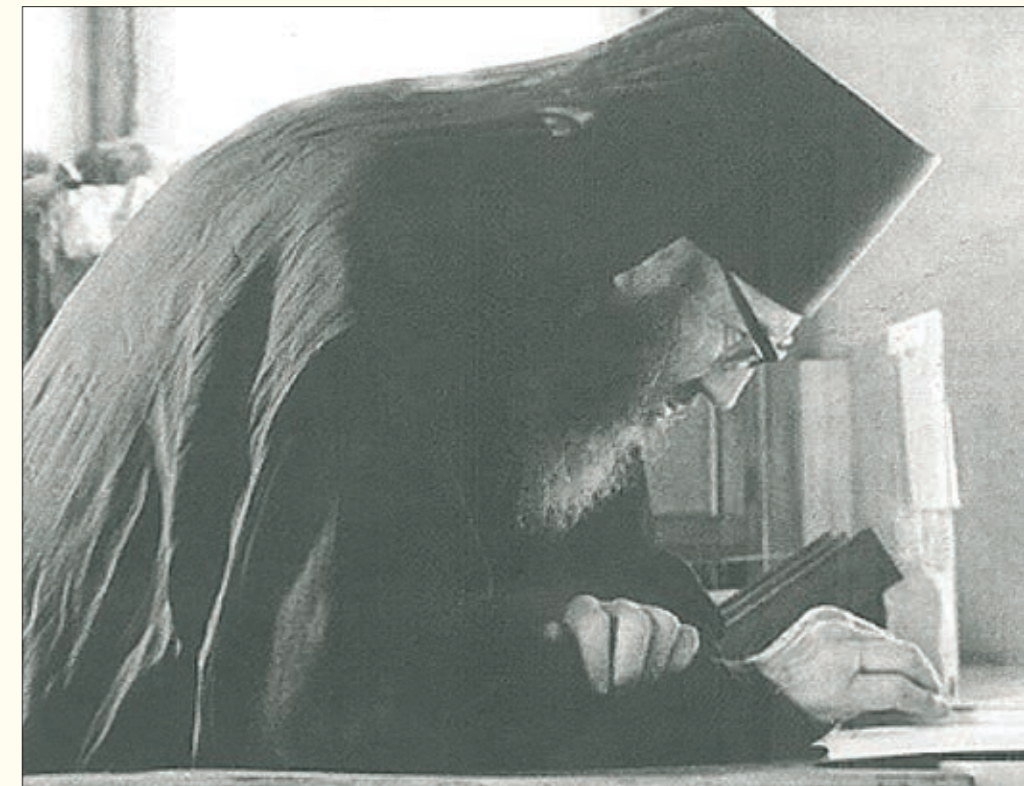
Активная деятельность на научном поприще была прервана в 1941 году, когда началась Великая Отечественная война... Валентин сразу же, как и его коллеги, хотел идти в ополчение, но за послушание маме дождался призыва в регулярную армию, что спасло ему жизнь. Он был направлен в пулеметную школу, во время налета немецкой авиации получил сильную контузию, оказался в госпитале и вскоре демобилизовался, чтобы продолжить занятия наукой, а ополчение, куда хотели взять Валентина Евгеньевича, практически все полегло под Москвой... Господь промыслительно сохранил жизнь Своему верному служителю, который в дальнейшем принес неоценимую пользу не только Церкви, но и армии.

В 1945 году Валентин Евгеньевич защитил кандидатскую диссертацию, а в 1953-м — докторскую на тему «Квазирелаксационные электрические колебания в феррорезонансных цепях с подмагничиванием». В 1963 году получил звание профессора. В. Е. Боголюбов входил в число самых ярких преподавателей и ученых кафедры, им были изданы многочисленные учебные пособия и монографии по теории нелинейных цепей и нелинейных

колебаний. Послушать его выступления приезжали из Ташкента, Киева, Харькова, Ленинграда и других городов. Но сердце его искало чего-то другого... У Валентина Евгеньевича была дача в Подмосковье рядом с храмом. В свободное от научных трудов время он любил туда приходить. Однако веру в те сложные времена ему приходилось скрывать: «Зайду я в воскресенье и праздничные дни, записку подам, свечку поставлю и стою тихонечко. Никто меня там не знал...» О добром и милостивом сердце профессора Боголюбова вспоминали его коллеги, рассказывая, как он постоянно интересовался заботами каждого сотрудника научной группы, старался помочь в преодолении трудностей.

Позже Валентин Евгеньевич начал ездить в Лавру. Большое впечатление произвел на него архимандрит Иннокентий (Просвирнин). С ним профессор познакомился в середине 1970-х, когда тот работал в Издательском отделе Московской Патриархии. И, конечно же, судьбоносное значение имела встреча будущего схимника с духовником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандритом Кириллом (Павловым), который стал духовником и самого Валентина Евгеньевича.

«Скажу честно, — вспоминал отец Моисей, — в то время я жить не мог без классической музыки. Как-то раз я, не без трепета, пригласил отца Кирилла к себе на дачу. И он — о, радость! — дал согласие. Приехали, расположились в комнате с проигрывателем. Ставлю пластинку Баха. Долго сидим и слушаем. С замиранием сердца жду, что

же скажет старец. Отзвучали последние аккорды. Воцарилась тишина... Я, наконец, спрашиваю:

— Ну что, отец Кирилл, можно мне это слушать?

— Слушай, — с любовью, улыбаясь, отвечает батюшка...»

Уже после кончины отца Моисея старец Кирилл делился своими воспоминаниями о нем: «Иеросхимонаха отца Моисея я знаю с самого первого дня его вступления в нашу святую обитель. Это человек удивительно умный, православно

настроенный и высочайшего духа смирения и кротости. Имея звание доктора технических наук, по прибытии в нашу обитель он показывал такое смирение, что все удивлялись его кротости, благостному отношению с братией и безропотному исполнению всех возложенных на него послушаний. Это любвеобильный, можно сказать, удивительный человек. Я всегда восхищался его мудростью, сочетавшейся с глубоким смирением. Поэтому из бесед с ним выносишь всегда какое-то легкое настроение на душе. Любовь к людям в нем была.

Я с ним был в близких отношениях, мы как-то так по духу сходились. Он ко мне часто приходил, и мы решали вопросы совместно. Когда к нему приходили с какими-нибудь вопросами, он посылал ко мне или сам приходил. Несли тяготы друг друга. И удивительно, что у него не было какого-то там зазнайства, заносчивости. Ведь он же доктор, а за каким-то вопросом бежит — невежественного просит разрешить. Помню, покойный отец Иероним⁴¹, принимавший его в число братии, всегда ставил в пример: вот, учитесь у отца Филадельфа смирению, кротости, послушанию. Так что человек он был очень умный, умница был большой, рассудительный, начитанный, понимал многое.

Наша братия его любила. Все уважали его. Упокой, Господи, душу его в селениях праведных. За его доброе сердце, за его мужество. Он не боялся,

давал прямые такие, острые советы — может, сейчас некоторые так не скажут. Дай ему, Господи, Царство Небесное!»⁴²

В 1978 году, после смерти мамы, Валентин Евгеньевич прочитал в МЭИ свой последний доклад, посвященный отцу Павлу Флоренскому, ученому-естествоиспытателю и богослову. Затем он раздал свое имущество нуждающимся и, получив благословение отца Кирилла, окончательно покинул мир, приняв 7 февраля 1979 монашеский постриг в любимой Лавре. 1 декабря того же года он был рукоположен во иеродиакона, а 3 февраля 1985 года — во иеромонаха.

В Лавре отец Филадельф нес различные послушания: разливал освященное масло, дежурил в надкладезной часовне и раздавал воду, пел на клиросе, продавал свечи в Предтеченском храме приходящим туда на исповедь и там же, после окончания этого послушания, читал акафист перед иконой Божией Матери «Державная», которую особенно чтит.

Много времени отец Филадельф проводил в библиотеке Лавры, изучая труды святых отцов. Старец был усердным тружеником и молитвенником. У себя в келье он принимал посетителей, поток которых с каждым годом все более и более возрастал. По воспоминаниям духовных чад и почитателей старца, он обладал удивительным смирением.

Будучи уже в возрасте, кланялся всем послушникам. Во время чтения жития святых за трапезой плакал. Всех приходящих принимал с радостью, считая себя недостойным тех, кто к нему приходил, сокрушаясь о грешнике и радуясь праведнику. Сердце его было открыто для каждого.

В конце жизни для старца начался новый подвиг — труды по воцерковлению Вооруженных сил. В январе 1992 года отец Филадельф и православные публицисты из Москвы завершили программную статью «На острие меча». Данная работа положила начало известному сборнику «Православие. Армия. Держава». В монашескую келью батюшки и раньше часто приезжали его ученики и коллеги по работе в МЭИ — теперь ее стали посещать и крупные военачальники. Отец Моисей говорил о том, что совершенно обязательным и неизбежным условием возрождения и сохранения России как государства является духовное возрождение армии и флота на основе Православия. «Если наша Армия соединится с Церковью — Россия будет непобедима!» — утверждал батюшка. Но главным оружием старца была молитва. Он был настоящим воином Христовым. По свидетельству самого отца Филадельфа, однажды он был сброшен демонами с кровати, а родинка на его щеке, начавшая внезапно перерастать в раковую опухоль, — это месть бесов подвижнику. Позднее эта кровоточащая рана превратилась в младенчески розовую кожу. Старец любил повторять: «Наше место на передовой. Если не мы, то кто другой?»

Отец Филадельф много писал. Он готовил к выпуску сборник «Троицкие листки». Из-под его пера вышли статьи, публицистические работы, материалы к проповедям (ни одну из этих проповедей ему, впрочем, так и не удалось произнести самвона — как свидетельствовал впоследствии сам батюшка, за отказ сотрудничать с КГБ, бдительно опекавшим в те годы Лавру, его даже чуть не выгнали из обители). Сначала статьи он перепечатывал на машинке, потом стал ксерокопировать, всеми доступными средствами стараясь прославлять имя Божией Матери, которую любил всем сердцем.

За несколько месяцев до своей кончины старец, по благословению архимандрита Кирилла

⁴¹ Архимандрит Иероним (Зиновьев; 10.09.1934–30.03.1982) — наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры с 1972 по 1982 г.

⁴² Кирилл (Павлов), архим. Сердце доброе // День. 1993. № 24 (104). Записал прот. Николай Булгаков 4 июня 1993 г. в Переделкине.

(Павлова), принял великую схиму с именем пророка Божия Моисея (после кончины в его келье была найдена рукопись с недописанным акафистом этому великому ветхозаветному святому). Перед отшествием в Вечность батюшка каждый день причащался Святых Христовых Таин. Умирал в полном сознании, до последнего момента осеняя себя крестным знаменем. Похоронили иеросхимонаха Моисея, по его личной просьбе, рядом с могилой горячо любимой матери — на новом Сергиево-Посадском кладбище у села Благовещенское.

В ночь на девятое декабря, когда старец отошел ко Господу, снег плотно укрыл всю Лавру мягким покровом. Обитель прощалась с выдающимся ученым, который предпочел жизнь простого монаха. Протоиерей Константин Татаринцев говорил о батюшке: «Жизнь иеросхимонаха Моисея, в миру профессора Боголюбова, раскрывает удивительное: ту самую Православную Россию, которая никогда не умирала, несмотря на безбожный XX век, и пронизывала все слои общества — от простых бабушек-молитвенниц до представителей интеллигенции, в том числе технической. Его слово живет и сегодня, а добрые семена, посеянные в человеческих душах, всходят».

До сих пор духовное наследие старца, его труды во славу Бога и Его Пречистой Матери окрыляют нас и исполняют сил, веры, любви и надежды, а пример жизни подвижника, оставившего славу и почести ради Христа, назидает и учит тому, что в этой жизни действительно является главным.

СЛИВЕННЕЙШИЙ АРХИДИАКОН, МОНАХ И ЧЕЛОВЕК.

АРХИДИАКОН ЮВЕНАЛИЙ (КРУК)

Архидиакон Ювеналий (в миру Николай Алексеевич Крук) родился 10 мая 1947 года в деревне Звездная Барановичского района Брестской области в православной семье. В детстве помогал в алтаре храма Преображения Господня в деревне Новая Мышь Барановичского района. В 1965 году окончил среднюю школу. В 1965–1966 годах обучался на курсах телерадиомастеров при Барановичском ДОСААФе. В 1966–1968 годах служил в армии, демобилизовался в звании сержанта.

С 1969 года работал в воинской части № 36856 города Барановичи радиомехаником. В 1971 году поступил в Московскую духовную семинарию, по окончании которой продолжил обучение в Московской духовной академии.

На втором курсе обучения в Академии был принят послушником в Лавру. 30 марта 1977 года был пострижен в монашество наместником Лавры архимандритом Иеронимом (Зиновьевым) в Троицком соборе обители с именем Ювеналий в честь святителя Иувеналия, Патриарха Иерусалимского.

12 апреля 1977 года ректором Московской духовной академии архиепископом Дмитровским

Отец Порфирий (Клименко) и отец Ювеналий. Лавра, возле Покровского академического храма. Около 1978 года

Германия, 1988 год

Во время поездки в Германию в 1988 году с архимандритом Матфеем (Мормылем) и лаврским хором

Владимиром (Сабоданом) был рукоположен в сан иеродиакона в Покровском академическом храме. В 1981 году награжден правом служения с двойным ораером. 17 июля 1988 года митрополитом Кишиневским и Молдавским Серапионом (Фадеевым) возведен в сан архидиакона в Успенском соборе Лавры.

Отец Ювеналий более 40 лет нес послушание ответственного за диаконский чин и певчего братского хора. Помимо этого, архидиакон Ювеналий многие годы занимался в Лавре иконописными и реставрационными работами, с 1989 по 2007 год руководил лаврской иконописно-реставрационной мастерской. Он был художником-реставратором монументальной масляной живописи первой категории.

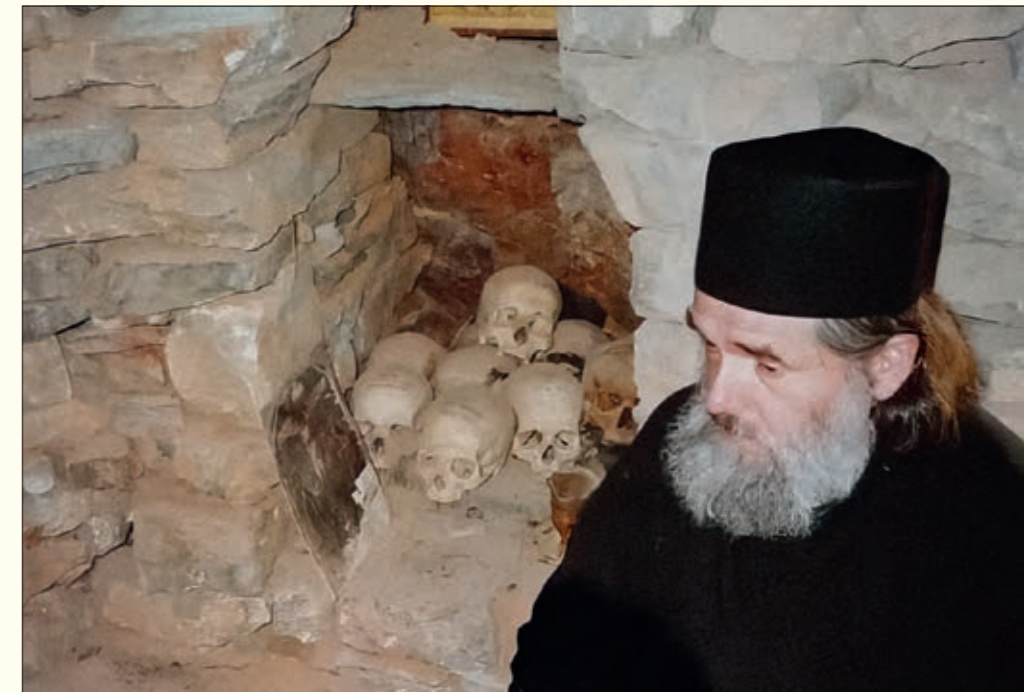
Во внимание к трудам на благо Святой Церкви архидиакон Ювеналий был удостоен множества наград: Патриаршие грамоты (1971, 2001), орден Святого князя Владимира третьей степени и медаль Преподобного Сергия Радонежского второй степени (1979), орден Преподобного Сергия второй степени (1987), Патриарший знак «700-летие преподобного Сергия Радонежского» (2014), орден Преподобного Сергия Радонежского первой степени (2022).

Архидиакон Ювеналий являлся духовным чадом иеросхимонаха Сампсона (Сиверса) и всю жизнь хранил в сердце наставления духовника. По воспоминаниям отца Ювеналия, ответы батюшки на насущные вопросы были краткими, но очень емкими и глубоко содержательными, каждое

слово имело большой вес и впечатляло душу. Помимо личных встреч отец Сампсон присылал отцу Ювеналию письма, в которых учил избегать формализма и тех обстоятельств, которые могут привести к греху. Пройдя такую школу воспитания, отец Ювеналий всю жизнь был крайне внимателен и требователен к себе.

Отец Сампсон благословил юного Николая принять монашество на втором курсе Академии, потому что «потом может быть поздно». И действительно, оказалось, что наместник Лавры архимандрит Иероним охотнее постригал в монашество первокурсников, считая, что у студентов 3-4 курсов уже нет такого произволения, и зачастую они принимают постриг не ради Христа, а потому что «уже некуда деваться». Поэтому к старшекурсникам отец наместник внимательно присматривался и принимал в число братии далеко не каждого. По воспоминаниям отца Ювеналия, архимандрит Иероним был выдающимся подвижником своего времени. В условиях еще не закончившихся гонений он сумел очень много сделать для монастыря: провел значительные строительные и реставрационные работы, оформил братии постоянную прописку, что было по тем временам невероятно сложно сделать... Проявляя одновременно строгость и заботу, отец Иероним, как и отец Сампсон, явился для отца Ювеналия назидющим и укрепляющим примером на всю дальнейшую жизнь.

Также большое влияние на становление отца Ювеналия, на его возрастание в духовном делании оказал архимандрит Кирилл (Павлов). Вспоминая

лаврского духовника, отец Ювеналий рассказывал: «Когда кто-то из братии просил добавить что-то в свое молитвенное правило, батюшка вникал в просьбу — спрашивал, зачем, для чего, почему — и благословлял. Не знаю, всем ли и всегда, но благословлял. И отец Кирилл всегда радовался, когда видел какого-нибудь брата в особом, благодатном состоянии. Батюшка как-то вычислял такого брата и всегда радовался — мог подойти и обнять. Он очень тонко чувствовал людей». В этих воспоминаниях угадывается личный опыт молитвенного делания самого отца Ювеналия. Вполне возможно, что он рассказал именно о себе, не называя своего имени. Об этом опыте также свидетельствуют

Святейший
Патриарх
Кирилл
и архидиакон
Ювеналий

Архидиакон Ювеналий (Крук) и архимандрит Кирилл (Павлов)

рассуждения отца Ювеналия о молитве, которые записал один из насельников Троице-Сергиевой обители: «Всякая молитва должна быть с соучастием сердца — в той степени, в которой сердце может соучаствовать. Это хорошо отражено в трудах святителя Феофана. Конечно, современному человеку трудно всем сердцем погрузиться в молитву, и ставить такую задачу — неправильно. Поэтому один из самых простых и надежных методов — просто вникать в смысл произносимых молитв, сопровождать чтение молитв теми мыслями, которые являются сутью, сущностью произносимых молитвенных фраз. И вот сопровождение этими мыслями — оно как раз и подталкивает ум приближаться к сердцу, на ту степень, на которую оно очищено. Ну а чтобы полностью войти в сердце — нужно, безусловно, иметь чистое сердце. И, конечно, если человеку такая молитва дается — это дар Божий. Никаким искусственным путем вогнать ее в сердце невозможно — ум будет всплывать, как поплавок из воды. Только Господь Духом Своим Святым может поместить ум внутрь сердца». По воспоминаниям лаврской братии, отец Ювеналий всегда был на вечернем богослужении и понуждал себя к непрестанной молитве — даже во время служения не выпускал четки, а держал руку с четками под стихарем, чтобы не привлекать внимания. Неудивительно, что отец Кирилл любил с ним служить.

Архидиакон Ювеналий был очень требователен к себе и других призывал всегда руководствоваться канонами Церкви и строго соблюдать

Устав. Он был противником каких-либо новшеств в богослужении. Если кто-то пытался что-то изменить или добавить, мог возразить: в служебнике или требнике написано так-то. Братия вспоминает, как однажды на общем соборании в Успенском соборе Лавры в Великую Среду один из старших диаконов на малой ектении просил добавить к словам «О еже простится им всякому согрешению, вольному и невольному...» частичку «же», потому что так привычнее и в чине наверняка опечатка. Отец Ювеналий строго запретил.

На Михайлов день при отпуске мог тихо в стороне поправить: «Неправильно говорить “ихже и память ныне совершаем”. Бесплотные силы не жили на земле, не умирали. Мы не память их совершаем, а просим их о предстательстве пред Господом».

При этом архидиакона Ювеналия отличали удивительные кротость и смирение. Валерий Яковлевич Саврей свидетельствует: «Отец Ювеналий был олицетворением подлинного монашества: кротости, глубокого смирения, сострадания, любви. Господь дал ему удивительную способность — вмещать чужую боль, как свою. Это дар истинной любви. По словам апостола Павла, любовь не раздражается, не ищет своего, все покрывает... И отец Ювеналий действительно все покрывал. Я не помню, чтобы он на кого-нибудь когда-нибудь раздражался. Не помню, чтобы во время наших многочисленных бесед на протяжении многих лет отец Ювеналий говорил о ком-то отрицательно. Даже большие искушения он покрывал любовью.

Архидиакон Ювеналий и Святейший Патриарх Алексей II

Митрополит Филарет (Вахромеев) предлагал ему епископскую кафедру в Белоруссии, но отец Ювеналий отказался, сославшись на то, что его призвание быть простым монахом. И это говорит о многом. Он жил не для себя, а для Христа Спасителя. Он вел замкнутый образ жизни, и вел его потому, что свое подлинное, сокровенное, духовное ядро хотел сохранить в целомудрии и чистоте».

«Смирнейший, благоговейнейший архидиакон, монах и человек, — вспоминает его митрополит Каширский Феогност. — Отец архидиакон был всецело предан служению Господу, у него никогда не было ропота. Для нас он навсегда останется

примером кротости, благоговения, благочестия, веры и верности».

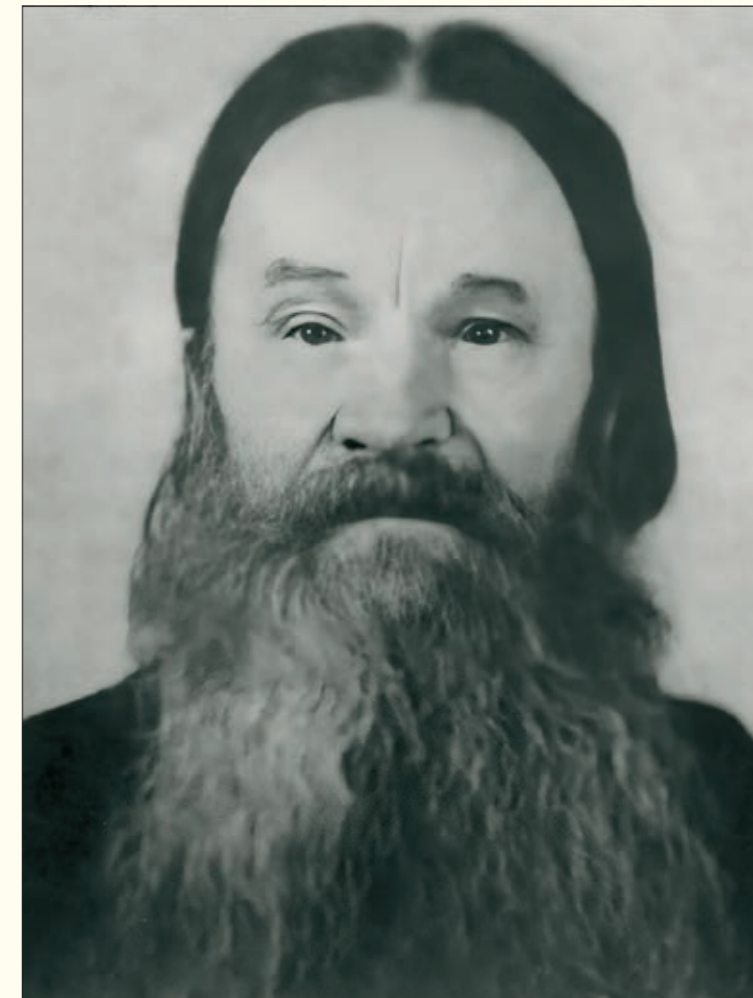
«Я знал этого светлого человека со студенческих лет, — рассказывает митрополит Тверской и Кашинский Амвросий. — На всю жизнь запомнил, как он сослужил архимандриту Кириллу (Павлову) за Божественной литургией, чаще всего в Трапезном храме Лавры. Уже тогда для всех нас, студентов Московской духовной академии, отец Ювеналий стал примером благоговейной и смиренной молитвы, трепетного отношения к святыням алтаря и храма Божиего. Он был человеком, никогда не пребывающим в праздности. После богослужения передевался в рабочую одежду и, будучи одаренным от Господа художественным даром, реставрировал росписи в храмах святой обители. По свидетельству многих очевидцев, он был ревностным делателем молитвы Иисусовой. В ответ на жизнь во Христе он был щедро одарен от Бога дарами Духа Святого, о которых писал святой апостол Павел: «...любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона» (Гал. 5, 22). Отец Ювеналий был поистине человеком Божиим, примером настоящего монаха. Достаточно было его увидеть, поприветствовать, обнять, чтобы получить огромную сердечную радость и чувство мира. Его чистые, светлые, детские глаза были ярким свидетельством такой же чистой жизни».

«НА СОФРОНИЯХ ЦЕРКОВЬ ДЕРЖИТСЯ...» ИЕРОДИАКОН СОФРОНИЙ (КУЗИН)

17 июля в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре молитвенно вспоминают иеродиакона Софрония (Кузина), отошедшего ко Господу в этот день в 2001 году. «Особенный, странный, грубый, нелюдимый» — нередко можно было услышать именно такие эпитеты в адрес отца диакона при его жизни. «Никакого толку от тебя нет, Софроний!» — бывало, говорил ему кто-то из братии в сердцах. «Как на Иванах Русь держится, так на Софрониях — Церковь», — нахмурившись, отвечал монах. И лишь по отшествию «грубияна» и простеца в вечность стал понятен истинный смысл этих слов — когда братия начали потихоньку рассказывать друг другу эпизоды, свидетелями которых они были, обнаружилась глубина подвига простого иеродиакона и богатство его тайных добродетелей.

Иеродиакон Софроний (в миру Сергей Никанорович Кузин) родился 19 сентября 1922 года в селе Дунаевка Юрьев-Польского района Владимирской губернии в семье рабочего. Окончил четыре класса начальной школы. Некоторое время жил в детдоме — мать умерла, отец погиб на фронте.

В конце первого года Великой Отечественной войны Сергея призвали в армию, но на передовой

побывать не пришлось — попал на Забайкальский фронт. Нательный крест не снял, хотя угрожали и даже называли предателем. Позднее отец Софроний вспоминал: «За время войны я не сделал ни одного выстрела — не мог стрелять».

После войны Сергей пару лет работал в военизированной охране, а в 1948 году загорелся желанием поступить в Троице-Сергиеву Лавру. В первый раз ему отказали из-за отсутствия прописки. Но желание послужить Преподобному было настолько велико, что он решил устроиться пастухом в один из колхозов Загорского района, заработать прописку и тогда пойти в Лавру. Сергей вошел в доверие к председателю, а о монастыре молчал и шесть лет пас скотину. Когда же наконец подошел срок и он пришел получать документы, председатель сказал ему: «Только смотри, чтоб в монастырь не ходил!» На что тот спокойно, даже с вызовом, ответил: «Как же! Обязательно пойду!» Председатель был в ярости, но поделаться уже ничего не мог...

В феврале 1954 года Сергей пришел в Лавру и был принят послушником. 21 августа 1956 года наместник обители архимандрит Пимен (Извеков), будущий Святейший Патриарх, совершил его постриг в монашество с именем Софроний — в честь преподобного Софрония, архиепископа Кипрского. На Благовещение 1958 года епископ Полтавский и Кременчугский Серафим (Шарапов)⁴³ рукоположил его во иеродиакона.

Поначалу отец Софроний нес послушания рабочего на кухне, сторожа и уборщика, затем три года работал на просфорне. По рукоположении в сан иеродиакона на первой же службе вышел

⁴³ Преставился 22 августа 1959 г. в Лавре. Единственный архиерей, погребенный на Северном городском кладбище Сергиева Посада, где хоронили тогда лаврскую братию.

из алтаря и без остановки прочитал сразу все прошения ектении, напечатанные в Служебнике. Но потом освоился и служил уже хорошо.

Особые взаимоотношения сложились у отца Софрония с братским духовником архимандритом Кириллом (Павловым). В пору казначейства отца Кирилла у иеродиакона Софрония было послушание, о котором никто не знал: он приходил к отцу казначею и получал деньги на бедных людей. Зайдет к отцу Кириллу, выйдет и вскоре появляется у монастырской проходной, где раздает эти деньги нуждающимся, как бы от себя. Благодаря этому отец Кирилл освобождался от нападений и искушений, связанных с раздачей милостыни в те нелегкие годы.

Отец Софроний очень любил бедных лаврских прихожан, свою собственную пенсию он также раздавал нищим. Если просили, мог, не жалея, отдать сразу все деньги. Любовь к нищим и нестяжание — в этих дополняющих друг друга добродетелях он нашел себя. Отыскивал бутылки, чистил, отмывал их. После братского обеда собирал оставшиеся на столах продукты, в бутылки наливал компот, морс, выносил все это уже ожидающим его на братской проходной нищим. Отец Софроний каким-то непостижимым образом различал, кто из них больше нуждается в помощи. Весьма своеобразно отец диакон отмечал свои именины: после обеда выносил к монастырской проходной большой поднос с горой разных угощений. Постоянно кормил птичек хлебом, оставшимся после братской трапезы.

Его келья имела крайне аскетический, плачевный вид и во всем корпусе требовала ремонта в первую очередь, однако отец Софроний от ремонта отказывался. Здесь были только стол, скамейка, стул да кровать, старенькие ряса и подрясник, с которым связана интересная история. Как-то отец наместник дал отцу диакону персональное послушание — поменять старый короткий подрясник на новый: «Софроний, ну что ты ходишь в таком старье, иди в пошивочную, пусть снимут мерки, сошьем тебе все новое». Как только отец Софроний получил новый подрясник, он взял топор и возле братской бани, где кололи березовые дрова, отрубил его нижнюю часть, после чего продолжил ходить по-старому — в подряснике длиной по лодыжки.

Иеродиакон Софроний отличался молчаливостью. А если говорил, то очень весомо и глубоко, мог сразить любого монастырского остролова. Ответы его становились настоящими афоризмами. Так, однажды в трапезной к отцу Софронию подсел один архимандрит и несколько вольно, но с любовью обратился: «Отец Софроний, как хорошо с тобой рядом покушать!» На что тот очень серьезно и невозмутимо ответил: «А в аду со мной приятно будет сидеть?» По воспоминаниям братии, иеродиакон Софроний частенько говорил грубости. Мог зайти в магазин, попросить конфетку, вместо «спасибо» сказать «фу, какая гадость» и уйти.

Патриарх Пимен во время своих визитов в Лавру любил навещать братию — ходить по кельям,

смотреть, кто как живет, интересоваться, как братия молятся, как трудятся, есть ли в чем нужда... Однажды он решил навестить отца Софрония. Постучал в дверь — нет ответа. Постучал еще раз — то же самое. Постучал в третий раз, уже со словами: «Отец Софроний, открой, это Патриарх Пимен», на что отец диакон потребовал: «Молитву!» После того как Святейший смиренно произнес: «Молитвами святых отец наших...», отец Софроний открыл дверь и спросил: «Зачем Вы пришли? Вообще-то я Вас не звал».

При этом нельзя обвинить иеродиакона Софрония в непочтительности по отношению к священноначалию. Истинное отношение к Первосвятителю проявилось однажды во время праздничного застолья в день его тезоименитства — правда, в свойственной отцу Софронию манере. Когда говорили тост и поднимали бокалы за Святейшего Патриарха, Свято-Троицкого Сергиевы Лавры священноархимандрита, все встали, кроме отца Софрония. Отец протодиакон, стоящий напротив сидевшего отца, сделал замечание: «Отец Софроний, за здоровье Святейшего!» — на что тот ответил: «За Святейшего надо не пить, а молиться».

Фрагмент братской фотографии, иеродиакон Софроний в центре. 16 февраля 1963 года

Основным послушанием отца Софрония было дежурство в храме по ночам накануне праздников. В то время в Лавре была традиция: храмы не закрывали на ночь накануне воскресных и праздничных дней, паломники могли находиться здесь всю ночь, до ранней Литургии, — совершать общее правило ко причащению, отдыхать. Отец Софроний перед Литургией убирал стулья, лавки — тащил их по полу через весь храм к свечному ящику. Вскоре раздавался оглушительный грохот — это он перебрал лавку или стул через барьер свечного ящика, где они раньше стояли. Так своеобразно наводил порядок. После ночных бдений часто причащался в своей старенькой ряске вместе с мирянами.

Однажды обнаружилась утечка электричества в Варваринском корпусе. Начали выяснять, в чем дело, пошли с проверкой по кельям. И каково же было удивление проверяющего, когда он зашел в келью отца Софрония и обнаружил, что у него под кроватью в ряд стоит штук шесть–восемь включенных электрических плиток, а отец диакон лежит и тихонечко «прожаривается»!

А в банные дни он, наоборот, любил занимать купель с ледяной водой. Когда кто-то из братии хотел окунуться после парилки — не пускал. «Молча бултыхался в холодной воде, что-то напевал, — вспоминает один монах. — При этом отвечал на духовные вопросы. До сих пор благодарен ему за ответы “из ванны”, которые помогли разрешить мне довольно сложные вопросы...»

Иеродиакон Софроний вообще говорил всегда по делу и часто так, что тема разговора раскрывалась с неожиданной стороны.

При всем своем неподражаемом юродстве он умел вести себя вполне благопристойно. Это выяснилось, когда отец Онуфрий (Березовский, ныне — Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины) пригласил его провести отпуск в Почаевской Лавре. Во время поездки отец Софроний вел себя безукоризненно и не позволял себе никаких вольностей.

До последнего дня иеродиакон Софроний сохранил ясный рассудок. Умел пошутить, разрядить обстановку. Когда его собирали в больницу и не могли найти свитер, он заметил: «Свитер уехал в Питер».

Лаврский насельник иеромонах Моисей (Дроздов) вспоминал, как пытался помочь уже тяжело больному батюшке помыться. После долгих уговоров отец Софроний согласился принять помощь собрата при условии, что тот позволит ему петь во время процедуры. И вскоре из ванной комнаты раздалось громкое: «Врагу не сдастся наш гордый варяг!»

Возможно, отец Софроний юродствовал для того, чтобы никто к нему не подходил и не нарушал его молитвенный настрой, особую внутреннюю тишину. Он жил отвлеченно от мирской суеты, ни с кем из братии не общался, мало говорил. Не признавал лечебных отпусков и никогда не покидал Лавру.

После братского ужина иеродиакон Софроний регулярно ходил на вечернее чтение монашеского правила. При этом он лежал на скамейке головой у кафедры, за которой стоял чтец, а иногда стоял на коленях, опершись на лавку, и украдкой вытирал слезы. Каждую субботу он приходил в алтарь к братскому духовнику и подолгу исповедовался.

Пока не ухудшилось зрение, отец Софроний вместе с братией на службах читал синодики. Однажды кто-то из братии протянул ему второй синодик и услышал в ответ: «Что я, о двух головах, сразу два синодика читать?» На просьбы помолиться он обычно ничего не отвечал, но потом все то, о чем его просили помолиться, как-то устраивалось.

В больнице отец Софроний постоянно просил читать ему пяточисленные молитвы к Божией Матери. При этом чтении он умилялся и плакал.

Без слез не мог слушать молитвы с упоминанием имени Богородицы. В последний год болезни за внешностью простого человека открылось то, что ранее никто не знал. Лежа на койке, отец Софроний весь день со слезами непрестанно молился Божией Матери: «Богородица, помози мне! Владычица, не дай мне погибнуть!» Находившемуся рядом келейнику было не по себе, ибо чувствовалось, что старец находится в непрестанном общении с Горним миром...

Во время сборов в больницу братия увидели толстую исписанную крупным ученическим почерком тетрадь. В ней были собраны духовные стихи, изречения, жития святых, подвижников Афона, былины, песни с глубоким, духовно-поучительным содержанием. На вопрос, чья это тетрадь, отец Софроний неопределенно ответил: «Не знаю, кто-то принес...» Но после кончины выяснилось, что почерк был его. По сути, это была не тетрадь, а бесформенный комок из двадцати с лишним школьных тетрадей разного объема, неумело подшитых одна к другой, — почти 800 страниц! Многие листочки с духовными стихами, особенно на покаянные темы, были истерты пальцами. Ясно, что отец диакон их часто перечитывал, но от внешнего взора это скрывал...

Скончался иеродиакон Софроний 17 июля 2001 года, накануне летнего дня памяти преподобного Сергия, в день первого празднования новопрославленных святых Царственных страстотерпцев. Он преставился на коленочках, в молитве, в уединении. В таком положении его нашел

келейник... Тело почившего перенесли в крипту Успенского собора — в храм Всех святых, в земле Российской просиявших. В Лавру на праздник собралось, как всегда, немало архиереев, многие из которых знали отца Софрония лично. Архипастыри приходили, прощались с ним и благословляли его тело во гробе. Отпевание совершил лаврский наместник архимандрит Феогност на третий день его кончины, совпавший с днем памяти Собора Радонежских святых. Во время прощальной литии перед Успенскими воротами отец Софроний получил последнее архиерейское благословение от архиепископа Тернопольского Сергия, только что отслужившего Литургию в приделе Радонежских святых. Старшие отцы заметили, что такого архипастырского напутствия не сподобился никто из братьев, скончавшихся в послевоенное время.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
«Он нес в себе дух любви...» <i>Епископ Кронид (Мищенко)</i>	8
Водимый Богородицей. <i>Схиархимандрит Серафим (Семеновых)</i>	15
Простой, да непростой. <i>Архимандрит Афанасий (Алафинов)</i>	30
«В нетленной красоте кроткого и молчаливого духа...» <i>Архимандрит Георгий (Тертышников)</i>	37
«Я как был пастухом, так пастухом и остался...» <i>Архимандрит Никита (Пронин)</i>	51
С молитвой и молотком. <i>Архимандрит Пимен (Никитенко)</i>	56
Воин Христов и труженик тыла. <i>Архимандрит Серафим (Шинкарев)</i>	60
Любовь, несуетность и благородство. <i>Архимандрит Сергей (Петин)</i>	66
Человек живой веры и любви к Богу. <i>Архимандрит Феодорит (Воробьев)</i>	75
Многодетный отец, лагерник, фронтовик и схимник. <i>Схиигумен Селафиил (Мигачев)</i>	81
Ребенок душою и сердцем. <i>Игумен Григорий (Васильев)</i>	88
«Берегитесь, наблюдайте, терпите и молитесь». <i>Игумен Ипполит (Яковлев)</i>	94
Ушедший так рано, но сделавший так много. <i>Игумен Марк (Лозинский)</i>	102
Ученый лаврский схимник. <i>Иеросхимонах Моисей (Боголюбов)</i>	109
Смирнейший архиерей, монах и человек. <i>Архиерей Ювеналий (Крук)</i>	115
«На Софрониях Церковь держится...» <i>Иеродиакон Софроний (Кузин)</i>	121

В СЛУЖЕНИИ
ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЕ
И ПРЕПОДОБНОМУ СЕРГИЮ

БРАТИЯ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ
XX–XXI ВЕКОВ

Избранные жизнеописания

Составитель
иеромонах Пафнутий (Фокин)

Редактор *Анна Романова*
Корректор *Елизавета Николаевна Струнец*
Дизайн, верстка *Михаил Алимпиев*

Подписано в печать 23.01.2025

Формат 108×84 1/16. Объем 8,0 п. л.

Тираж 3 000 экз. Заказ №

Отпечатано с файлов, предоставленных заказчиком,
в АНО «Издательско-полиграфический центр
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры», г. Сергиев Посад
Тел.: +7 (495) 777-26-90